

159.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ГЕРМАНИЯ
И
ПРИБАЛТИКА

I

сб. кн. 3 1924
вѣст. ?

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра всеобщей истории

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 159

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1972

44/1346

1

Данный выпуск ученых записок кафедры всеобщей истории содержит четыре статьи по проблемам истории Германии и Прибалтики.

В течение семи веков — вплоть до Октябрьской революции — на территории Латвии и Эстонии господствовало прибалтийско-немецкое дворянство. Несколько раз в истории Прибалтика служила немецким захватчикам трамплином для дальнейшей восточной экспансии. В то же время прогрессивная немецкая культура оказала положительное влияние на развитие народов Прибалтики.

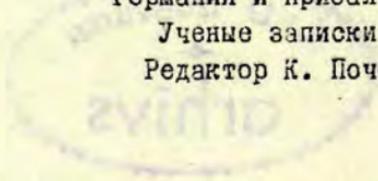
Работы, публикуемые в этом выпуске ученых записок, посвящены различным — как отрицательным, так и положительным — аспектам многовековых исторических связей Германии и Прибалтики.

Немецкие буржуазные историки всегда уделяли большое внимание кругу проблем "Германия и Прибалтика". Это относится также к современным историкам ФРГ.

В этой связи публикуемые в этом выпуске работы имеют также определенное контрпропагандистское значение.

Германия и Прибалтика
Ученые записки
Редактор К. Почс

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛИКОГО НЕМЕЦКОГО ГУМАНИСТА
И ДЕМОКРАТА И. Г. ГЕРДЕРА В РИГЕ

Иоганн Готфрид Гердер /1744-1803/, выдающийся представитель немецкого Просвещения, философ и теоретик искусства, провел в Риге первые годы своей самостоятельной деятельности и творческой жизни /декабрь 1764 - май 1769/. В этот период Гердер пишет свои первые крупные, получившие широкую известность работы, в которых уже ясно вырисовываются многие из прогрессивных идей, развитые им впоследствии. Уже в Риге получает яркое выражение историзм Гердера, антифеодалная направленность и демократизм его мыслей, появляется глубокий интерес к народному творчеству, чему не мало способствовали слышанные им в окрестностях Риги латышские народные песни.

Гердер родился в 1744 году в восточнопрусском городке Морунгене. По этому поводу его отец записал в своем дневнике: "25 августа, во вторник, ночью между 11 и 12 родился мой сын, именованный Иоганном Готфридом. Пусть Бог ... руководит им своим Святым Духом..."¹

Гердер происходил из семьи потомственных ремесленников. Его прадед, Кристоф Гердер, а затем и дед /тоже Кристоф/, так же, как и отец жены последнего Анны, были ткачами-суконщиками². Этим же ремеслом занимался вначале и отец великого писателя, женившийся на дочери мастера-сапожника. С 1735 года отец Гердера стал звонарем, младшим учителем и кантором польского прихода. Эти три должности, небольшая дашня и огород за городом еле могли прокормить семью.

¹ J. G. Herder's Lebensbild. Seine chronologisch geordneter Briefwechsel, hrsg. v. E. G. Herder, Bd. I, Abt. I, Erlangen, 1846, S. 4.

² W. Dobbek, Einleitung. - Herder's Werke in fünf Bänden, Bd. I Weimar, 1957, S. VII.

Отец Гердера был очень строгим, молчаливым и религиозным человеком. Своих детей он стремился воспитывать в том же духе. Иоганну Готфриду отец разрешал читать только книгу песнопений и библию¹. Любознательному мальчику приходилось прятаться на деревьях, где он читал, закрывшись ремнем. Мальчик читал все, что только мог достать у жителей Морунгена². Но этого было, конечно, слишком мало для него.

В школе, где педантичный и безжалостный ректор Гримм преподавал 30 мальчикам, Гердер занимался с 7 утра до 5 вечера³. Здесь он учил латинский, греческий и древнееврейский языки, географию и историю. Методом преподавания Гримма была бездумная зубрежка, школьную дисциплину он видел в кнуте и розгах, с которыми пришлось познакомиться и Гердеру⁴. Страдания, перенесенные в этой школе были одной из причин, способствовавших тому, что Гердер впоследствии с таким жаром боролся против бессмысленной перегрузки памяти школьников, против злоупотребления латынью, против устарелых методов преподавания и жестокости педагогов.

В распоряжении Гердера неожиданно оказалась довольно большая библиотека, так как он был отдан в услужение / *famulus* - ассистент, помощник / к дьякону Трешо. Причина этого трактуется по-разному. Возможно, что отец Гердера просто не хотел перечить своему начальнику⁵, но

¹ Herders Aufenthalt in Riga. "Rigasche Stadtblatter", 1816, Nr. 22, S. 174.

² M. C. v. Herder. Erinnerungen aus den Leben Joh. Gottfried von Herder, hrsg. v. J. G. Müller. Tübingen, 1820, S. 13.

³ Ibidem, S. 33.

⁴ J. G. Herder's Lebensbild, I, I, S. 56.

⁵ J. G. Herder's Lebensbild, I, I, S. 149.

скорее всего ему трудно было оплатить Трешо уроки катехизиса, которые тот ежедневно давал в его школе². Обязанностью Гердера была переписка манускриптов этого плодовитого писателя², но, кроме того, Гердера использовали также для домашних работ - посылали на рынок, в магазин за мясом и т.д.³ Трешо обращался с чувствительным юношей грубо и несдержанно. Единственным вознаграждением Гердера была возможность свободно пользоваться библиотекой Трешо, тем более, что там юноша и ночевал⁴. Здесь, среди множества религиозных книг он нашел то, к чему его безудержно влекло - греческих и римских авторов, старонемецких поэтов - Опитца, Логау, Симона, Даха. Здесь он впервые познакомился с первыми песнями "Мессиады" Клопштока⁵, со стихотворениями Клейста⁶ и некоторыми произведе-

I Ibidem, S. 41.

2 Трешо писал для разных журналов плоские статьи о теологии, морали и эстетике, книги о смерти.

3 R. Burkner. Herder. Sein Leben und Werke. Berlin, 1904, S. 7.

4 J. G. Herder's Lebensbild, I, 1, S. 152.

5 Клопшток / Klopstock /, Фридрих Готлиб /1724-1803/ - выдающийся немецкий поэт, автор религиозного эпоса "Мессиада" /1748-1773/, лирических од сентиментального и патриотического содержания и поэтических произведений на древнегерманские национально-героические сюжеты. Прошлому Германии посвящена драматическая трилогия Клопштока "Битва в Тевтобургском лесу" /1769/, "Армий и князя" /1784/ и "Смерть Арминия" /1787/. Тиранические мотивы этих произведений сделали Клопштока кумиром "Бури и натиска".

6 Клейст / Kleist /, Кристиан Эвальд /1715-1759/ - немецкий поэт, друг Лессинга, автор описательной поэмы "Весна". Клейст - враг военной муштры, до конца сохранил остро критическое отношение к феодальному порядку.

дениями Лессинга, которые произвели на чуткого юношу неизгладимое впечатление. Гердер с восторгом вспоминал свою молодость, когда он впервые читал Уца¹, Галлера², Эвальда фон Клейста, Клопштока, Лессинга, Винкельмана³, а также писателей других народов⁴. Сравнение этих замечательных книг с произведениями Трешо, поучающими искусству "свято и весело умирать"⁵, было явно не в пользу лицемерного святоши, который не стеснялся перевешивать мотки пряжи, которую для него пряли бедняки, и даже пересчитывать в них отдельные нити.

Величайшей мечтой Гердера было поступить в университет. Трешо категорически убеждал родителей Гердера в беспочвенности подобных стремлений — по его мнению Гердер должен был стать ремесленником. Позже, в 1770 г. Гердер пишет своей невесте: "Из-за тысячи предрассудков мои родители не хотели меня посвятить наукам: лицемер /т.е. Трешо.- Л.Я./, который на всю жизнь превратил для меня лицемеров в самых черных людей и очень вмешивался в дела моих родителей, бесконечно увеличил эти трудности"⁶. Гердер постоянно отзывался о Трешо с отвращением и неприязнью. Не прощая Трешо страданий своей юности, он

¹ Уц / Uz /, Иоганн Петер /1720-1769/ - наиболее даровитый поэт среди немецких анакреонтиков середины XVIII века. Выступил также с несколькими сугубо политическими произведениями /"Патриот" и др./, в которых остро осудил воинственную политику немецких князей, ввергших Германию и ее народ в ужасные бедствия.

² Галлер /Haller /, Альбрехт /1708-1779/ - швейцарец, выдающийся естествоиспытатель и поэт; прославился описательной поэмой "Альпы" /1732/.

³ Винкельман /Winkelmann /, Иоганн Иоахим /1717-1768/ выдающийся немецкий историк и теоретик искусства, основоположник буржуазно-демократического культа античности и немецкого неоклассицизма.

⁴ J.G.Herder.XVII.Schulrede (1795).-H.Reisiger,Johann Gottfried Herder.Sein Leben in Selbstaugnissen,Briefen und Berichten.Berlin,1942.S.75.

⁵ Книга Трешо называется "Sterbebibel oder Kunst seelig und frohlich zu sterben",1762.

⁶ J.G.Herder.Brief an seine Braut den 22 Sept.1770.-H.Reisiger.Johann Gottfried Herder,S.14.

называл его мучителем¹, набодным тигром², палкой, которая упрямо гнет деревцо. Считая произведения этого невыносимого для него человека мазней³, Гердер в письме к Трешо из Риги выражает пожелание, чтобы за его "Библией смерти" / "Sterbebibel" / последовала "Библия жизни" / "Lebensbibel" /⁴

Спасение пришло в лице полкового врача Иоганна Кристиана Шварца Эрла⁴, который взял Гердера с собой в Кенигсберг, обещав ему помочь изучать медицину. Уже будучи студентом теологии, Гердер пишет стихотворение, полное пылкой благодарности к человеку, который вселил в него, рожденного в пыли, две искры эфира; который вдохновил его на победу и спас от рабского покоя⁵. Шварц Эрла подарил его музам: "Музам! ему, ему / т.е. Шварцу Эрла.- Л.Я./ поют мои обновленные уста - в золоте и зелены надежды, славит его моя свобода!"⁶.

Но врачом стать Гердер не мог - уже при первом вскрытии трупа он упал в обморок. После недолгих колебаний он поступил на теологический факультет Кенигсбергского университета. Впоследствии этот поступок Гердера вызвал бурную полемику среди его биографов. Общая установка та-

1 R. Naum. Herder, S. 17.

2 J. G. Herder's Lebensbild, I, 1, S. 250.

3 J. G. Herder. Brief an Hamann den 10/13. Aug. 1764. - Herder's Briefe an Joh. Georg. Hamann. Im Originaltext hrsg. v. O. Hoffman. Berlin, 1889, S. 5.

4 J. G. Herder. Brief an Trescho den 20/31 Aug. 1765. - J. G. Herder's Lebensbild, I, 1, S. 105.

5 Joh. Chr. Schwarz Ehrle. L. Arbusow. Herder und die Begründung der Volksliedforschung im deutsch-baltischen Osten. - "Im Geiste Herders". Kitzingen a. M., 1953, S. 132. Гердер, который забыл фамилию врача, называет его Шварценло / Schwarzenloh /

6 J. G. Herder. An meinen Genius. - M. C. v. Herder. Erinnerungen... S. 37.

7 Ibidem, S. 38.

кова: в силу глубокой религиозности Гердера теология была давнишней его мечтой и внутренней необходимостью души, его призванием¹.

Религиозная атмосфера родительского дома оставила, конечно, след в душе юноши, о чем он впоследствии, кстати очень сожалел. Но уже в детстве Гердер, стремясь вырваться из узкого круга религиозных настроений и ханжества, тянется ко всему светскому, в том числе и к светской литературе. Не чувствуется у Гердера особого предпочтения также и в отношении к людям духовного звания. Трешо, как мы видели, он ненавидел, и этого почти никто не отрицает. По-разному рассматривается отношение Гердера к пастору и учителю религии в Морунгене Вилламовиусу / Willamovius / Обычно он изображается мягким, гуманным, во всех отношениях любезным человеком, которому Гердер всем сердцем был предан и который сумел сохранить в Гердере чувство искренней веры, предотвратить разочарование во всем духовенстве². По всей вероятности все же эта миссия Вилламовиусу не удалась. Уже будучи в Риге, Гердер вспоминает о нем как о набожном старце, который, рассказывая о страданиях Иисуса так растрогался, что не мог нормально говорить, останавливался и успокаивал себя, а его слушатели между тем зевали³. Как Гердер признался, несмотря на

¹ См. напр.: R. Naun. Herder, Bd. I. Berlin, 1877, S. 21; H. Reisinger. Johann Gottfried Herder, S. 10;

J. G. Herder. Stimmen der volker in Lieder. Halle S. 3;

J. G. Herder. Werke in fünf Banden. Weimar, 1957, Bd. 1, S. VII.

² M. O. v. Herder. Erinnerungen, S. 13-14; H. Doering. Johann Gottfried von Herders Leben aus theils gedruckten, theils ungedruckten Nachrichten, nebst gedrangter Uebersicht seiner Werke. Weimar, 1823, S. 9.

³ J. G. Herder. Ueber die neuere Deutsche Litteratur. Zweite Sammlung von Fragmenten. Eine Beilage zu den Briefen, die neueste Litteratur betreffend, 1767. - Herders Sammtliche Werke, hrsg. v. Suphan, B. 1. Berlin, 1877, S. 268-269.

то, что он сам стал пастором, из юношеских лет он вынес тайное отвращение к пасторам."... И разве они хоть один раз ... говорили с алтаря приличным, степенным, настоящим, естественным человеческим языком..."¹, — говорит он.

Если Гердер был в то время действительно набожным, зачем нужна горячая просьба к богу, записанная в дневнике его отца: "16 августа 1762 года мой сын стал студентом теологии; о ты, сокровенный бог... загни же у него свет веры..."². Такая просьба была бы излишней, если бы этот свет ярко горел в Гердере-сыне.

В письме к Канту от 1767 года Гердер подчеркивает, что он принял духовный сан только потому, что в условиях действительности того времени / *burgerliche Verfassung* / именно этот сан дает наибольшую возможность нести культуру и достижения человеческого разума в среду той уважаемой части человечества, которую мы называем народом³. И это было самое главное.

Однако нельзя упускать из виду, что избрание теологического факультета давало Гердеру единственную возможность получить стипендию⁴. Кроме того, теология сулила молодому бюргеру наиболее благоприятные перспективы на более или менее обеспеченное будущее. Гердер страшился бедности, причинившей ему столько страданий и закрывавшей пути к осуществлению любой его мечты. У него не было решимости Лессинга, который, как метко замечает Н.Г. Чернышевский, "пренебрегал единственным путем к обеспечению своей будущности, пренебрегал университете -

1 R. Burkner. Herder, S. 14.

2 J. G. Herder's Lebensbild, S. 4.

3 J. G. Herder. Brief an Kant, Ende 1767. — H. Reisinger. Johann Gottfried Herder, S. 63.

4 E. Braemer. Goethes Prometheus und die Grundposition des Sturm und Drang. Weimar, 1959, S. 16.

том; ныне понятно, что можно жить на свете, не занимая места на службе; тогда; если человек не был ремесленником, купцом или помещиком, он мог жить только жалованием и доходами от общественной должности. Литература не доставляла никакого обеспечения. Все литераторы были или богатые дилетанты, или профессора, учителя и пасторы: без этих источников дохода они ходили бы с голыми локтями, подобно Милиусу. Лессинг, пренебрегая дипломом, который доставил бы ему место пастора, медика или профессора, обрекал себя на вечную нищету.... Ныне понимают, что юноша должен быть юношей; тогда с двенадцати лет мальчик должен был делаться педантом: иначе он уже не имел никаких шансов проложить себе дорогу в свет¹.

Очевидно, еще до поступления в университет друзья Гердера помогли ему решить вопрос о том, как добыть средства к существованию во время учебы. В письме к родителям Гердер полностью отказывается от их помощи. Уже с первых дней имматрикуляции Гердер становится инспектором / *Inspizient* / пансионата *Collegium Fridericianum*, получая за это только бесплатную квартиру, отопление и свет. Частные уроки были единственным доходом Гердера. Страдая от голода и обходясь иногда не сколькими булками в день, Гердер не терял надежды. В одном стихотворении он пишет, что боги дали ему в сестры две фурии - Нужду и Скорбь; но спасибо богам за то, что они дали ему еще Надежду - ибо Нужда и Надежда должны существовать вместе².

Положение Гердера нормализуется с поступлением на работу учителем начальной школы. Вначале он преподает в первом классе математику, затем в старших классах ла -

¹ Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 15-ти томах, т. IV. М., 1948, стр. 94.

² J.G. Herder's *Lebensbild*, I, 1, 3. 253-256.

тинский язык, историю и философию¹. С 1763 года Гердер начинает получать также стипендию.

В Кенигсберге, когда Гердер, как он говорит в фрагменте одного стихотворения, ни о чем не думал, ничего не чувствовал и носил цепи, пропитанные пылью, потом и слезами, пришел бог Аполлон и дал ему Канта, который открыл ему глаза. "... Пусть твое имя, Кант, горит, чтобы непревзойденно осветить ночь бесконечности!"², восклицает Гердер. И действительно, идеи докритического Канта имели для последующего творчества Гердера неоценимое значение. Поэтому необходимо несколько подробнее рассмотреть те мысли Канта, которые могли так потрясти еще не оформившегося юношу.

Преподавательскую деятельность в Кенигсбергском университете Кант начал с 1755 года. Гердер слушал с увлечением его лекции по астрономии, физической географии, словом обо всем, что касалось законов природы³. Более того, Кант давал Гердеру читать многие свои работы в манускрипте, так что Гердер бесспорно сумел познакомиться и с одним из самых выдающихся произведений Канта того времени, которым явилась "Всеобщая естественная история и теория неба" /1755/⁴. В этом труде Кант развил гипотезу возникновения солнечной системы из облака разреженных в пространстве частиц материи, рассматривал всю природу как развивающуюся по своим собственным объективным законам и доказывал необходимость исторического взгляда на

¹ Ibidem, S. 158 /воспоминания Баццо (Baczo) /.

² J.G. Herder. Erhebung und Verlangen (1764 Jun.). - J.G. Herder's Lebensbild, I, 1, S. 227-228.

³ M. U. v. Herder. Erinnerungen..., S. 62.

⁴ Труд Канта был издан в 1755 году отдельной книгой, но не получил распространения, так как издатель обанкротился и склад его был опечатан. В 1791 году было напечатано извлечение из этой работы, составленное магистром Гензихом.

природу. Ф. Энгельс считал труд Канта гениальным, так как его гипотезой был устранен вопрос о первом толчке: "...земля и вся солнечная система предстали как нечто ставшее во времени"¹.

Здесь и нужно искать истоки гердеровского историзма, ставшего впоследствии наиболее характерной чертой взглядов мыслителя как на природу и общество, так и на искусство и литературу.

Значение Канта для Гердера было важно еще в одном отношении. Именно Кант был тем человеком, который познакомил Гердера с Юмом и научил ценить Руссо, оказавшего также большое влияние на формирование мировоззрения Гердера.

С литератором и философом И.Г. Гаманом Гердер познакомился только в конце своего пребывания в Кенигсберге /весной 1764 года/², очевидно, в доме врача, отца Гамана, у которого Гердер лечил глаза. Мистически настроенный, Гаман пленил Гердера своей необыкновенной начитанностью и некоторыми новыми, но неясными и облеченными в теологическую оболочку мыслями, которые Гердер впоследствии совершенно своеобразно развивал. Это были мысли об оригинальном писателе, "гении", о творческой силе истинного чувства³, о значении непосредственных переживаний. Элементы диалектики, кроющиеся за религиозными настроениями Гамана, и критика /хотя и односторонняя/, абстрактного рационализма также не были лишены для Гердера притягательной силы. Гаман помог Гердеру изучить английский и итальянский языки, читал с ним Шекспира. Следствием дружбы Гердера о Гаманом была многолетняя интереснейшая переписка.

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы. М., 1955, стр.8.

² См. В.Наум. Herder, S. 56.

³ Автору кажется, что и в этом большую роль сыграл не Гаман, а Руссо.

В Ригу Гердер переехал тоже по рекомендации Гамана, который работал некоторое время домашним учителем в Лифляндии и Курляндии, был знаком с Иоганном Кристофом Беренсом и ректором Домской школы Линднером. Переезд облегчался еще тем обстоятельством, что Кенигсбергский университет с января 1758 года принадлежал Российской империи и подчинялся русскому губернатору¹.

Советы Гамана принять вакантное место преподавателя /collaborator / привели Гердера к решению оставить Кенигсберг, в котором он успел уже окончательно разочароваться. "Наши газеты так великолепны, что вызывают вздох, ... - пишет Гердер 10-13 августа 1764 года Гаману, ... я не выношу их больше"². "Моя участь темна, как ночь!" - жалуется он в одном из своих стихотворений /очевидно в сентябре/. С октября датируется начало переписки Гердера и Линднера. "Мне действительно не очень нравится здесь в Кенигсберге, - уверяет Гердер Линднера, - и еще меньше в нашем Fridericiano"³

Гаман в письме к Линднеру охарактеризовал "своего друга Гердера" как человека, который "при изрядном объеме исторических, философских и эстетических знаний.. и при более чем среднем опыте преподавательской работы.. обладает девственной душой Виргилия и яркой возбужденностью чувств..."⁴. Рижский магистрат принял 13 октября предложение Линднера назначить Гердера преподавателем.

¹ A. Buchholtz, Geschichte der rigaschen Familie Schwartz Berlin, 1921, S. 108.

² J.G. Herder, Brief an Hamann von 10-13 Aug. 1764. - Herders Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 5.

³ J.G. Herder's Lebensbild, I, 1, S. 311.

⁴ H. Reisinger, Johann Gottfried Herder, S. 40.

Домской школы¹ и 16 октября последнему было выслано официальное приглашение². 3 ноября магистрат получил положительный ответ Гердера³, 22 ноября Гердер выехал из Кенигсберга⁴, а 1 декабря 1764 года магистрату сообщили о прибытии Иоганна Готфрида Гердера в Ригу⁵.

Что же собой представляли Лифляндия и Рига в середине XVIII века?

После окончания Северной войны, по Ништадтскому мирному договору /1721 г./, Рига была присоединена к России как центр Лифляндской губернии, в состав которой входили южная часть Эстонии, Сааремаа с другими островами и Северная Латвия /Видземе/. В мирном договоре царским правительством были закреплены привилегии немецкого дворянства и горожан - Лифляндия получила широкую автономию, направленную на укрепление господствующего положения немецкого дворянства и городского патрициата. Опираясь на свое самоуправление, они усилили жестокую эксплуатацию коренных жителей Видземе - латышей, которые страдали под двойным гнетом - классовым и национальным. Права латышей были сведены до минимума.

Объединение с Россией благотворно повлияло на экономическую жизнь Видземе. Особенно оживилась внешняя и внутренняя торговля. Однако рост товарного земледелия в свою очередь повлек за собой увеличение барщины.

Латышские крепостные крестьяне были невероятно изнурены непосильным трудом, постоянным недоеданием, жестокими телесными наказаниями. Доведенные до отчаяния, они

¹ ЦИА Латв. ССР, ф.3, оп.6, д.157, лл. 396-398.

² См. документы "Ex publicis Magistratus Civilatis Rigen-sis". - Herder in Riga. Urkunden, S.40 ff.

³ ЦИА Латв. ССР, ф.3, оп.6, д.158, л.27.

⁴ J.G. Hamann. Brief an Lindner den 23. Nov. 1764. - Hamann's Schriften, hrg. v. F. Nohl, Bd.3. Berlin, 1822, S.303.

⁵ Herder in Riga. Urkunden, S.43.

предпринимали массовые побеги в Ригу или другие губернии. Но и здесь их настигала карающая рука помещиков. Рыцарство добилось лишения Риги права предоставления убежища беглым крепостным /1726 г./. Дело доходило до использования войск для поимки беглых. Нередко крестьяне от пассивного сопротивления переходили к активному, поджигали имения помещиков, убивали наиболее безжалостных господ. С 1750 г. в имениях начались крестьянские волнения.

Под угрозой растущей волны крестьянских выступлений, а также ввиду недовольства русских магнатов неограниченными привилегиями ливонского дворянства, мешающими экономическому развитию губернии, царское правительство решило несколько ограничить крепостное рабство в Ливонии. Начиная с видземского ландтага в январе 1765 года, совпавшего с первыми месяцами пребывания Гердера в Риге, царское правительство выступило с предложениями о предоставлении крестьянам некоторых минимальных прав, ограничивающих крепостное рабство. Крепостное сопротивление немецкого дворянства не помогло. Патентом от 12 апреля 1765 года и дополнявшим патент обязательным постановлением крепостничество в Видземе было формально несколько ограничено. Однако помещики продолжали борьбу за отмену этих постановлений. Они также саботировали их выполнение. В ответ то в одном, то в другом имении вспыхивали крестьянские волнения.

В Риге к прибытию Гердера проживало около 20 тыс. человек, из них примерно 45% немцев и 33% латышей^I. Истин-

^I Рига. Рига, 1967, стр. 63. По данным Страуберга / J. Straubergs. Rīgas latviešu pirms nacionālās cīņas 18. gs., R., 1936 / состав жителей Риги в 1769 г. был следующий: немцев 9660, латышей 7144, русских 2763, поляков 1172, т.е. немцев 46%, латышей 34%.

ными гражданами города считались немцы. Всех остальных, составлявших непривилегированную часть населения, называли "не-немцами". "Не-немцы", большей частью латыши, были лишены права занимать должности в городском самоуправлении, входить в гильдии, становиться членами привилегированных, более доходных цехов. Немецкие бюргеры старались использовать латышскую часть жителей Риги на самых экономически невыгодных, а также тяжелых и грязных работах. Так, например, с целым рядом вопиюще несправедливых и унижительных требований относительно латышей обратилась к магистрату Большая гильдия, организация зажиточных купцов. Только в некоторых вопросах не соглашаясь с гильдией, магистрат в своей резолюции постановил: чтобы ремесло латышей всегда называли ремеслом "не-немцев", для наглядности разницы между ними и бюргерами; чтобы латышам строго воспретили торговлю; чтобы они чистили четыре раза в году набережную и ворота и чтобы для латышей в каждом сарае держали наготове четыре крепких кнута..¹ По объявлениям в местной газете можно узнать, что бюргеры сами нередко были собственниками несвободных людей. Таким образом, отношение правящей верхушки города к угнетенным латышам-горожанам ничем не отличалось, как справедливо указывает Г.Штольпе, от отношения рыцарства к латышскому крестьянству². Подобно тому, как помещики сопротивлялись малейшим попыткам облегчить положение крепостных крестьян, привилегированные немецкие бюргеры сопротивлялись любой реформе городского управления.

Если права немцев резко отличались от прав т.н.

¹ J. Straubergs, Rīgas latviešu pirmās nacionālās cīņas 13. gs., 296.lpp., 76.lpp.

² H. Stolpe. Die Auffassung des jungen Herder vom Mittelalter. Ein Beitrag zur Geschichte der Erklärung. Weimar, 1855, s. 91.

"не-немцев", то и среди различных сословий немецкого населения существовала строгая регламентация. Отличительной чертой самоуправления Риги было господство небольшой кучки аристократии над остальным бюргерством. Городской магистрат был в руках патрициата, который и распоряжался всей внутренней жизнью города в своих сугубо узкоклассовых интересах. Даже своим внешним обликом немецкая знать стремилась выделиться среди своих немецких сограждан. Так, парик с локонами, тросточка с золотым набалдашником и вышитая бархатная одежда считались привилегией патрициев¹. Только члены магистрата имели право пользоваться каретой и т.п.

Город был невелик. По данным Хупеля, длина его составляла 1000 сажень, а ширина 450 сажень /не считая пригорода/². Дома в основном деревянные, улицы узкие и грязные³. Особенно печальный вид имел пригород, обитатели которого бедности и лишений.

Бедным был и духовный мир большинства бюргеров, аристократии и купечества города. Их интересы зачастую ограничивались карточной игрой и пустыми разговорами в погребке. Тем не менее в середине века в более прогрессивных и образованных кругах рижан наблюдается довольно сильное влияние французского Просвещения. В среде прибалтийских немцев появляются первые просветители, поднимающие голос за улучшение положения угнетенных слоев народа. Одним из наиболее видных публицистов, выступивших с критикой крепостного права, был Иоганн Георг Эй-

¹ J. Eckardt. Livland im 18. Jahrhundert, Bd. 1. Leipzig, 1876, S. 504, 460.

² A. W. Hupel. Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, Bd. 1, Riga, 1774, S. 199.

³ J. Eckardt. Livland im 18. Jahrhundert, Bd. 1, S. 462-463.

зен /1717-1779/, пастор прихода Торма /в Дерптском уезде/¹ Эйзен написал анонимную статью, в которой он описывает крепостное право в Лифляндии². В этой и в других, неопубликованных статьях Эйзен выдвигал идею освобождения крестьян, однако аргументируя это интересами и выгодой государства и дворянства. Предрассудкам остзейского дворянства о превосходстве немецкой национальности Эйзен противопоставил идею о естественном праве и равенстве всех людей.

К приезду Гердера в Ригу там сложился так наз. кружок Беренса³. Деятели этого кружка стремились к некоторым реформам, надеясь достичь их путем просвещения народа, тайных обществ, масонских лож. По Зиверсу, в кружок братьев Берено входили в разное время И.Г. Линднер /Johann Gotthelf Lindner, 1729-1776/, И.К. Берено /Johann Christoph Berens, 1730-1792/ И.Г.Гаман /Johann Georg Hamann, 1730-1788/, Г.И. Линднер /Gottlob Immanuel Lindner, 1734-1808/, Т.Г. Хиппель /Theodor Gottlieb von Hippel, 1741-1796/, И.Г. Гердер⁴. Масонскую ложу основали в Риге кушцы Цукербекер /Johann Zuckerbecker и Хейде /Diedrich von der Heyde / в 1750 году⁵. Ф.Меринг указывает, что движение масонства - это исторически обусловленная форма борьбы буржуазии⁶. В

¹ См. Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Прибалтийско-немецкая историография. Р., 1949, стр. 70-72.

² /J. G. Eisen/. Eine liefländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Liefland über die Bauern eingeführt ist. G. F. Müller. Sammlung russischer Geschichte, Bd. IX (1764), s. 491-527.

³ История немецкой литературы в 5-ти томах, т. II. М., 1963, стр. 204.

⁴ Ziviers. Deutsche Dichter in Russland. Studien zur Literaturgeschichte. Berlin, 1855, s. 60.

⁵ J. Scharat. Livland in 18. Jahrhundert, Bd. I, s. 260.

⁶ См. E. Adler. Herders Kampf wider den geistlichen Despotismus. - "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", Heft 7, 1960, s. 825.

деятельности масонских лож принимали участие такие выдающиеся личности, как Бэкон, «ильтон, Шефтсбери, Лейбниц, Гете и др. Гердер вступил в масонскую ложу Риги, именуемую "Немецким патриотическим обществом" в 1766 году, считая, что ложа может содействовать улучшению местной обстановки¹. Позже Гердер убеждается в беспочвенности подобных надежд. Узнав на своем опыте их настоящую внутреннюю сущность, в письме к Гейне² Гердер пишет, что он возненавидел все тайные общества и посылает их к дьяволу: "Это дух властолюбия, обмана и педантизма /Kalendargeist /,- вот что кроется под их покровом"³.

Первые впечатления Гердера о Риге были удовлетворительными⁴. "Что Вам там нравится, но не очень, это хорошо,- пишет Гаман Гердеру 21 января 1765 года.- Всегда лучше начинать со стонов, чем с хвастовства"⁵.

Гердер не получил казенной квартиры, как ему обещали, и жил в трех комнатах в части города, которая, как он пишет Гаману, "...называется Монастырем /ныне ул. Вестурес.- Л.Я./ и для меня таковым и является..."⁶ Дом, в котором Гердер жил, как явствует из его письма к Гаману⁷, находился за русской церковью Алексия /бывшая и нынешняя церковь Магдалены/. В декабре 1766 года Гер-

1 J.G.Herder. Journal meiner Reise im Jahre 1769, hrsg. v. J. Nohl. Weimar, 1949, S. 150.

2 Гейне /Heune /, Кристиан Готлиб /1729-1812/ - профессор в Геттингене, выдающийся философ-классик.

3 Цит. по J.G.Herder. Journal meiner Reise..., S. 150-151. См. примеч. И.Ноля.

4 См. J.G.Herder. Brief an Hamann den 16 Jan. 1765.-Herders Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 7.

5 J.G.Hamann. Brief an Herder den 21. Jan. 1765.-Hamann's Schriften, T. III, S. 323.

6 J.G.Herder. Brief an Hamann den 21. Mai 1765.-Herders Briefe an Joh. G. Hamann, S. 16.

7 J.G.Herders Brief an Hamann den 28. Oct. 1887.-Herders Briefe an Joh. G. Hamann, S. 230.

дору назначили 50 талеров в год в качестве компенсации за непредоставленную бесплатную квартиру¹. Сохранившиеся квитанции показывают, что Гердер казенной квартиры так и не получил. Этим опровергается ранее существовавшая версия, будто Гердер жил в казенном доме на углу площади его имени².

Место коллаборатора /collaborator / в Домской /или соборной, латинской/ школе налагало на Гердера обязанности в случае необходимости замещать отсутствующих коллег³. Гердеру было предложено также преподавать предметы, которые в то время еще не входили в программу гуманитарной гимназии, — так наз. "реальные" предметы — естествознание, специальную историю, математику, французский язык. В публичной речи /"О грации в школе"/ по поводу официального назначения в Домскую школу 27 июля 1765 года Гердер подчеркивает, что он принят на работу для того, чтобы до некоторой степени заполнить пробелы в учебном плане школы⁴. Так в Домской школе не преподавались естественные науки, которые, по словам Гердера, больше всего развивают гений и обостряют зрение, специальная история — открывающая нам внутренний облик страны; французский язык, математика, стилистика немецкого языка — предметы, которые нужны не для школы, а для жизни. В школе, по убеждению Гердера, не должна царствовать монашеская, а нужная людям, красивая и земная ученость.

¹ ЦИА Латв.ССР, ф.3, оп.6, д.164, лл.361-362.

² См. Hollander D./Herders Wohnung in Riga.— "Illustrierte Beilage der Rigaschen Rundschau", 1903, Nr.11, S.83.

³ K.Walter.Herders Werken und Wachsen in Riga.— "Baltische Monatschrift", Bd.54, 1904, S.35.

⁴ J.G.Herder.Von der Grazie in der Schule.Redes...—Herder's Werke, hrsg.v.Duntau, T.16, Berlin S.11 ff.

В упомянутой речи Гердер старается ответить на вопрос "в какой мере и в школе должна господствовать грация". Понятие "грация" при этом он понимает как прелесть, приличие, красоту, привлекательность, приятность и очарование. Восставая против педантизма, сухой чопорности и рабского принуждения, Гердер рисует облик идеального учителя. Учитель без "грации" неполноценен. В процессе обучения Гердер считает самым главным доверие к учителю. Этого может добиться только человек, никогда не говорящий того, чего не думает, и наделенный даром дружеского сочувствия. Тогда школа становится местом, где ученику приятно и радостно.

Изображенного им идеального учителя Гердер хочет сделать своим образцом в предстоящей ему педагогической деятельности. И действительно, как указывает профессор М. Степерманис "Гердер внес в средневековую, оторванную от реальной действительности рисовку Домскую школу овежие веяния эпохи Просвещения"¹.

Создавая теоретическую основу своей педагогической деятельности, Гердер творчески переосмыслил прогрессивную немецкую и французскую педагогическую литературу, особенно педагогические идеи Руссо. Он говорил, что хочет сделать Эмиля Руссо "национальным ребенком" / Nationalkind / Лифляндии, применить мысли Монтескье о духе законов к духу национального воспитания. "О вы, Локки, и Руссо, и Кларки / Clarke /, и Франки / Francke /, и Геккеры / Hecker /, и Элеры / Ehlers / и Бюцинги

¹ M. Stepermanis, J.G. Herders Riga. - "Сипа", 1959. g. 14. jūl.

/ Buschings /;¹ - восклицает Гердер. - С вас беру я пример! Я хочу вас читать, углубляться в ваши мысли, сделать их нашим национальным достоянием"²

Волею за Руссо, который указывает, что "растениям дают определенный вид посредством культуры, а людям - посредством воспитания"³, Гердер считает, что мировоззрение человека зависит от его воспитания. Но не меньшее значение имеет и образование. "Сила и слабость наших глаз, - пишет Гердер, - это дар природы; но то, к каким перспективам, к какой среде, к какой точке зрения мы привыкаем, о какой стороне и, весьма часто, в каком цвете мы хотим видеть предметы, зависит от первоначального образования"⁴.

Главное внимание Гердер уделяет педагогической работе в школе. Полную картину требований Гердера к школьному обучению мы видим в "Дневнике моего путешествия в

- ¹ Локк / Locke /, Джон /1632-1704/ - английский философ-сенсуалист, автор "Опыта о человеческом разумении" /1690/. Оказал большое влияние на западноевропейскую философию и литературу эпохи Просвещения. Локк отрицал врожденные идеи. Сознание новорожденного - это "чистая доска" / tabula rasa / и только опыт, состоящий прежде всего из ощущений, наполняет его содержанием;
- Кларк / Clarke /, Самуэль /1675-1729/ - английский теолог, сторонник натурфилософии Ньютона.
- Франк / Francke /, Август Герман /1663-1727/ - немецкий теолог и педагог, профессор в Галле, питавший сильный интерес к воспитанию молодежи. Его педагогическая деятельность имела большое влияние на дело воспитания в Германии и за ее рубежами.
- Геккер / Hecker /, Иоганн Клий /1707-1768/ - педагог, ученик Франка. Основал в Берлине экономико-математическое реальное училище, организовал курсы для учителей, семинар для сельских учителей.
- Элер / Ehler /, Мартин /1732-1800/ - педагог, близок Геккеру.
- ² Бушинг / Busching /, Антон Фридрих /1724-1793/ - географ, директор гимназии в Берлине.
- ³ J.G.Herder. Journal meiner Reise..., S. 120.
- ³ Руссо. Эмиль или О воспитании. М., 1911, стр. 2. Первое изд. "Эмиля" /1762/ было конфисковано парижской полицией, осуждено Сорбонной и сожжено по решению французского парламента. "Эмиль" был сожжен и в Женеве. Голландские власти взяли назад разрешение на печатание "Эмиля"
- ⁴ /J.G.Herder/. Ueber Thomas Abbt's Schriften. Der Torsio von

1769 году", который написан сразу после отъезда из Риги. Этого же вопроса он касается и в трудах рижского периода.

От школы Гердер требует интернационального воспитания. Школы имеют, по убеждению Гердера, безусловно национальную окраску, но это должно быть не более, чем окраска, — ученика нужно воспитывать для всего мира¹.

Важен и метод обучения. Человеческая душа при самой большой жажде знаний не может охватить бесконечного числа истин². Очень скоро она окажется подобной исписанному листу, и печальнее всего, если этот лист окажется испачканным — ведь хотя и есть возможность исправлять и вычеркивать, но в общем нанесенный ущерб невозместим.

Школы должны давать в первую очередь нужных и дельных людей³. Миру нужны сто дельных людей и один филолог. Отсюда Гердер делает вывод — прежде всего следует изучать так наз. реальные предметы. Обучение искусству и ремеслу Гердер называет это инструментальным искусством *Instrumentalkunst* / не должно ограничиваться показом инструментов или словесными объяснениями⁴. Надо посещать мастеровых, которых Гердер называл "художниками", например, часовщиков. Здесь Гердер тоже следует требованиям Руссо: "Не давайте вашему ученику никаких словесных уроков; он должен получать их лишь из опыта..."⁵

В первом классе нужно давать детям живые понятия об окружающем их мире: это фундамент большого здания науки⁶. Целью занятий в этом классе является воспитание благородных начал человеческого духа, формирование муд-

einem Denkmal, an seinem Grabe errichtet. (Riga) 1768, s. 23.

¹ J.G. Herder, *Journal meiner Reise...*, S. 149.

² J.G. Herder, *Ueber die neuere Deutsche Litteratur.*—SW, Bd. I, S. 379.

³ J.G. Herder, *Ueber die neuere Deutsche Litteratur.* SW. Bd. I, S. 381-382.

⁴ J.G. Herder, *Journal meiner Reise...*, S. 132.

⁵ Руссо. Эмиль..., стр. 94.

⁶ J.G. Herder, *Journal meiner Reise...*, S. 122-123.

рой, цельной, свободной от предрассудков и очастливой юношеской души. В следующих классах изучаются отдельные предметы: география, история, математика, языки.

Под географией Гердер подразумевает естествознание, историю природы¹. География отвечает на самые разнообразные вопросы: как возникают реки и горы, почему земля является круглой, как возникают день и ночь и т.д. Изучение географии приближает юношу к гуманизму. К географии примыкают астрономия, хронология, гномоника, оптика, аэрометрия, гидростатика, механика, геометрия. Математика изучается только в объединении с физикой. История должна показывать материальную историю человеческого рода. Она не должна быть историей королей, битв, войн, законов, как она мыслилась до сих пор, а историей народов. Гердер особенно рекомендует изучать "Дух законов" и "Римлян" Монтескье, произведения Юма об Англии, труды Вольтера, Мабли, Гогэ, Винкельмана².

По мнению Гердера, в школах уделяется слишком много внимания латини³. Но главное — изучение родного, немецкого языка и оно должно происходить в процессе обучения во всех пяти классах. Затем должно следовать изучение французского, иногда итальянского, латинского и древнееврейского языков⁴.

¹ J.G.Herder, Journal meiner Reise..., S.126 ff.

² Юм /Hume /, Давид /1711-1776/ - английский философ-идеалист эпохи Просвещения, психолог, историк. Как историк-просветитель был сторонником идеи буржуазного прогресса. Мабли /Mably /, Лабриэль Бонно /1709-1785/ французский философ-моралист, утопический коммунист, политический писатель, историк. Гогэ /Goguet /, Антуан Ив /1716-1758/ - автор исследования "О происхождении законов, искусств, наук и о их развитии у древних народов" /1758/.

³ J.G.Herder, Ueber die neuere Deutsche Litteratur.- SW, Bd. I, S.378 ff.; J.G.Herder's Rezension in den Koniglichen gelehrten und Politischen Zeitungen, den 31. Jan. 1766.-SW, Bd. I, S.119-120.

⁴ J.G.Herder, Journal meiner Reise..., S.148-149.

Гердер восстает против общепринятой зубрежки в обучении языкам. Все языки нужно изучать живо, обращая особое внимание на практику разговорной речи¹. Гердер против зубрежки, за самостоятельное, активное учение. Он предлагает такой метод: "...Учитель дает на каждом уроке материал, ученик разрабатывает его дома или в последнюю четверть часа урока..."²

Порядок преподавания, царивший в Домской школе, в соответствии с которым каждый учитель преподает в одном классе, причем класс ему дается в зависимости от его ранга, также вызывал протест у Гердера. Гердер советует разрешить каждому преподавателю свободно выбрать подходящие ему предметы: "Так каждый будет иметь свои любимые уроки и работу, так отпадет спор из-за рангов... так возникнет более тесная связь между учителями и учениками, так каждый сможет ... обозревать всю школу, преподавать во всей школе..."³

Свои теоретические требования Гердер старался, по возможности, применять в педагогической практике. С большой теплотой отзываются о нем его бывшие ученики. "Его метод преподавания был столь превосходным, - вспоминает пастор Бергман, - его обращение с учениками столь гуманным, что никакие другие уроки не доставляли нам большей радости, чем те, которые давал он"⁴.

Интерес к школе Гердер сохранил и в последующие годы. Позднее, в Веймаре, Гердер добивается более широкого образования для самых бедных детей города и пригорода, ведет постоянное наблюдение за успехами учеников низших

¹ Ibidem, S. 143.

² Ibidem, S. 142.

³ Ibidem, S. 120.

⁴ M. C. v. Herder. Erinnerungen..., S. 87.

школ, за соответствующим подбором учителей этих школ, стараются расширить сеть деревенских школ¹.

С января 1763 года Гердер, наряду с работой в Домской школе, работает помощником библиотекаря в городской библиотеке². Его обязанностью была систематизация юридической, философской и филологической литературы. С февраля 1765 года Гердеру поручают после соответствующего экзамена читать по воскресеньям проповеди в Домской церкви³.

13 апреля 1767 года Гердер получил приглашение от лютеранского прихода Петербурга на должность инспектора в новое учебное заведение / *Unterweisungs- und Erziehungs-Anstalt* / В письме, которое подписали семь человек, Гердеру предлагается улучшить состояние школы, при этом ему обещают весьма заманчивые условия работы - отчетность только перед церковным конвентом, оклад в 700 рублей, хорошую квартиру, бесплатное освещение и дрова⁴.

Чтобы удержать Гердера, магистрат по предложению инспектора Домской школы Беренса принимает 20 апреля решение назначить Гердера пастором-адъюнктом двух церквей - Иисуса /в Бикерниэки/ и Св. Гертруды /на нынешней ул. Ленина/, сохраняя за ним место преподавателя, но освобождая его от неудобной обязанности замещать других преподавателей /так наз. *Vikariat* /⁵. 24 апреля это предложение было утверждено⁶, и Гердер отказывается от переезда в Петербург. Сам он в письме к Трешо мотивирует свой отказ следующим образом: "...Этот пост носит слишком хозяйственный и политический характер для того, чтобы со-

¹ G. Mundorf, Die Muttersprache im pädagogischen Werk Herders, Berlin, 1956, S. 40-41.

² Johann Gottfried Herder in Riga 1764-69. Ein Gedenkblatt zu seinem 100. jährigen Todestage am 5 (18) Dec. 1903. - "Rigaer Tageblatt", 1903, Nr. 275.

³ ЦИА Латв. ССР, ф. 3, оп. 6, д. 168, лл. 256-257, 384-385.

⁴ Herder's Lebensbild, I, 2, S. 247-249.

⁵ ЦИА Латв. ССР, ф. 3, оп. I, д. 65, л. 368.

⁶ Там же, лл. 373-374.

ответствовать моим годам, моим желаниям и моему гению: так как с ним связана не моя собственная работа, а надзор над 30 работающими учителями, пансионным заведением... и особенно забота об укреплении всего безусловно слишком обширного плана Бюшинга / Busching /; я увидел, что этот пост был бы могилой моего покоя и моей деятельности"¹.

Эти слова Гердера кажутся правдоподобными, хотя письмо было написано Трешо, которого Гердер сильно недолюбливал и перед которым он всегда хотел казаться преуспевающим человеком. Других достоверных данных о причине его отказа нет.

Решение магистрата о назначении Гердера пастором-эдиктком требовало еще утверждения консистории. Гердер описывает переполох, вызванный этим назначением. Вторых, рассказывает он в письме к Гаману, магистрат не посоветовался с консисторией / ministerio /, обошел обер-пастора совместно со всеми его подхалимами, а также жителей города². Везде кричали о чем-то выходящем из ряда вон: одни, что эту должность нельзя совмещать, другие, что все равно Гердер надолго не останется, третьи - что он слишком ученый для проповедника. Наконец, консистория решила Гердера экзаменовать. Для этого он должен был сперва написать теологическую работу на латинском языке. 2 июня 1767 года кистер Бодин / Boddihn / передал требуемую работу Гердера / "De Spiritu sancto auctore salutis humanae. Theses theologicae Venerando Ministerio V. D. Rigensi ublatae") пастору Равенсбергу / Ravensberg /³. Но консистория откладывала экзамен со дня на день.

¹ J. G. Herder. Brief an Trencho den 21. Juni / 15 Sept. 1767. - Herder's Lebensbild, I, 2, S. 265.

² J. G. Herder. Brief an Hamann den 5. Sept. 1767. - Herders Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 36-37.

³ J. Kirschfeldt. Herders Konsistorialexamen in Riga im Jahre 1767. - Abhandlungen der Herder-Gesellschaft und des Herder-Instituts zu Riga, Bd. 5, Nr. 5, 1935, S. 7.

Затем /13 июля/ состоялось, по словам Гердера, "...жалкое зрелище /ein Lumpen mageres Ding /, которое длилось 3 часа и называлось экзаменом..."¹, и он был принят.

Гердер должен был в одной церкви проповедовать 14 дней, в другой - по праздникам. Как явствует из письма Гердера к Гаману, он оказался столь перегруженным, что пострадало даже его здоровье, он потерял сон. Гердер был полностью выбит из привычного жизненного ритма: прекращены чтение и творческая работа², а ведь именно последнее он считал главным в своей деятельности.

Какие требования ставил себе Гердер как священник? Это были требования, которые он предъявлял всем хорошим священникам вообще: их речь не должна быть проповедью в общепринятом значении этого слова, не должна иметь тон, стиль, тему и форму проповеди³. В ее основу следует положить опыт, наблюдение, случай из человеческой жизни⁴. Метко характеризует Гердер свои проповеди позже, в письме из Буккебурга к своей невесте: "Мои проповеди имеют так же мало религиозного, как моя персона, они человечны"⁵.

Стараясь вносить в свои проповеди по мере возможности меньше религиозного духа, Гердер все же чувствует глубокую неудовлетворенность своей работой. Он не хотел

¹ J.G. Herder, Brief an Hamann den 5. Sept. 1767. - Herders Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 37.

² J.G. Herder, Brief an Hamann den 5. Sept. 1767. - Herders Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 37.

³ J.G. Herder, Der Redner Gottes. - SW, Bd. 32, S. 5.

⁴ Ibidem, S. 5.

⁵ J.G. Herder, Brief an Caroline den 21 März 1772. - Aus Herders Nachlass. Ungedruckte Briefe von Herder und dessen Gattin, Goethe, Schiller, Klopstock, Lenz, Jean Paul, Claudius, Lavater, Jacobi u. a., hrsg. v. H. Duntzer u. F. G. von Herder, Bd. III, Frankfurt a. M., 1857, S. 204.

ради пасторского достоинства жертвовать всем светским, он желал иметь и другие занятия, кроме проповедей и преподавания предметов, которые ему не нравились¹. Гердер боялся, что сам пастора оставит след на его творческой работе. Принадлежность к сословию священников оставляет, по убеждению Гердера, на лице писателя самый значительный след, — а ведь след проповедника хуже, чем академический². Если бы он не стал проповедником, пишет Гердер с сожалением, уезжая из Риги, он мог бы наслаждаться жизнью, ознакомиться с основательной, реальной наукой, научиться воплощать в жизнь все, чему он учил³.

Главное для Гердера — его литературная деятельность. Своими критическими работами, рецензиями и теоретическими трудами Гердер стремился к улучшению, и обновлению немецкой литературы, немецкого языка, к просвещению народа.

Уже в Кенигсберге Гердер начал сотрудничать в местной газете /"Königsbergische Gelehrten und Politischen Zeitungen"/, издаваемой с 3 февраля 1764 года И.Я. Кантером /Joh. Jak. Kanter / и выходящей два раза в неделю⁴. Вначале главным редактором газеты был Гаман, который и побудил Гердера к первым попыткам в области литературного творчества. Гердер стал присылать в "Кенигсбергскую ученую и политическую газету" рецензии из Риги. Своими рецензиями он стремится влиять на духовную жизнь Германии. Так, в рецензии от 12 августа 1765 года на книгу Маллета "История Дании" /Mallet. Geschichte

¹ J. G. Herder. Brief an Scheffner im J. 1768. — J. G. Herder's Lebensbild, I, 2, S. 357.

² J. G. Herder. Brief an Nicolai, Febr. 1769. — Herder's Briefwechsel mit Nicolai, hrsg. v. O. Hoffmann, Berlin, 1887, S. 33.

³ J. G. Herder. Journal meiner Reise..., S. 92.

⁴ B. Suphan, Einleitung. — SW, T. I, S. XIX.

von Danemark / Гердер обращает внимание читателей на то, что полезнее изучать историю Дании, чем углубляться лишь в изучение древних¹. Дания ближе Германии, чем греки и римляне. Впервые Гердер указывает на мифологию древних скандинавов - "Эдду". Уже тогда у него возникла мысль что "Эдда" и "Фингал" могут способствовать развитию немецкой поэзии. В своих рецензиях Гердер восхищается Абтом², "философом здравого рассудка", пишущим так чело-вечно³, подчеркивает, что Библия - это поэма, которую нужно и рассматривать как таковую, а не в виде мистической проповеди⁴. У некоего Трампе /J.G. Trampe. Der Christ am Sonntage / Гердер желал бы видеть меньше извлечений из проповедей и больше чисто человеческих поучений⁵. Довольно яркое выражение получает также историзм Гердера. Интересна, например, его мысль об изменении понятия "невинность" в разные времена и у разных сословий⁶. В 1765 и начале 1766 года Гердер написал еще целый ряд рецензий для "Кенигсбергской газеты", в которых интересующие его вопросы всегда ставились резко и смело. Из-за возникшего конфликта с февраля 1766 года Гердер почти полностью прекращает сотрудничество в Кенигсбергской газете.

¹ J.G. Herder. Rezension in den Königsbergischen Gelehrten und Politischen Zeitungen von 12. Aug. 1765. - SW, T. I, S. 74.

² Абт / Abbt /, Томас /1738-1766/ - философ, сотрудник "Писем о новейшей немецкой литературе", умер в Бюккебурге в ноябре 1766 года.

³ J.G. Herder. Rezension in den Königsbergischen Gelehrten und Politischen Zeitungen von 13. Sept. 1765. - SW, T. I, S. 79-80.

⁴ J.G. Herder. Rezension in den Königsbergischen Gelehrten und Politischen Zeitungen von 18. Okt. 1765. - SW, T. I, S. 89-90.

⁵ J.G. Herder. Rezension in den Königsbergischen Gelehrten und Politischen Zeitungen von 22. Nov. 1765. - SW, T. I, S. 90.

⁶ J.G. Herder. Rezension in den Königsbergischen Gelehrten und Politischen Zeitungen von 20. Dec. 1765. - SW, T. I, S. 108.

⁷ Гердер и Шлегель /ректор Домской школы после Линднера/

С самого начала своей деятельности в Аугсбурге Гердер пишет статьи и стихи для приложения к рижской газете "Die Rigischen Anzeigen", выходящего под названием "Gelehrte Beytrage zu den Rigischen Anzeigen" один раз в две недели.

Первая статья Гердера в названном приложении "О прилежании в нескольких ученых языках"¹ является переработкой школьной речи Гердера в Кенигсберге. Не отрицая необходимости изучения иностранных языков для развития науки, торговли, для понимания духа других народов, Гердер старается в этой статье убедить читателя, что главное для любого человека — его родной язык. Именно родной язык нужно изучить в первую очередь и основательно.

В январе 1765 года Гердер напечатал в приложении небольшую статью в качестве приветствия читателям в связи с началом нового года². По Б. Суфану, известному издателю полного собрания сочинений Гердера, эта статья имеет лишь стилистический интерес³. И все-таки даже здесь имеются некоторые замечательные мысли: время Гердер называет богиней, которая была, есть и будет; бытие, по Гердеру, объединяет три неразрывных понятия — пространство, время и силу. Во всей статье чувствуется призыв к деятельности: ценность времени не в его количестве, а в его применении.

написали в газету об одном романе совершенно противоположные рецензии, что вызвало яростное недовольство Шлегеля. /См. письмо Гердера к Гаману от февр. 1766. — Herder's Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 20/.

¹ См. /J.G. Herder/. Ueber den Fleiss in mehreren gelehrten Sprachen. — "Gelehrte Beytrage zu den Rigischen Anzeigen aufs Jahr 1764", Stuck XXIV, S. 185-190.

² /J.G. Herder/. Aussichten uber das alte und neue Jahr. — "Gelehrte Beytrage... aufs Jahr 1765", Stuck I, S. 4-6.

³ B. Suphan. Einleitung. — SW, T. I, S. XYIII.

Исучая вопрос об изменении вкуса народов в соответствии с изменением времени¹, Гердер печатает в "Beutrage" статью "Является ли красота тела провозвестником красоты души?"². Для Сократа и Платона красота тела была именно таким провозвестником, так как они считали, что душа дана человеку богами. По Гердеру, душа, как и тело человека, зависит сначала от матери, затем от воспитания и от природных условий. Из доказательств Гердера можно сделать вывод, что он признает лишь естественную связь между телом и душой, вроде максимы "в здоровом теле здоровый дух". Особенно интересен исторический подход Гердера к самому понятию "красота". Это понятие неопределенно и многозначно, различно не только у разных народов и в разные времена, но даже у отдельных личностей.

В том же 1766 году Гердер пишет текст для кантаты / "Eine Pfingstkantate" / и статью / "Die Ausgiebung des Geistes" /, посвященные троицному дню. Кантата была задумана лишь для того, чтобы показать ректору Шлегелю, каким должно быть сочинение такого рода³. Для статьи же характерна теологическая направленность, попытка доказать превосходство христианской веры.

В январе 1767 года в письме Гаману Гердер пишет, что он получил приглашение от Николаи / Nicolai / сотрудничать в издаваемой им "Всеобщей немецкой библиотеке" / "Allgemeine Deutsche Bibliothek" /⁴. Николаи просит у Гердера 6-8 рецензий ежегодно⁵. Он считает ре-

¹ J.G. Herder. Brief an Scheffner den 23. Sept./4. Okt. 1766. - J.G. Herder's Lebensbild, I, 2, S. 195.

² См. / J.G. Herder /, Ist die Schonheit des Korpers ein Bote von der Schonheit der Seele? - "Gelehrte Beytrage... auf's Jahr 1766", Stuck X, S. 77-88.

³ J.G. Herder. Brief an Hamann (Juli) 1766. - Herders Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 27. Шлегель написал до этого жалкую кантату, которую приписывали Гердеру.

⁴ J.G. Herder. Brief an Hamann, Anfang Januar 1767. - Herders Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 34.

⁵ Chr. Fr. Nicolai. Brief an Herder den 30. Dec. 1766. - Herder's Briefwechsel mit Nicolai, S. 4.

цензии Гердера истинным украшением / eine wahre Zierde / для своей "Библиотеки"¹. В конце 1768 года Николай называет рецензии Гердера приправой, которая дает вкус всему блюду². Весной 1769 года Николай выражает свое полное одобрение его рецензиям.

И в этом журнале Гердер формулирует в рецензиях свои требования к содержанию, языку, форме и стилю литературных произведений. Немецкие поэты, убеждает Гердер, не должны возвращаться к греческим дифирамбам, ибо сама эта манера чужда для немецкой поэзии³; воображение поэта не должно быть лишено эмоциональности, эпос должен быть всегда динамичным⁴. Гердер возражает против мании аллегоризировать⁵, он против мертвых описаний и неодоухотворенных картин⁶.

Гердер требует большего внимания к немецкому языку - нужно учиться у лучших немецких поэтов и писателей /Клопштока, Рамлера⁷, Глима, Виланда, Лессинга, Аста и др./, он борется против бессмысленного подражания чужим языкам⁸, нужно вспомнить древний немецкий язык, язык минзингеров⁹. Немецкий язык необходимо изучать в школах, что еще редко делается¹⁰. В 1768 году Гердер рецензирует

¹ Chr. Fr. Nicolai. Brief an Herder den 2. May. 1767. - Ibidem, S. 8.

² Chr. Fr. Nicolai. Brief an Herder den 26. Nov. 1768. - Ibidem, S. 25.

³ См. J. G. Herder. Rezension in Nicolai's "Allgemeine Deutsche Bibliothek". - Herder's Werke, hrsg. v. Duntzer, Bd. 23, S. 11.

⁴ Ibidem, S. 14.

⁵ Ibidem, S. 42.

⁶ Ibidem, S. 43.

⁷ Рамлер / Ramler /, Карл Вильгельм /1725-1798/ - немецкий поэт, драматург Горация, автор од в классическом стиле.

⁸ См. J. G. Herder. Rezension in Nicolai's "Allgemeine Deutsche Bibliothek". - Herder's Werke, hrsg. v. Duntzer, Bd. 23, S. 30.

⁹ Ibidem, S. 54.

¹⁰ Ibidem, S. 56, 79-80.

во "Всёобщей немецкой библиотеке" песни Оссиана. Он восхищен Оссианом, который пел живо и муза которого является дочерью природы¹. То, что современники так далеки от Оссиана, можно, по мнению Гердера, объяснить разными причинами, но нельзя оправдать.

Кроме произведений, помещавшихся им в журналах, Гердер написал в Риге ряд статей. К этому же времени относятся его первые крупные произведения, получившие широкую известность.

Своей работой "О новейшей немецкой литературе. Фрагменты" / "Über die neuere Deutsche Litteratur. Fragmenten. Eine Beilage zu den Briefen, die neueste Litteratur betreffend", 1766 - 1767 / Гердер делает большой теоретический вклад в сокровищницу немецкого литературоведения. Понимая громадное значение языка для литературы Гердер создает историческую теорию языка, ищет земные основы возникновения языка, рассматривает связь языка с мышлением, его взаимоотношения с литературой, ратуя за национальный язык, на котором должны быть написаны все литературные произведения. Гердер ставит проблему о народности искусства, требует исторического подхода к явлениям литературы, протестует против подражания художественным образцам чужих, особенно т.н. классических литератур. Он борется за самобытность литературы, за эмоциональную насыщенность художественной литературы, за правдивое отображение действительности. С неподражаемой страстью Гердер доказывает необходимость подлинно национальной литературы и возможность таковой на основе

¹ Оссиан - легендарный певец бард, герой кельтского народного эпоса, якобы живший в 3 в. Однако "Поэмы Оссиана" /1760-1765/, которые Гердер считал сочинениями барда Оссиана, являются знаменитой подделкой поэта и литератора Дж. Макферсона, который создал их на основе свободной обработки древних кельтских сказаний и легенд. Влияние Оссиана было небывалым, оставляя неизгладимый след на крупнейших писателях мира.

родного языка, а также необходимость выработки соответствующей этому яемку формы отображения жизни немецкого народа. Б.Суфан обоснованно указывает, что "Фрагменты" Гердера сделали эпоху в немецкой литературе¹.

Сам Гердер отмечает, что он писал свои "Фрагменты" с любовью, как патриот². Они написаны для того, чтобы принести пользу / "um genützt zu werden" ³. "Эти фрагменты, - подчеркивает он, - должны быть по меньшей мере продолжением "Литературных писем"... Они -...дополнение к письмам..."⁴.

Инициатором и душой журнала "Письма о новейшей литературе" / "Briefe, die neueste Litteratur betreffend"/, вышедшего с 1759 года в издательстве Николая, был Лессинг, орудниками - Мозес Мендельсоном⁵ и Абт. Гердер познакомился с "Письмами" еще в Кенигсберге. Здесь же у него появляется желание сказать и свое слово о немецкой литературе, а затем возникают первые наброски, вошедшие позже в "Фрагменты", разрабатывается часть плана⁶. В Риге Гердер приступает к интенсивной работе над "Фрагментами". В результате напряженного труда осенью и зимой 1765 года Гердер заканчивает первый сборник "Фрагментов". В феврале 1766 года он сообщает Гаману о перера-

¹ В. Suphan. Einleitung. - SW, T. I, S. XXIV.

² J. G. Herder. Ueber die neuere deutsche Litteratur. - SW, T. I, S. 527.

³ J. G. Herder. Brief an Scheffner den 31. Oct. 1767, - J. G. Herder's Lebensbild, I, 2, S. 237.

⁴ J. G. Herder. Ueber die neuere deutsche Litteratur. - SW, T. I, S. 133.

⁵ Мендельсон / Mendelssohn /, Мозес /1729-1786/ - немецкий философ-идеалист, представитель умеренного крыла немецкого Просвещения. Сыграл некоторую роль в борьбе с религиозной нетерпимостью и националистическими предрассудками немецкого общества XVIII века.

⁶ В. Suphan. Einleitung. - SW, T. I, S. XXV ff.

ботке первого сборника и работе над вторым¹. Гердер работал очень тщательно, перерабатывая каждый сборник по нескольку раз, посылая манускрипты Гаману, Гаман был доволен изящной структурой и красотой "Фрагментов", радовался богатству мыслей Гердера². Однако ему не нравилась искрометность и страстность гердеровской манеры, получившей столь яркое выражение в вопросах, восклицаниях, междометиях³.

"Фрагменты" Гердера привлекли пристальное внимание литературных кругов Германии. С одной стороны, он приобрел много друзей и сторонников. "Что за новый Пиндар появился среди вас?" — пишет Винкельман из Гимпелтингенскому профессору Гейне⁴. Кант, выразив свое уважение и дружеское расположение к Гердеру, пишет ему, что успех Гердера вызвал в нем даже чувство тщеславия, хотя своими мыслями Гердер обязан не ему, а самому себе⁵. С большим одобрением отозвался о Гердере Лессинг⁶. Глейм⁷ похвалил его книгу⁸. Николай выразил ему свою чрезвычайную благодарность за прекрасное сочинение, хотя во

¹ J. G. Herder, Brief an Hamann, Febr. 1766. — Herders Briefe an Joh. Georg Hamann, S. 20.

² J. G. Hamann, Brief an Herder den 24. März 1766. — Hamann's Schriften, T. III, S. 353.

³ J. G. Hamann, Brief an Herder, Herbst/ 1766. — Hamann's Schriften, T. III, S. 360.

⁴ M. C. v. Herder, Erinnerungen, S. 100. — Гейне, Кристиан Готлиб /1729-1812/ — выдающийся филолог-классик.

⁵ Kant, Brief an Herder den 9. Mai 1767. — Kant's Briefe. Ausgew. u. hrsg. v. J. Ohmann, Leipzig, 1911, S. 28.

⁶ См. J. G. Hamann an Herder den 23. Sept. 1763. — Hamann's Schriften, T. III, S. 398.

⁷ Глейм / Gleim /, Иоганн Вильгельм Людвиг /1719-1813/ — немецкий поэт, автор лирических стихотворений в анакреонтическом жанре и военно-патриотических "песен прусского гренадера" /1758/, воспевавших прусского короля Фридриха II.

⁸ J. G. Herder an Canonicus Gleim in Halberstadt. — J. G. Herder's Lebensbild, I, 1, S. 233.

многим с ним и несогласен¹. "... я счастлив открыть в Вас талантливую человека со вкусом... Человека, который.. оставался неизвестным до тех пор, пока он не удивил мир прекрасной работой"², - писал он Гердеру.

С другой стороны, Гердер подвергся грубым нападениям, не щадившим даже его личность. Одним из самых яростных противников Гердера был Клотц / Klotz /, профессор философии в Галле, сторонник формально-логического метода изучения античности, считавший источником истинной культуры придворное меценатство³. Это был, по словам Н.Г. Чернышевского, "льстивый" и "наглый" человек, "опекаемый" цензурой⁴. Клотц писал легко, талантливо, но поверхностно. Пользуясь своей большой популярностью, он задавал тон в немецкой критике. "Кумовство и личные отношения были единственными правилами критики Клотца, - пишет Н.Г. Чернышевский - ... никто не был безопасен от его вражды"⁵.

Клотц встретил первые два собрания "Фрагментов" Гердера в своем критическом журнале. "Немецкая библиотека Галле" / "Hallische Deutsche Bibliothek" / равносильной рецензией, в которой, раскрыв инкогнито Гердера, старался настроить общественное мнение против подготавливаемого второго издания "Фрагментов"⁶.

Больно задетый этим, Гердер выступил 24 декабря 1768 года с публичным заявлением в газете Фосса / Voss.

¹ Chr. Fr. Nicolai. Brief an Herder den 19. Nov. 1766. - Herder's Briefwechsel mit Nicolai, S. I.

² Chr. Fr. Nicolai. Brief an Herder den 30. Dec. 1766. - Ibidem, S. 3.

³ См. H. Stolpe. Die Auffassung des jungen Herder vom Mittelalter, S. 138. S. 190.

⁴ Н.Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 163.

⁵ Там же, стр. 164.

⁶ Из-за злостных нападов Клотца и его сторонников второе издание не вышло. Уже напечатанное второе издание первого собрания / 1500 экз. / по просьбе Гердера осталось лежать у его друга и издателя Иоганна Фридриха Харткноха

Berlin, priv. Zeitung /¹. Открыто называя имена Клотца и его приверженца Риделя / Riedel /, Гердер спрашивает у этих господ, кто им дал право знать о нем то, чего он сам о себе не знает, и шептать публике на ухо то, что ему даже во сне не виделось². Почему они, спрашивает Гердер, будучи не в состоянии его принизить, стараются вызвать к нему ненависть?

Клотца надо было развенчать, освободив критическую мысль Германии от тирании его авторитета. Для этого мало было показать недобросовестность его критики, надо было разоблачить теоретическую несостоятельность, поверхностность его работ, ошибочность его взглядов.

С критикой Клотца, почти одновременно с Лессингом, Гердер выступил в своем втором крупном произведении рижского периода - "Критические леса" / "Kritische Wälder oder Betrachtungen die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend, nach Ausgäbe neuerer Schriften", 1769 / . Первый "лесок" / Erstes Waldchen / посвящен "Ласкоону" Лессингу, второй и третий - / Zweites Waldchen, Drittes Waldchen / рассмотрению работ Клотца.

В "Ласкооне" Лессинг на основе полемики о Винкельманом доказал, что поэзия имеет свои специфические законы, отличные от законов изобразительного искусства. Своей теоретической работой Лессинг стремился освободить поэзию и драму от холодного "живописания", старался внести в немецкую литературу движение и действие, сблизить их с жизнью.

"Критические леса" Гердера его современники, а также буржуазная критическая мысль рассматривали как

¹ Берлинская либеральная ежедневная газета. В 1751 году перешла к книготорговцу Фоссу / J. F. Voss / и получила подзаголовок "Vossische Zeitung".

² J. G. Meier's Lebensbild, I, 2, 3. 334.

выступление против Лессинга в защиту Винкельмана. Зная о нападках на Лессинга и его "Лаокоон", Гердер это предвидел и подчеркнул в первом "Леске", что гений Лессинга и гений Винкельмана столь различны, что их нельзя сравнивать¹. Если для Лессинга главное — поэзия, то Винкельман смотрит на все глазами художника. И в этом именно они великолепны². Гердер, по его словам, хотел бы изгнать из своего произведения каждое слово, которое может казаться написанным против Лессинга³. То же утверждает он в письме к Лессингу, но тут же прибавляет, что каждое слово Лессинга должно быть строго проверено, ибо как много у него последователей!⁴

В основном у Гердера вызывает сомнения недостаточная историчность Лессинга, и в своих "Критических лесах" Гердер старается восполнить этот пробел. Античный мир, по Гердеру, — исторический период в развитии человеческого общества. Литература, культура античного мира соответствуют именно той конкретной эпохе и не могут быть безнаказанно перенесены на современную немецкую почву. Сами греки не исключительные люди, которым следует подражать, это народ на определенной ступени развития. Так же исторически рассматривает Гердер мифологию и изменчивость эстетических категорий. Попытка определить свойства поэзии, исходя лишь из поэм Гомера, как это сделал Лессинг, по убеждению Гердера, тоже неправильна, так

¹ J. G. Herder. Kritische Walden, oder Betrachtungen die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend, nach Maassgabe neuerer Schriften, R., 1769, W. I, S. 11.

² J. G. Herder. Kritische Walden, oder Betrachtungen die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend, nach Maassgabe neuerer Schriften, R., 1769, W. I, S. 15.

³ Ibidem, S. 274.

⁴ См. письмо Гердера к Лессингу, без подписи, написано чужой рукой. Только адрес написал сам Гердер. — J. G. Herder's Lebensbild, I, 2, S. 416.

как поэзия имеет множество видов и не сводима к гомеровскому эпосу.

Во втором "Леске" Гердер имел, по его же словам, патристическое намерение "возвратить критике свободу открито порицать недостойное..."¹.

Обычно предъявляемое Гердеру обвинение, что он критикует Лессинга слегка, а Клотца раздраженно, несправедливо. С Лессингом Гердер расходится, кроме требования соблюдения принципа историчности рассматриваемых явлений, только в деталях, а с Клотцом - в основном. Клотц - идейный противник как Лессинга, так и Гердера. Гердер критикует не только крайнюю неисторичность и поверхностность Клотца, он протестует против стремления последнего оценивать литературные произведения в соответствии с их большей или меньшей приближенностью к христианской религии. Гердера возмущает то, что даже мифологию в поэзии Клотц готов искоренить, как "безбожное, фальшивое, нелепое, смешное, суеверное"².

Лессинг высоко оценил "Критические леса" Гердера хотя, по его мнению, Гердер его не понял. Лессинг считал Гердера единственным человеком, ради которого стоит взять на себя труд полностью закончить свою работу³.

Кроме названных крупных произведений, Гердер в Риге закончил начатую в Кенигсберге статью "Как следует сделать философию полезной для народа" /"Dass und wie die Philosophie für das Volk nutzbar zu machen sei", 1765 / впервые опубликованную только после смерти Гердера /в

¹ /J. G. Herder/. Kritische Wälder, W. III, Vorrede.

² Ibidem, W. II, S. 78.

³ См. Lessing. Brief an Nicolai den 13. Apr. 1769. - J. G. Herder's Lebensbild, I, 2, S. 447.

J.G. Herder's Lebensbild / под названием "Wie kann die Philosophie mit der Menschheit (Humanität) und Politik versöhnt werden, so dass sie ihr auch dient?"¹

Эта работа была первоначально задумана Гердером как работа на конкурс, объявленный патриотическим обществом Бернса на 1764 год. Статью Гердер и в Риге полностью не закончил, начертав местами не разработку проблемы, а только план, многие мысли оставив не доведенными до конца. Это небольшое произведение интересно смелостью и радикальностью суждений. Гердер понимает важность философии, — изгнав философию, человечество неминуемо впадет в варварство². Теолог, юрист, медик и математик — все хотят сделать абстрактную философию своим базисом, но почти все смешали границы между философией и другими науками. Философия, чтобы стать полезной, должна спуститься со звезд к людям³, должна стать философией здравого разума. Гердер посылает философов учиться у простых деревенских кметей, пахарей⁴. Это единственное из ранних произведений Гердера, в котором он, под явным влиянием Руссо, открыто оправдывает революционную борьбу народа. Все люди, согласно Гердеру, свободны и независимы⁵. Если общественные договоры нарушаются одной стороной, они становятся недействительными и для другой стороны. "Если монарх... и т.д. — не заканчивает свою мысль Гердер, — то народ должен его принудить / zwingen /"⁶.

¹ См. В. Suphan, Die Rigische Beiträge und Herders Anteil an denselben — "Zeitschrift für deutsche Philologie", Bd. 6, Halle, 1875, S. 68 ff.

² J.G. Herder. DaB und wie die Philosophie für das Volk nutzbar zu machen sei. — Herder's Werke, hrsg. v. H. Duntzer, T. 24, S. 47.

³ Ibidem, S. 47.

⁴ Ibidem, S. 51.

⁵ J.G. Herder. DaB und wie die Philosophie für das Volk nutzbar zu machen sei. — Herder's Werke, hrsg. v. H. Duntzer, T. 24, S. 54.

⁶ Ibidem.

Совсем иной характер носит статья Гердера "Имеем ли мы еще сейчас публику и отечество, подобные древним?" "Haben wir noch jetzt das Publikum und Vaterland der Alten?" Riga, 1765 г. Статья посвящена открытию новой ратуши в Риге 11 ноября 1765 года и была задумана как публичная речь¹. Это явно сковывает Гердера. Он пишет сдержанно, подкрепляя свои мысли примерами из древней истории. Главная мысль Гердера сводится к защите предпринимаемых царским правительством шагов для ограничения злоупотреблений немецких помещиков и бюргеров своими широкими привилегиями. Гердер доказывает необходимость ломки устаревшей структуры Риги, при которой кучка немецких патрициев держала в руках всю экономическую и политическую жизнь города, и подчеркивает также положительную сторону централизации царского правительства. Здесь получила свое выражение глубокая симпатия Гердера к простому народу, его демократизм.

Изучению человеческой личности посвящено произведение Гердера "О сочинениях Томаса Абта" / "Ueber Thomas Abbt's Schriften. Der Torsso von einem Denkmal, an seinem Grabe errichtet", 1768 г. Гердер высоко ценил Абта, который, как указывает П. Рейман, имел "все данные для того, чтобы стать соратником Лессинга", но "преждевременно скончался"². "Смерть Абта для Германии невозместима", - пишет Гердер Николаи³. Посвященное памяти Абта, это произведение имеет тенденцию превратить Абта в идеал и образец писателя. "...Вы защищаете Абта даже там, - пи-

¹ Статья Гердера была издана отдельной брошюрой в том же 1765 году. Насчет того, прочел ли он ее во время торжеств, существуют противоречивые показания.

² П. Рейман, Основные течения в немецкой литературе, 1750-1848, М., 1959, стр. 50.

³ J. G. Herder, Brief an Nicolai den 19. Febr. 1767. - Herder's Briefwechsel mit Nicolai, S. 6.

шет Николаи Гердеру, — где он сам признал себя виновным,¹ Но для Гердера важно было не столько воссоздать образ Абта, сколько теоретически обосновать, как надо дать образ исторической личности и показать, каким должен быть писатель. Каждый писатель носит оковы своего века, он стоит в своем столетии подобно дереву в земле, в которой оно укоренилось и из которой пьет сок². Чтобы иметь возможность просвещать свою эпоху, писатель должен вникнуть в образ мыслей своего времени. Каждого писателя формируют вкусы его эпохи, поэтому он неизбежно носит на себе родимые пятна своего времени. Писателя характеризует не только его эпоха. Для формирования писателя и его личных качеств большое значение, по Гердеру, имеет образование³ Изучать следует не просто биографию писателя, а его внутренний духовный облик, отраженный в его произведениях. Писатель, если он хочет быть подлинно национальным, необходимо, подобно Абту, придать своему языку богатство, изобилие, легкость⁴, стиль его должен быть лаконичным⁵. Свои суждения писатель должен высказывать прямо, остро и точно⁶. И главное — Гердер требует, чтобы писатель стоял ближе к жизни.

Клоти подвиг и это произведение Гердера уничтожающей и неоправдливой критикой.

Постоянно интересуясь вопросом о Библии, Гердер написал уже в Лиге часть "Фрагментов к Археологии Ближнего Востока"⁷ /Fragmente zu einer "Arhaologie des Mor-

¹ Chr. Fr. Nicolai. Brief an Herder den 14. Juni 1768. — Herder's Briefwechsel mit Nicolai, S. 20.

² /J. G. Herder/, Ueber Thomas Abbt's Schriften, S. 21.

³ /J. G. Herder/, Ueber Thomas Abbt's Schriften, S. 11.

⁴ Ibidem, S. 42.

⁵ Ibidem, S. 32.

⁶ Ibidem, S. 53.

⁷ Гердер закончил работу несколько месяцев спустя после отъезда из Лиги.

genlandes", 1769/, напечатанную только после его смерти. В "Lebensbild" мысли Гердера совершенно сглажены и потеряли свою остроту. Правильный текст передан только в полном собрании сочинений Гердера, изданном Суфаном /т. 6, 1883/. Библия рассматривается в этой статье Гердером не как плод божественного откровения, а как поэма древнееврейского народа, как замечательная песня, соответствующая образу жизни и характеру этого народа. Ограниченные представления древнего народа о мироздании заставили его выдумать создание земли из ничего. Гердер доказывает несостоятельность таких представлений.

Первые наброски статьи об Оссиане "Извлечения из переписки об Оссиане и песнях древних народов" /"Auszug aus einem Briefwechsel über Ossian und die Lieder alter Völker", впервые напечатанные в 1773 году/ тоже относятся к рижскому периоду творчества Гердера¹. В Риге написаны также отрывки для будущей замечательной статьи о Шекспире /напеч. в сборнике "О немецком характере и искусстве", 1773/, где Гердер решает вопрос о Шекспире с генетической и историко-сравнительной точек зрения. К 1764 году относится план "Трактата о происхождении языка" /"Abhandlung über den Ursprung der Sprache", напеч. в 1772 году/, в котором Гердер, отрицая божественное происхождение языка, ищет его земные корни. Основные мысли этой темы возникли у Гердера в Риге.

Направленные против Гердера пасквилы были со злобством восприняты духовенством Риги, которое старалось возможно шире их распространить². Большая часть духовенства была настроена против Гердера за светскость его ма-

¹ См. K. Stavenhagen, Herder in Riga. Rede, gehalten zum Festaktus des Herder-Institutes am 4. Sept. 1922. Riga, 1925.

² См. J. Nohl. Einleitung. - J. G. Herder, Journal meiner Reise..., S. 41.

нер, светскую одежду /он не носил даже парика/, вращение в купеческих кругах, за его проповеди, свободные от догм и не перегруженные мистикой. Пастор церкви Иисуса Георг Бернгоф /Barnhof / не постеснялся оскорбить Гердера даже с амвона. Так, 4 января 1769 года Бернгоф обратил внимание своей общины на прискорбный факт, что при ней содержится адъюнкт, который не оказывает ему никакой помощи¹ Гердер, задетый этим несправедливым обвинением, подал 6 января жалобу магистрату для передачи консистории о грубом личном оскорблении. Гердера возмущала не только ложность обвинения / он читал перед тем 6 проповедей за 14 дней/, но особенно то, что ему придется выступить перед общиной, в глазах которой его старались так унижить. "Мое сердце разрывается, - пишет Гердер с отчаянием, - когда я думаю о своем унижительном положении!"². "Я был бы несчастным человеком, если бы должен был без защиты подвергаться оскорблениям со стороны любых частных лиц, несчастным гражданином в несчастном гражданском обществе / burgerliche Verfassung / ... Тогда я сожалел бы о часе, когда взял на себя работу адъюнкта..."³

Этот инцидент не был причиной отъезда Гердера из Риги, но безусловно одним из толчков, укоривших его решение.

Сразу же после окончания школьного года, 5 мая 1769 года Гердер подает магистрату заявление об увольне-

¹ См. жалобу Гердера против Бернгофа: J. G. Berens, Zwei Manuskripte eines deutschen Klassikers im Rigaschen Ratharchive. - "Baltische Monatschrift", Bd. 27, 1880, S. 529-543. G. Berkhols., Notizen. O J. Sivers Herder in Riga. Riga, 1869. - "Baltische Monatschrift" Bd. XVIII, S. 149-151.

² J. G. Berens, Zwei Manuskripte..., S. 535.

³ Ibidem, S. 537. См. также соответствующее решение магистрата по этому поводу: ЦГИА Латв. ССР, ф. 9, оп. 6, д. 169, л. 386.

нии, обосновывая это желанием путешествовать¹. Все попытки удержать его, обещание тайного советника Кампенхаузена /Campehauzen / сделать его помощником и преемником 79-летнего ректора лицея и дьякона Лодера / J. Loder / не помогают². 8-19 мая магистрату пришлось принять резолюцию об освобождении Гердера от его должностей, которые он³... до сих пор занимал со славой и с наилучшим успехом...³.

Простившись в открытой речи со своей общиной в церкви Св. Гертруды /17 мая/, где он опять подчеркнул чисто человеческие обязанности проповедника⁴, Гердер готовится к отъезду, продает свою мебель и часть книг, расплачивается с долгами. "Без денег⁵, без поддержки, беззаботно, как апостол и философы, так я иду в мир, чтобы его увидеть, разносторонне с ним ознакомиться, чтобы стать полезным"⁶, - пишет Гердер Шеффнеру.

¹ Возможно, что решение Гердера путешествовать укрепилось под влиянием книги Молсворта /K. Mollsworth, Von den Nutzen der Reisen in fremde Lander... Breslau, 1765/, которому он имел в своей библиотеке. Там цитируются также слова Шефтсбери, который имел большое влияние на Гердера, о возможности путешествия многому научиться /стр. II, 31/.

² Существует соответствующее официальное решение магистрата, принятое, правда, только 20 ноября 1769 года, где указывается, что магистрат считает Гердера для этого места "самым искусным и самым желательным". Магистрат решил также предоставить Гердеру полное жалование ректора, чтобы таким образом было легче его вернуть. См. соотв. документ - Loder in Riga. Urkunden, 3. 57-58.

³ ЦГА Латв. ССР, ф. 3, оп. 6, д. 176, л. 313.

⁴ J. G. Herder, Abschiedsrede von der Gemeinde zu Riga, gehalten in der St. Gertruden Kirche danelbst am 17./28. Mai 1769. - J. G. Herder's Lebensbild, I, 2, 3. 436 ff.

⁵ Хотя у самого Гердера и не было при отъезде никаких сбережений, в границах возможного о его денежных делах возболтался его издатель Иоганн Фридрих Харткнох. О Харткнохе см. Johann Friedrich Hartknoch, Biogr. Schrift. Johann Friedrich Hartknoch, - "Rigaer Almanach" für 1770, 13-ter Jahrgang, II, 1-31.

⁶ J. G. Herder, Brief an Scheffner den 22. Mai /Juni/ 1769. - J. G. Herder's Lebensbild, I, 2, 4. 436.

Занимавшая Гердера некоторое время по отъезде мысль о возможном возвращении в Ригу не осуществилась, Но Гердер никогда не забывал первого места своей самостоятельной жизни и работы. Уже в "Дневнике моего путешествия в 1769 году" Гердер создает план идеальной школы в Риге, думает об изменении существующих в этом городе порядков. В "Идеях к философии истории человечества" / "Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit", 1784-1791/ он говорит с большой теплотой и неподдельным возмущением о тяжелой участи латышского народа, в "Письмах для поощрения гуманности" / "Briefe zur Beforderung der Humanitat" упоминает Беренса. Тесную связь Гердер сохранил со своим другом и издателем Харткнохом, который до своей смерти /1789/ остался главным издателем Гердера¹. Живо интересовался Гердер патриотом Латвии, борцом за освобождение латышей от крепостничества Гарлибом Меркелем. Гердер собрал 79 латышских, 8 эстонских и несколько литовских народных песен, включив некоторые из них в свою антологию "Народные песни" /1778-1779/. Он сохранил также глубокий интерес к истории Прибалтики. Включая в свою библиотеку только книги, представляющие для него наибольший интерес Гердер приобретает ряд произведений, касающихся Прибалтики²

¹ Он издал, например: "Versuch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit...", 1774; "Versuch einer Erklärung des Ursprung der Sprache", 1774; "Erläuterung zum Neuen Testament aus einer neu eröffneten morgenländische Quelle", 1775; "Aelteste Urkunde des Menschengeschlechts, Bd. 2", 1776; "Von Erkennen und Empfinden der Menschlichen Seele..." 1778; "Plastik", 1778; "Ideen zur Philosophie der Geschichte des Menschengeschlechts". T. I, 1784; T. II, 1785; Neue Aufl., 1787.

² См. каталог, изданный перед аукционом библиотеки Гердера в 1805 году. - Bibliotheca Herderiana, Wilmariae, 1804. Справочник Фрибе по истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / v. Chr. Friebe's Handbuch der Geschichte Lief-, Est- und Kurland, 1-5 Bd., R. / историю Лифляндии и Эстляндии Пинну / H. von Jannau's Geschichte von Lief- und Estland I., 2., Th., R., 1783 /; его же историю рабства в Лиф-

Гердер жил в Риге только неполных пять лет, однако его влияние на развитие истории культуры Прибалтики несомненно велико. Зачинатель изучения и собирания народных песен Прибалтики, он оказал и прямое влияние на прогрессивные умы Лифляндии, особенно на пламенного борца за освобождение латышского народа Гарлиба Меркеля.

ляндии и Эстляндии / "Geschichte der Sklaverei und Charakter der Bauern in Lief- und Ehstland", /; "Топографические известия" Хупеля / A.W.Hupels topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, 1-3 Bd., R., 1774/; Лифляндские анналы Гадебуша / Fr. Cons. Gadebusch's Livländische Jahrbucher. 1-9, Th. R., 1780/ ; книги Гарлиба Меркеля / "Die Vorzeit Lieflands", von G. Merkel, Berlin, 1798; "Die Letten, vorzüglich in Liefland", von G. Merkel, Leipzig, 1800/.

JAUTĀJUMĀ PAR JAUNĀ STENDERA PĀRVĀCOŠANAS PROPAGANDU

Reakcionārie vēsturnieki Rietumeiropā, rakstīdami par Baltijas 18. - 19.gs. vēstures jautājumiem, cenšas slavēt ne tikai Lielās Oktobra sociālistiskās revolūcijas rezultātā gāzto ekspluatatoru šķiru - muižniekus, bet arī to rokaspuišus - luterāņu mācītājus. Šo vēsturnieku darbos ekspluatatoru šķiras galvenie ideoloģiskie atbalstītāji - luterāņu mācītāji parādīti kā nesavtīgi latviešu un igauņu tautu aizstāvji. Kā šādu piemēru varētu minēt V.Kales 1959.gadā Ķelnē publicēto grāmatu "Baltijas protestantisms un pareizticīgo baznīca". Šeit autors dod augstu vērtējumu luterāņu mācītājiem, kuri - kā to vismaz apgalvo V.Kale - ne tikai esot rūpējušies par vietējo iedzīvotāju labklājību, bet arī esot veicinājuši igauņu un latviešu tautību pāraugšanu buržuāziskās nācijās, veicinājuši igauņu un latviešu buržuāziski nacionālo kustību, ko autors apzīmē par "der spätere Nationalismus der beiden Völker".¹

Marxisms-ļepinisms māca, ka nācijas veidojas tad, kad sairst feodālā iekārta, attīstās kapitālistiskā sabiedrība, kuras ietvaros izaug nacionālie saimnieciskie un kultūras sakari. V.I.ļepins, runājot par feodālās iekārtas sairšanu un kapitālisma veidošanos, nosauca minētos sakarus par buržuāziskiem. "Tā kā šī procesa vadītāji un saimnieki" - saka V.I.ļepins - "bija kapitālisti - tirgopi, tad šo nacionālo sakaru radīšana nebija nekas cits kā buržuāzisko sakaru radīšana."²

1 W.Kahle. Die Begegnung des baltischen Protestantismus mit der Russisch-Orthodoxen Kirche, Leidene-Ķelne, 1959., 7. lpp.

2 V.I.ļepins. Raksti, 1.sēj., 132.lpp.

Buržuāziskā nācija ir augošā kapitalisma laika parādība, kura dzimst līdz ar kapitalistiskās iekārtas veidošanos. Feodālā iekārtā nācijas neeksistē, jo tur vēl nav radušies tie sakari, kas saista atsevišķas tautības daļas vienā nacionālā vienībā. "Nācijas - māca V.I.ļepins - ir sabiedriskās attīstības buržuāziskā laikmeta nenovēršams produkts un nenovēršama forma."³

Latvija 18.gs. beigās un 19.gs. sākumā bija feodāli dzimtbūtnieciska zeme, kur tikko sākās kļaušu saimniecības krīze un tās sairums. Rūpniecība vēl atradās preču ražošanas stadijā. Darbojās tikai neliels skaits manufaktūru, kas piederēja galvenokārt tirgotājiem un muižniekiem. Pats lielākais ekonomiskās un kultūras dzīves centrs Latvijā bija Rīgas pilsēta, bet te 1810.gadā bija tikai 32 955 iedzīvotāji.⁴ No 1817. līdz 1819.gadam Kurzemē un Vidzemē atcēla dzimtbūšanu, bet šis juridiskais pasākums tomēr neiznīcināja zemnieku atkarību no muižniekiem. Zeme tāpat kā agrāk palika vācu muižnieku īpašums un zemniekiem to labā bija jāpilda kļaušas. Vācu muižnieku un buržuāzijas rokās atradās arī ražošanas līdzekļi, rūpniecības uzņēmumi, administratīvās iestādes, baznīca un skola. Baronu landtāgi bija vietējās pašpārvaldes augstākās iestādes. Pilsētu magistrāti un gildes atradās vācu buržuāzijas rokās. Oficiālā valoda iestādēs bija vācu. Latviešiem 19.gs. sākumā vēl nebija savas inteligences, skolu un citu kultūras iestāžu, nebija savas nacionālās literārās valodas, daiļliteratūras un zinātniskās literatūras latviešu valodā. Latviešu tautības valoda bija vāji attīstīta, runāja vietējos dialektos, lasīt un rakstīt pratēju latviešu vidū bija maz. Reliģiskās un laicīgās grāmatas, ko sarakstīja vācu mācītāji, iznāca vācu valodā vai sakropļotā latviešu valodā. Kā pēc satura, tā arī pēc valodas tās bija svešas darba tautai.

3 V.I.ļepins. Raksti, 23.sēj., 180.lpp.

4 J.Straubergs. Vecā Rīga, R., 1951., 95.lpp.

Latvieši 19.gadsimta sākumā joprojām palika daimtļaušu stāvoklī. Tikai neliela latviešu daļa atradās labākā situācijā. Tie bija lauku māju saimnieki, dažādi sīki uzņēmēji, muižnieku palīgi, no kuriem daļēji vēlāk izauga latviešu lauku un pilsētu buržuāzija, bet arī tie locīja muguras kungu priekšā. Toreizējās ekspluatatoru šķiras bija muižnieki un augošā buržuāzija, kas rekrutējās gandrīz vienīgi no vāciešiem. Viņi pa lielāku daļu ne acu galā neieredzēja latviešu un krievu tautu, skatījās uz latviešiem un krieviem kā uz zemākas rases ļaudīm. Latviešus viņi pat neuzskatīja par tautu, bet tikai par zemāku, zemnieku kārtu. Savu privileģēto stāvokli Baltijas baroni mēģināja pamatot ar viņiem it kā piemītošo "augsto kultūru", iztēlojot latviešus par atpalikušiem, nekulturāliem ļaudīm.⁵

Cariskā valdība atbalstīja vācu kundzību, kaut gan mēģināja ierobežot baltvācu privilēģijas un separatismu. Līdzās tam cariskā patvaldība veicināja krievu ierēdņu un krievu valodas nostiprināšanos Latvijas administratīvajās iestādēs. Tā latviešu tautai nācās ciest divējāda veida nacionālos spaidus: vācu baronu un birģeļu kundzību un cara patvaldības žņaugus. Tāds bija latviešu tautības stāvoklis 19.gs. sākumā, kad - kā norāda vēsturnieks K.Strazdiņš - pamazām sāka veidoties priekšnoteikumi latviešu buržuāziskās nācijas izaugsmei.⁶

Luterāņu mācītāji nāca galvenokārt no vāciešu vidus. Teologisko izglītību viņi saņēma Vācijas universitātes, bet, sākot ar 1802.gadu, arī Tērbatas universitātes teoloģijas fakultāte. Formāli viņi nepiedērsja pie muižnieku, bet gan pie tā saucamās literātu kārtas. Faktiski viņi savās mācītājmuižās, kas viņiem bija nodotas īpašumtiesiskā lietošanā, ekspluatēja zemnieku un tādiem pašiem pamatiem kā muiž-

5 Latvijas PSR vēsture. Saisināts kurss.R., 1967., 178.lpp.

6 K.Strazdiņš. Latviešu sociālistiskā nācija.R., 1961., 19.lpp.

nieki. Ne par velti latviešu revolucionārās kustības celmlauzis Fr. Roziņš-Āzis, raksturojot luterāņu mācītājus, izteicies, ka viņi piedalās zemnieku izsūkšanā uz mata tādē pat kārtā kā junkuri.⁷ Luterāņu mācītāji bija atkarīgi no muižniekiem, kuri, balstoties uz tā saucamajām patronāta tiesībām, izvēlējās mācītāja amata kandidātus. Vācu tautības rakstnieks un publicists G. Merķelis savā ievērojamā grāmatā "Latvieši", kas izdota 1796. gadā Leipcigā, aizrāda, ka Vidzemē starp muižnieku un mācītāju neizbēgami radās tuvas attiecības. Mācītājs parasti kļuva par muižnieka mājas draugu, pārņēma tā domāšanas un rīcības veidu un iemācījās nicināt zemniekus.⁸ Stāvoklis Kurzemē bija līdzīgs. Luterāņu mācītāji visur centās izdabāt muižniekiem, kļūstot tādā veidā par to, ko viens no pirmajiem latviešu vēsturniekiem-marksistiem K. Landers apzīmē ar nosaukumu "vācu muižnieku garīgo uzdevumu ierēdņi".⁹ Mācītāji savos sprediķos un rakstos centās iepotēt zemniekiem reliģisko pasaules uzskatu. "Reliģija," māca V. I. Ļeņins -, ir viens no garīgo spaidu veidiem, kas itin visur gulstas uz tautas masām, kuras nomāc mūžīgais darbs citu labā, trūkums un vientulība. Eksploatējamo šķiru bezspēcība cīņā pret ekspluatatoriem tikpat neizbēgami rada ticību labākai dzīvei pēc nāves, kā mežopa bezspēcība cīņā pret dabu rada ticību dieviem, velniem, brīnumiem u. tml. Kas visu mūsu strādā un cieš trūkumu, tam reliģija māca būt pazemīgam un pacietīgam šai pasaulē, mierinādama ar cerībām uz debesu balvām. Bet tiem, kas dzīvo no citu darba, reliģija māca labdarību šai pasaulē, piedāvājot viņiem viņai lētu attaisnojumu viņu ekspluatatoriskajam dzīves veidam un pārdodot par pieņemamu cenu biļetes uz debesu labklājību."¹⁰

⁷ F. Roziņš. Rakstu izlase. III sēj. R., 1965., 226. lpp.

⁸ G. Merķel. Die Letten vorzüglich in Liederland am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker- und Menschenkunde. Leipciga, 1797., 335.-336. lpp.

⁹ K. Landers. Latvijas vēsture, I d., Maskava, 1922., 143. lpp.

¹⁰ V. I. Ļeņins. Raksti, 10. sēj., 62. lpp.

Laikā, kad ira feodālās un veidojās kapitālistiskās attiecības, baltvācu muižniecība, izmantojot mācītāju atbalstu, uzsāka pastiprinātu cīņu par savu feodālo privilēģiju saglabāšanu, pret augošo zemnieku kustību. Cenšamies ievadīt kapitālistisko attiecību veidošanos sev vēlāmā gultnā, viņi nevis veicināja - kā apgalvo mums jau pazīstamais V.Kāle - bet bremzēja latviešu buržuāziskās nācīgas veidošanās procesus. Muižnieku naida un nicināšana pret latviešu tautu visspilgtāk izpaudās to luterāņu mācītāju uzskatos, kas aicināja latviešu zemniekus atteikties no savas tautības un pārvācoties. Viens no šādiem mācītājiem bija Aleksandrs Johans Stenders, kuru V.Kāle savā darbā nepiemin. Nepelnīti. A.J.Stendera uzskatiem latviešu zemnieku pārvācošanas jautājumā veltīts šis raksts.

Jau redzējam, ka vācu mācītāji latviešu zemnieku ideoloģiskās ietekmēšanas nolūkos sacerēja un publicēja reliģiska satura grāmatas. Ap 18.gs. vidu sāka parādīties laicīga satura raksti, kas domāti latviešiem. Arī tos, tāpat kā reliģisko literatūru sarakstīja mācītāji. Tāpēc arī šīs grāmatas kalpoja baznīcas mācības un feodālās ideoloģijas sludināšanai tautā, izmantojot tikai citādus līdzekļus nekā reliģiskajos izdevumos. Mācītāju vidū nostiprinājās uzskats, ka piemēroti laicīgi raksti var būt liels ierocis, lai ietekmētu tautas apziņu valdošajai šķīrei vēlāmā virzienā. Bet par jauniem ideoloģiskās ietekmēšanas līdzekļiem nācās rūpēties arvien energiskāk, lai stiprinātu dzimtbūšanu, kas krakšķēja visās šuvēs.¹¹ Par vācu mācītāju radītās laicīgās literatūras pirmo redzamo pārstāvi kļuva Gothards Frīdrihs Stenders, saukts Vecais Stenders. Viņa redzamākais sekotājs bija viņa dēls Aleksandrs Johans - saukts Jaunais Stenders.

Jaunais Stenders dzimis 1744.gadā Jelgavā, Viņa tēva šīni pašā gadā aizgāja par mācītāju uz Līndes (Bīrzgales)

¹¹ Latviešu literatūras vēsture sešos sējumos, I sēj. Rīgā, 1959., 437.lpp.

draudzi. Stenderi Latvijā bija iecelojuši no Vācijas jau 17.gadsimtā un piecas to paaudzes bija par mācītājiem. Aleksandrs Johans palika uzticīgs ģimenes tradīcijai. Sākumā viņš gan studēja tieslietas, bet pēc tam teologiju - Karalaukos. No 1778.gada viņš strādāja par palīgu pie sava tēva Sēlpils un Sunākstes draudzēs, bet no 1796.gada līdz savas dzīves beigām - 1819.gadam - par mācītāju šini draudzē. Bez tam viņš ieņēma dažādus baznīcas amatus - bija Sēpils iecirkņa prāvests un Kurzemes konsistorijas padomnieks.¹²

Sēpili un Sunākstē sākumā bija katrā savs mācītājs, Abas draudzes apvienoja 1712.gadā. Mācītājs tagad dzīvoja Sunākstes mācītājmuižā, bet izmantoja arī Sēpils mācītājmuižu. Pa abām muižām kopā sanāca samērā liela aramzemes platība - 300 pūrvietu. Bez tam pie muižas bija pierakstītas (pēc 1863.gada datiem) 12 zemnieku saimniecības, kas deva vajadzīgo darbaspēku. Sēpils un Sunākstes draudzēs bez abām mācītājmuižām ietilpa arī vairākas privātās un kroņa muižas: Vec- un Jaunsēpils, Maz- un Lielsunākstes, Fiksteres, Likuma, Danpeldes, Vigantes, Evaldes, Vārenbrokas, Iekengrāves.¹³ Ar saviem patroniem - vietējiem dzimtmuižniekiem - Stenderi vienmēr centās labi saprasties. Muižnieki par to viņiem parādā nepalika. Kad Vecais Stenders atnāca uz Sēpils un Sunākstes draudzi, mācītājmuižas dzīvojamā ēka vēl nebija uzcelta. Vārenbrokas īpašnieks barons Bolšvings deva iespēju mācītājam apmesties savā muižā un arī vēlāk - pēc Vecā Stendera pārcelšanās uz jaunuzcelto dzīvojamā ēku - viņu visādā veidā atbalstīja. Klausīdams mācītāja padomam, Bolšvinga dēls - muižnieku virspilštiesas asesors - zemnieku labākas ideoloģiskās apstrādāšanas nolukos atvēra Vārenbrokas muižā vienu no pirmajām

¹² Th.Kallmeyer. Die evangelischen Kirchen und Prediger Kurlands, Rīga, 1910., 678.lpp.

¹³ E.Busch. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik der Kirchen- und Schulwesens der Luth.Gemeinden in Russland, Isāj. Pēterburga-Leipciga, 1867., 423.-424.lpp.

zemnieku skolām Kurzemē,¹⁴ Jaunais Stenders vēlāk Bolšvīngam veltīja vienu no savām publikācijām, par kuru būs runa - 1805.gadā Jelgavā iznākušo grāmatu "Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas".¹⁵

Jaunais Stenders, palīdzēdams savam tēvam kārtot dzimdes un saimniecības lietas, vaļas brīžos nodarbojās ar latviešu valodā rakstīto literatūru. Rezultāti neizpalika. 1790.gadā Jelgavā iznāca pirmā luga latviešu valodā "Lustesspēle no zemnieka, kas par muižnieku tapa pārvērsts" ar veltījumu Skaistkalnes un Bruknas muižu dzimtipašniecei Konstānci fon Korfai.¹⁶ Šeit jāpaskaidro, ka ar Korfiem Stenderi uzturēja draudzīgus sakarus. Viens no viņiem - J.A.Korfs, kādreizējais Pēterburgas zinātnu akadēmijas prezidents, vēlākais Krievijas sūtnis Dānijā - Vecajam Stenderam uz laiku bija izgādājis ģeogrāfijas profesora vietu ar pieklājīgu algu Kopenhāģenas universitātē.¹⁷

Literatūrvēsturnieki parasti atzīmē, ka Jaunais Stenders lokalizējis dāņu rakstnieka Ludviga Holberga (1684.-1754.) komēdiju "Kalnu Jēpe", pie kam L.Holberga Jēpe lokalizējumā pārvērties par latviešu zemnieku Bārtuli.¹⁸ Tam var piekrist visos punktos, izņemot vienu. Jaunais Stenders lokalizējis nevis L.Holberga lugas dāņu oriģinālu, bet gan lokalizējumu vācu valodā, kas publicēts 1752.gadā krājumā "Dāņu skatuve". Jaunā Stendera Lustesspēle tāpat

14 K.Kundziņš- Vecais Stenders savā dzīvē un darbā, I d., Jelgava, 1879., 67.lpp.

15 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc. Tiem latviešiem par izlustēšanu un prāta pieaugšanu sarakstītas no Sēlpils priekšmācītāja A.J.Stender, Jelgava, 1805., 3.lpp.

16 Lustesspēle no zemnieka, kas par muižnieku tapa pārvērsts, Jelgava, 1790., 3.lpp.

17 Валескалин П.И. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии. Rīga, 1967., 45.lpp.

18 Latviešu literatūras vēsture sešos sējumos, I sēj., Rīga, 1959., 565.lpp.

ir lokalizējums no lokalizējuma. Vācu lokalizējuma darbība no Dānijas pārnesta uz Vāciju, pie kam izdarītas attiecīgas izmaiņas lugas nosaukumā un personu vārdos. Ja oriģinālā luga saucas "Kalnu Jepe vai pārvērstais zemnieks"¹⁹, tad vācu lokalizējuma nosaukums saīsināts - "Pārvērstais zemnieks"²⁰. Vāciskoti arī lugas personu vārdi. Dāņu Jepe pārkrīstīta par Bārteli, Nille par Annu. Tātad pareizi būtu teikt, ka nevis Jepe, bet gan Bārtelis Jaunā Stendera lokalizējumā kļuvis par latviešu zemnieku Bērtuli.

L.Holberga lugas vācu lokalizējumā izmainīti personu biogrāfiskie dati. Ja Jepe piedalās cīņās pret zviedriem pie Vismaras un dzērumā melnā blēņas lauzītā vācu valodā²¹, tad vācu lokalizējumā Bārtelis piedalās kaujā pret franciņiem pie Mantujas un piedzēries buldurē lauzītā itāļu valodā²². Ir arī vēl citas nenozīmīgas izmaiņas. Taču lugas idejiskā ievirze un daļēji mākslinieciskā vērtība vācu lokalizējumā saglabājusies. Te saglabājies L.Holbergs ar savu sociālo patosu vienkāršā zemnieka attēlojumā. Vācu lokalizējumā, uzmanības centrā paliek dzimtcilvēks, kura dzīve nepazīst prieku. Viņa daļa - nemitīgs, smags darbs. Barons un viņa palīgi to aplaupa, ķesteris viņam "uzliek ragus", sieva spīdzina, viņa vienīgā izklaidēšanās - dzeršana. Tiklīdz viņam izdodas noslēpt kādu mazumiņu naudas no skopās sievas, viņš to steidzas atstāt krogū. Vācu lokalizējumā saglabājusies tā sociāli patiesā pieeja, ar kādu L.Holbergs atsedz zemnieka domāšanas un rīcības veidu. Zemnieks vācu lokalizējumā joprojām ir pēc savas dabas labsirdīgais dzimtcilvēks, kuru sakropļojusi netaisnā sabiedriskā

19 Jeppe på Bjerget eller den forvandlede Bonde. L.Holbergs Comedier, I sēj., Kopenhāgena, 1848., 281.lpp.

20 Der verwandelte Bauer. Die Dänische Schaubühne geschrieben von dem Freiherrn Ludwig von Holberg und nun in die deutsche Sprache übersetzt. II sēj., Kopenhāgena un Leipzig, 1752.

21 L.Holbergs Comedier, 294.lpp.

22 Die Dänische Schaubühne, 101.lpp.

iekārta.

Ne jau tā ir nelaipe, ka Jaunais Stenders L.Holberga lugu piemērojis Latvijas apstākļiem. Tas nēkas, ka viņa Bārtulis piedalījies krievu armijas kaujas operācijās Prūsijā²³ un vēlāk strādājis muižā par suņu puisi.²⁴ Slikti tas, ka cietusi lugas idejiskā ievirze un mākslinieciskā vērtība. Svitrots viss, kas kaut mazākā mērā saistās ar antiklerikalismu un atmasko negodīgos baznīcas kalpotājus. L.Holberga luga pārvērsta par tribīni latviešu zemnieku nozūkāšanai un baltvācu muižnieku slavinašanai. Cenšoties vietā un nevietā slavīnāt muižniekus, Jaunais Stenders iznīcinājis L.Holberga lugas poēziju. Minšiam tikai vienu piemēru - Jēpes dzīru dziesmu.

For den drikker Band,
Havet drikker Soel,
Soelen drikker Hav,
Alting i Verden drikker;
Hvorfor maa jeg daa.
Ey drikke ligesaa? ²⁵

Tulkojums vācu valodā:

Die Erde trinkt Wasser,
Das Meer trinkt die Sonne.
Die Sonne trinkt das Meer.
Alles, was auf der Welt ist, trinkt.
Warum soll ich auch nicht trinken nach
aller Gebrauch? ²⁶

Tulkojums latviešu valodā:

Zeme dzer ūdeni,
Jūra dzer sauli.
Saulē dzer jūru,

23 Lustesspēle, 55.lpp.

24 Lustesspēle, 18.lpp.

25 L.Holbergs Comedier, 293.lpp.

26 Die Dänische Schaubühne, 100.lpp.

Visi dzer pasaulē,
Kādēļ es lai nedzeru,
Sakiet jel man? ²⁷

Jaunā Stendera lokalizējums: Visiem jādzer. Neviena nevar nedzēris dzīvot. Kungi dzer vīnu, saule dzer ūdeni. ²⁸

Ja L.Holberga zemnieka mutē liek izjustas dzejas rindas, kas liecina par autora cieņas pilno attieksmi pret savas lugas centrālo tēlu, tad Jaunais Stenders liek Bērtulim slavēt kungus, kuri lokalizētāja uztverē ir labāki par sauli, jo tie dzer nevis ūdeni, bet vīnu.

Jaunā Stendera "Lustesspēle" tālākos izdevumos pazīstama ar nosaukumu "Žūpu Bērtulis". Tā ir pirmā luga, kas 1868.gadā izrādīta uz latviešu teātra skatuves. Neilgi pirms latviešu teātra 100 gadu jubilejas laikrakstā "Literatūra un Māksla" parādījās informācija par L.Holberga lugas uzņemšanu Prencļavas (VDR) teātra repertuārā. Nelielajā rakstīņā pamatoti atzīmēts, ka latviešu literatūras vēsturē un apcerējumos par mūsu teātra tapšanu parasts uzsvērt lugas māksliniecisko mazvērtību (kļājo didaktiku), reakcionāro tendenci un izvirzīti divi jautājumi: "Vai te kautkas nebātu jāpārskata? Vai nav tā, ka lokalizētāja grēkus uzveļam autoram?" ²⁹ Uz šiem jautājumiem gribas atbildēt

šādi. Jaunais Stenders L.Holberga darbu ne tikai mākslinieciskā ziņā vulgarizējis, bet arī idejiski sakropļojis, pārņūvis pēc reakcionāri feodālā parauga. Lokalizētāja grēkus nevajadzētu pierakstīt L.Holbergam, šim - kā norāda K.Markss - izņēmumam dāņu literatūrā, kas citādi ir vācu literatūras "bāla kopija". ³⁰ L.Holberga lugas, taņi skaita

27 Žūpu Bērtulis ("Jeppe") Ludviga Holberga joku luga piecos cēlienos iz dāņu zemnieku dzīves 18.gadusimteni. Tulkojis Meln.Alk. Jēlgavā, 1911., 14.lpp.

28 Lustesspēle, 18.lpp.

29 "Žūpu Bērtulis" Vācijā. Literatūra un Māksla, 1965., Nr.38.

30 К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения VI сѣд., 1930., 427-428.lpp.

"Kalnu Jepe", vēl šodien nenoieta no pasaules teātru skatuvēm. Par divām tendencēm - demokrātisko un antidemokrātisko "Kalnu Jēpes" skatuviskajā traktājumā Dānijas teātros stāstīts žurnālā "Teatr" ³¹. L.Holberga lugu tulkojumā iznāk daudzu pasaules tautu valodās. Kaut gan L.Holbergs neuzstājās pret netaisno feodālo sistēmu visumā, bet apmierinājās ar šīs sistēmas atsevišķu trūkumu kritiku, viņa tulkotājs krievu valodā un pētnieks A.Hozenpuds pamatoti nosauc autoru par istu apgaismotāju, kas cīnījies pret sabiedrisko ļaunumu ³², bet viņa lugu "Kalnu Jepe" par darbu ar lielu sociālu spēku. ³³ Šinī sakarībā izvirzās jautājums: vai nebūtu laiks arī latviešu valodā izdot L.Holberga darbu izlasi, kas tulkota no oriģināla? L.Holbergs to ir pelnījis.

Pie Jaunā Stendera "Lustesspēles" ilgāk pakavējamies tāpēc, ka šis lokalizējums liecina par autora optimismu uzskatos par latviešu tautu. 1790.gadā, kad lokalizējumu publicēja, Jaunajam Stenderam latviešu tauta vēl likās pietiekami vērtīga ideoloģiskai ietekmēšanai muižnieku gaudē. Vismaz savu "Lustesspēli" viņš veltī jau minētajai Konstāncijai fon Korfai kā ieguldījumu "vērtīgās latviešu tautas apgaismošanai". ³⁴ Viņš tic, ka latviešu zemnieks, no klausījies mācītāja sprediķi baznīcā vai "Lustesspēles" uzvedumu muižas rījā, kļūs pazemīgāks un paklausīgāks kungiem. Viņš ir pārliecināts, ka zemnieki skrīs bučot kungiem svārku stērbeles, tiklīdz pēdējie iepēms stingrāku nostāju un nedos zemniekiem pavasaros "bez gala maizēs, sēklu un zirgus". ³⁵ Jaunais Stenders domā, ka zemnieku stāvoklis uzlabosies un viņi tik daudz bēdzers, ja kungi liks

31 Teatr, 1955., Nr.6, 146.lpp.

32 А.Гозенпуд, Л.Хольберг, Комедии, М-Л, 1957, 3.лpp.

33 Turpat, 24.lpp.

34 Lustesspēle, 3.lpp

35 Turpat, 60.lpp.

"labu alu brāvēt un to brandvinu to stopu bez pusedaldera nepārdot".³⁶ Taču vajadzēja paiet tikai piecpadsmit gadiem, lai vīpa optimisms pārvērstos savā pretstatā - pesimismā.

Pēc piecpadsmit gadiem - 1805.gadā Jelgavā iznāca Jaunā Stendera grāmatīpa "Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc.". Te ievietoti tulkojumi un lokalizējumi no vācu valodas, starp tiem F.Šillera oda "Liksmība" (An die Freude). Par to, kāds gars valda šīnī grāmatā, liecina sekojošā vieta F.Šillera odas lokalizējumā.

Vācu oriģināls:

Froh wie seine Sonnen fliegen
Durch des Himmels prächtigen Plan,
Wandelt, Brüder, eure Bahn,
Freudig wie ein Held zum Siegen.³⁷

Tulkojums latviešu valodā:

Priecīgi kā zvaigznes staigā
Tur pār debess tālumiem,
Brāļi, jūs pār pakalniem, -
Visi lai tik priekā klaigā.³⁸

Jaunā Stendera lokalizējums:

Steidzami, kā saules staigā
Debesvelves klajumā,
Un kā muižnieks Jelgavā
Jāpos iebrauc prieku vaigā.³⁹

Literatūrvēsturnieks L.Bērziņš, kas visumā augstu vērtē Jauno Stenderu, šīnī sakarībā atzīmē, ka te muižnieks, uz Jāpu tirgeli un tā izpriecām Jelgavā braukdams, ir ticis

36 Lustesspāle, 61.lpp.

-37 F.Schiller, Gesammelte Werke, I sēj., Berlīne, 1955., 148.lpp.

38 Priekiem. Vīna dziesma pēc vācu dziesminieka Fr.v. Šillera no C.Stālberg. Jelgavā, 1867., 5.lpp.

39 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 31.lpp.

par augstākās varonības simbolu.⁴⁰ Taču zemošanās muižnieku priekšā raksturīga visiem Jaunā Stendera un arī citu mācītāju latviešu valodā rakstītajiem sacerējumiem. Viņa "Dziesmas" izceļas ar kaut ko citu. Šeit Jaunais Stenders pirmoreiz izsaka domu, ka līdz šim pielietotie zemnieku ideologiskās ietekmēšanas līdzekļi sevi nav attaisnojuši. Grāmatas virsrakstā gan norādīts, ka izdevums domāts latviešiem "par izlustēšanu un prāta pieaugšanu", taču pēc vārdā aizrādīts, ka ar grāmatām latviešus nav iespējams ietekmēt: latviešu tauta sastāvot no cūkām, kurām grāmatas rakstīt nav nozīmes. "Ko vēl tādiem grāmatas rakstīt un drīkst" raksta Jaunais Stenders - tas itin kā cūkai pārles apsiet - cūka paliek cūka un kaut mazgāta un jauki pušķota, tādāļ uz sūdu dubļiem atpakaļ griežas."⁴¹

Kas noticis? Kāpēc tik īsā laikā - kādos piecpadsmit gados - tādas pārmaiņas Jaunā Stendera uzskatos par latviešu tautu? Kāpēc optimisms pārvērties pesimismā?

Lai atbildētu uz šiem jautājumiem, īsumā iepazīsimies ar notikumiem 18.gs. beigās un 19.gs. sākumā Latvijā.

18.gs. beigās un 19.gs. sākumā gan cariskajā Krievijā, gan arī Latvijā sākās feodāli dzimtbūtnieciskās saimniecības sairšana un kapitālistisko attiecību veidošanās. Iekšējā un ārējā tirdzniecībā radās pastiprināts pieprasījums pēc lauksaimniecības ražojumiem. To cenas nemitīgi auga. V.I. Ļeņins norāda, ka "labības ražošana pārdošanai, ko muižnieki sevišķi attīstīja dzimtbūšanas pastāvēšanas pēdējā laikā, jau bija vecā režīma sabrukuma priekšvēstnesis".⁴² Muižnieki visādiem līdzekļiem centās pārdot vairāk labības, linu, koku. No dzimtļaudīm nesaudzīgi izspieda produktu renti, bet, tā kā nabadzībā grimušie zemnieki nespēja kārtīgi nodrošināt nodevas muižniekiem, produktu rente zaudēja savu nozīmi, un muižnieki ekonomiski bija

40 L. Bērziņš. Latviešu rakstniecība svešu tautu aizbildniecībā. "Latvieši". Rakstu krājums. Rīgā, 1930., 299. lpp.

41 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 127. lpp.

42 V.I. Ļeņins, Raksti, 3. sēj., 158. lpp.

vairāk ieinteresēti kļaušu rentes palielināšanā. Šī rente kļuva par latviešu zemnieku ekspluatācijas galveno veidu. 18.gs. beigās muižniekiem izdevās divkāršot kļaušu apmērus, salīdzinot ar zemnieku kļaušām 17.gs. beigās.⁴³ Labvēlīgā tirgus konjunktūra stimulēja muižnieku mantkārību, kas nepazina robežu. Lai iegūtu lielāku peļņu, valdošās šķiras pārstāvji ne tikai nesamazināja, bet pat palielināja zemnieku apdzirdīšanu. Ne tikai muižnieki, bet dažkārt arī mācītāji savās muižās ierīkoja degvīna dedzinātavas un uzsāka plašu degvīna dedzināšanu pārdošanai. Nabadzībā grimstošie dzimtļaudis uz ekspluatācijas pieaugumu atbildēja ar pastiprinātu šķiru cīņu, kurai bija vēsturiski progresīva nozīme. Zemniecība, kaut stihiski un neapzinīgi, uzstājās par feodālo ražošanas attiecību likvidēšanu un jaunu kapitalistisko ražošanas attiecību uzvaru. 90.gadu vidū zemnieku nemieri notika vairāk nekā pusē no visām Krievijas impērijas guberņām. 1797.gadā Orlas guberņā uzliesmoja zemnieku sacelšanās, kurā piedalījās līdz 13 000 dzimtcilvēku.⁴⁴ Šini pašā gadā zemnieku nemieri pārsviedās uz Vidzemes guberņas igauņu daļu. Zemnieki atteicās iet muižas darbos. Nemieru apspiešanai vajadzēja nosūtīt 200 vīru lielu karaspēka nodalījumu.⁴⁵ Gadsimtu mija Vidzemi piemeklēja neražas un zemnieki mira badā, bet muižnieki zemnieku nodevas un kļaušas nesamazināja.⁴⁶ 1802.gada rudenī Valmieras, Burtnieku, Raunas un Cēsu apkārtnē izcēlās plaši zemnieku nemieri. Par dzimtļaužu brūpotās sacelšanās centru kļuva Kauguru muiža (Valmieras tuvumā). Kauguru sacelšanās bija izcils notikums Vidzemes zemnieku šķiru cīņā. Lai sacelšanos apspiestu, bija jāraida pret nemierniekiem ievērojami militāri spēki, tai skaitā arī artilērija. Brūpotajā sadursmē 10.oktobrī zem -

43 Latvijas PSR vēsture.Saisināts kurss.Rīgā,1967.,99.lpp.

44 PSRS vēsture,I sēj. No vissenākiem laikiem līdz 1861.gadam. Rīga, 1967., 524.lpp.

45 История Эстонской ССР/с древнейших времен до наших дней/Таллина, 1952., 157.-158.lpp.

46 J.Zutis.Latvija kļaušu saimniecības saīršanas periodā un Kauguru nemieri 1802.gadā.Rīgā,1953.,139.-140.lpp.

nieki zaudēja pavisam 22 cilvēkus, no tiem 14 kritušos un 8 ievainotos. Parasti zemnieki, ciešot pirmo neveiksmi sadursmēs ar karaspēku, paniskās bailēs bēga; šoreiz tas ne-notika. Zemnieki izklīda, turoties kopā lielākās grupās.⁴⁷

1804. gada cariskā valdība pieņēma Vidzemes zemnieku likumus, kas nedaudz uzlaboja saimnieku stāvokli, bet atstāja agrākā, pilnīgi beztiesiskā stāvokli bezzemniekus. Mācītāji savos sprediķos kā Vidzemē tā Kurzemē aicināja lauku iedzīvotājus uz paklausību un brīdināja no dumpošanās. Stenders Jelgavā publicēja rakstu "Dzīvošanas spieģelis". Te zemnieki brīdināti no piedalīšanās nemieros un aicināti no kaušanās un trakas plosīšanās bēgt kā no paša vella.⁴⁸ Taču visam tam nebija nekādas nozīmes.

Zemnieku nemieri, kas sākās Igaunijā, izplatījās uz Rīgas apriņķi.⁴⁹

Tādi bija notikumi, kas spieda Jauno Stenderu revidēt savus uzskatus par latviešu tautu. Kā pats Jaunais Stenders pamato savu pesimismu?

Jau Vecais Stenders centās samierināt zemniekus ar dzimtbūšanu un ieaudzināt viņos reliģisko pasaules uzskatu. Viņš centās iedvest dzimtļaudīm domu, ka nevajag kurnēt, bet vajag pateikties dievam par to, ka tas viņiem devis muižniekus, bez kuriem dzīve būtu tirā elle.⁵⁰ Jaunais Stenders konstatē, ka zemnieki šīs pamācības "smāds" un uzskata, ka tās ir "joki" vai "nieki".⁵¹ Jaunais Stenders novērojis, ka zemnieki viņa tēva grāmatas neciena un nepērk, lai gan pēc viņa domām "tās gan vērtas iraid".⁵² Uz jautājumu - vai Vecā

47 J.Zutis.Latvija klausu saimniecības saīšanās periodā un Kauguru nemieri 1802.gadā.Rīga,1953.,147.lpp.

48 A.J.Stenders.Dzīvošanas spieģelis.Jelgava,1804.,§ 11.

49 J.Zutis.Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimta sākumā (1804.-1819.).Rīga,1954.,51.lpp.

50 Валескалн П.И.Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии. Rīga,1967,45.-46.lp.

51 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc.,126.lpp.

52 Turpat, 127.lpp.

Stendera pamācības padarījušas latviešu tautu paklausīgāku vācu muižniekiem, Jaunais Stenders atbild ar dziļu nošēlu, ka "tas vien Dievam zināms - priekš cilvēku acīm tas gan maz redzams".⁵³ Vēl vairāk. Zemnieki ne tikai - izrādās - noraida Vecā Stendera un citu mācītāju pamācības, bet darbojas tieši pretēji tām, resp., cīnās pret muižniekiem un mācītājiem. Protestēdami pret luterāņu baznīcu, kas aizstāvēja muižnieku intereses, zemnieki pieturējās pie senajām parašām, kuras Jaunais Stenders apzīmē par "ērmīgām liekām ticībām".⁵⁴ Ka pieturēšanās pie senajām parašām kā protests pret "kungu baznīcu" 19.gs. sākumā Latvijā bija izplatīta, liecina kaut vai baznīcu vizitācijas komisijas 1874.gada 26.oktobrī Raunā noturētās sapulces protokols. Te atzīmēts, ka zemnieki turpina upurēt dažādiem "pagānu" dievliem, neskatoties uz to, ka dots norādījums nocirst upurkokus un saspridzināt upurakmeņus, kā arī sodīt pašus upurētājus.⁵⁵ Jaunais Stenders labi zina, ka kungi apspiež zemniekus, ka zemnieki "ar bargumu un kūlienu valdīti top", bet viņš attaisno kungus, teikdams, ka pie zemnieku nelaiemes "ne tas mīlais Dievs, ne tā valdīšana, ne tie kungi, ne tie mācītāji, ne tā dzimtu būšana, ne tie laiki vainīgi". Kas tad vainīgs zemnieku nepanesamajā dzīvē pēc Jaunā Stendera domām? Izrādās, ka vainīgi paši zemnieki ar to, ka viņi cīnās pret kungiem, ka viņi nesamierinās "ar grūtiem laikiem un neauglīgiem gadiem",⁵⁶ ka viņi neļauj pat mācītājiem - šiem muižnieku palīgiem sevi "pārrunāties".⁵⁷ Tā ir īsta muižnieku un

53 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 128.lpp.

54 Turpat, 125.lpp.

55 K.Bregžis. Baznīcu vizitācijas protokoli. Rīga, 1931., 129.-130.lpp.

56 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 129.lpp.

57 Turpat, 128.lpp.

dzimtbūšanas aizstāvju valoda, tas ir mēģinājums novelt atbildību par necilvēcīgo, netaisno sabiedrisko iekārtu uz zemnieku pleciem, uz darba tautas pleciem, kuru mācītājs pēc muižnieku parauga nekautrējās nolamāt visrupjākajiem vārdiem.

Jaunais Stenders netic, ka mācītājiem ar līdzšinējiem līdzekļiem izdosies piedabūt latviešus pie paklausības. Taču viena izeja - viņam vismaz tā liekas - vēl ir palikusi: latviešiem jāpārvācojas.

Baltvācu vēsturnieki idealizē luterāņu mācītājus, kuri aizstāvēja domu par latviešu pārvācošanu, mācītājus, kas ne acu galā nevarēja ieredzēt latviešu tautu. Jau muižniecības apologets A. Tobīns deklarēja, ka latviešu pārvācošanās veicinātāji gribējuši pacelt latviešu tautas kultūras līmeni.⁵⁸ Latviešu tautas nīkākos ienaidniekus kvalificēdams par tās draugiem, A. Tobīns cenšas padarīt melnu par baltu. Neskatoties uz to, A. Tobīnam atradās sekotāji ne tikai vācu, bet arī latviešu buržuāzisko vēsturnieku vidū. 1937. gadā rakstnieks un kritiķis K. Lejnīeks (K. Dzīlleja) publicēja grāmatīņu, kas saucās "Latviešu draugi pagātnē". Te viņš pie latviešu draugiem pieskaita arī Jauno Stenderu, kas ar pārvācošanas sekmēšanu gribējis - kā domā K. Lejnīeks - pavērt latviešiem ceļu uz izglītību. K. Lejnīeks tieši tā raksta: "Jaunais Stenders domāja, ka latviešiem vislabāk pašķirt ceļu uz izglītību ar to, ka sekms viņu pārvācošanu, jo mazā tautiņa savu patstāvīgu kultūru nekad neradīšot."⁵⁹ Pēc K. Lejnīeka domām Jaunais Stenders - šis baltvācu muižnieku dienderis - gribējis latviešiem pašķirt ceļu uz izglītību. Tātad iznāk, ka Jaunais Stenders, aicinādams

58 Al. Tobien. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältniss zum Zarismus und russischen Nationalismus, Riga, 1925., 284. lpp.

59 K. Lejnīeks. Latviešu draugi pagātnē. Riga, 1937., 57. lpp.

latviešus uz pārvācošanos, gribējis tos vest pie izglītības un kultūras. Vai tas tiešām tā bija? Atbildam: Nē!

Jaunais Stenders labi saprata, ka varmācīgā ceļā germanizēt latviešu tautu vācu muižniekiem un mācītājiem neizdosies. Taču viņš uzskata, ka latvieši paši pārvācosies, ja vien viņus attiecīgi pamudinās. Par vienu no tādiem pamudinājuma veidiem Jaunais Stenders uzskata vācu valodā iespiestās grāmatas, kas "viena par otru jaukāka un citas ar daiļām bildēm pušķotas".⁶⁰ Izvēlēdamies šādu pārvācošanas pamudinājuma veidu, viņam acīmredzot bija zināma zemnieku tieksme pēc izglītības. Jaunajam Stenderam nepietiek ar to, ka latvieši iemācās vācu valodu, lasa vācu grāmatas un piesavinās vācu kultūras sasniegumus. Viņam vajag, lai zemnieki pārvācojas un lai "pa visu Kurzemi un Vidzemi" būtu "viena paša tauta".⁶¹ Izrādās, ka atsaukšanās uz vācu grāmatām ir tikai veids, kādā Jaunais Stenders mudina zemniekus uz pārvācošanos, kuras dziļāko nepieciešamību viņš meklē ne jau grāmatās un vispār izglītībā un kultūrā, bet gan sociālā plāksnē. Latviešu pārvācošanās Jaunā Stendera izpratnē ir vajadzīga, lai šie paši latvieši kļūtu paklausīgi vācu muižniekiem un kļūtu tā saucamie prātnieki, t.i., nevis izglītoti un kulturāli ļaudis, bet gan tādi, kas samierinās ar pastāvošo iekārtu, klausā kungiem un tic dievam. Prātnieks Jaunā Stendera izpratnē ir cilvēks, kas atsakās⁶² no cīņas par tautas labāku nākotni, resp., ir "miersirdīgs".

60 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 6.lpp.

61 Turpat, 5.lpp.

62 Turpat, 82.lpp.

"Prātnieks - raksta Jaunais Stenders - nekad nesūdzas ne trūkumā ne pašā grūtā likstā. Vīpš no Dieva visu par labu ņem.⁶³ Prātnieks Jaunajam Stenderam nav izglītots, bet gan paklausīgs cilvēks, jo, ja paklausības un disciplīnas nav, "tad visa cita gudrība smejama".⁶⁴ Ar pārvācošanas palī - dzību Jaunais Stenders grib pārvērst latviešu zemniekus par tādiem verdziski padevīgiem un paklausīgiem "prātniekiem". Lūk, ko vīpš šīnī sakarībā raksta: "Ak, k a u ņ u š i s l a i k s d r i z b ū t u n ā k a m a, k a m ņ s u z e m ē v i e n a v a l o d a, v i e n a t a u t a b ū t u, k a s t o p a r s a v u a u g s t ā k u g o d u t u r, p r ā t n i e k i, l a b i u n k l a u s ī g i t a i v a l d ī š a n a i b ū t."⁶⁵ (retinājums mans - A.S.).

Šīnī sakarībā jāatzīmē vēl viens moments. Ja Jaunais Stenders lamā latviešu zemniekus, ja vīpš apgalvo, ka latviešiem raksturīga "kūtrība uz labu un prāta cilašanu un kārūmu novaldīšanu"⁶⁶, tad tas nenozīmē, ka vīpš uzskata latviešus par neizglītotiem un nekulturāliem cilvēkiem. Gluži otrādi. Latviešus vīpš uzskata par nepaklausīgiem, bet nevis neizglītotiem un nekulturāliem. Dzīmtbūšana traucēja latviešu izglītības un kultūras attīstību, taču Jaunais Stenders, šīs dzīmtbūšanas aizstāvis, negrib to atzīt. Vīpš raksta, ka latviešu "kultūra gājusi uz priekšu"⁶⁷, ka Vidzemē tā kā Kurzemē tagad daudz lasītāju⁶⁸, ka "labi zinā-

63 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., '82.lpp.

64 Dziesmu kalendārs uz 1811.gadu visvairāk sievišķām par jauku izlūstēšanu sarakstīts no A.J.Stender.

65 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 130.lpp.

66 Turpat, 129.lpp.

67 Neuverbesserte lettische Kirchen-Agenda. Ein Versuch von A.J.Stender. Jelgava, 1805., 3.lpp.

68 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 125.lpp.

tāji gan visi". 69

19.gs. 60. gados kāds cits mācītājs - Vidzemes generālsuperintendents Valters baltvācu muižnieku kundzības saglabāšanas vārdā prasīja latviešu, igauņu un lībiešu germanizāciju. Padomju vēsturnieks M. Duhanovs šini sakarībā trāpīgi norāda, ka nacionālistiski motīvi šeit kalpoja sociālo problēmu risināšanai.⁷⁰ To pašu varam teikt par Jauno Stenderu, kurš 19.gs. sākumā aicināja latviešu zemniekus uz pārvācošanos, t.i., aicināja latviešu zemniekus atteikties no savas tautības un kļūt par vāciešiem. Viņa pārvācošanās propagandas dziļākā būtība meklējama ne jau nacionālā vai kultūras, bet gan sociālā plāksnē: Jaunais Stenders cerēja, ka pārvācotie zemnieki izbeigs cīņu pret muižniekiem, kuru stāvoklis līdz ar to nostiprināsies. Jaunais Stenders aicināja zemniekus uz pārvācošanos dzimtbūšanas saglabāšanas vārdā, tās pašas dzimtbūšanas, ko apdraudēja zemnieku kustība. Jaunajam Stenderam un daļai vācu muižnieku - kā pareizi norāda latviešu padomju valodniece D.Zemzare - zemnieku nemieru galvenais cēlonis šķita nacionālās pretešķības. Rūpes par šī cēloņa novēršanu, vācu muižnieku kundzības saglabāšanu un bailes no krievu tautas ietekmes 19.gs. pirmajā ceturksnī veicināja domas rašanos par līdzšinējās norobežošanās politikas maiņu un asimilācijas nepieciešamību ar vietējām tautībām.⁷¹

Aicinādams latviešu zemniekus atteikties no savas tautības, Jaunais Stenders centās nostiprināt muižnieku stāvokli. Viņš tāpat runā nevis kā latviešu draugs, bet gan kā ienaidnieks. To pareizi saskatījis vēsturnieks A.Birkerts, kas izceļ divus momentus Jaunā Stendera nostājas motivācijā.

69 Vācu valodas un vārdu grāmata par pirmo iesākšanu tādām latviešiem domāta, kas vācu valodu grib iemācīties. Jelgavā, 1820., 100.lpp.

70 М. Духанов, Енисмарк и Балтийский вопрос в 60 годах XIX в. Latvijas Valsts-universitāte. Zinātniskie raksti, XVI sēj., Rīga, 1957., 188.lpp.

71 D.Zemzare. Latviešu vārdnīcas. Rīga, 1961., 197.lpp.

Jaunais Stenders vēlējās redzēt latviešu tautu pārvācotu: 1. lai nostiprinātu muižniecības privilēģijas⁷² un 2. lai bremsētu buržuāziskās nācības attīstības procesu un atvairītu revolucionārās kustības draudus, vai, kā A. Birkerts saka, demokrātismu, "kas pēc franču revolūcijas spēcīgi sāka ieviesties Eiropā".⁷³

19.gs. 60. gados Vidzemes ģenerālsuperintendents Valters, prasīdams Latvijas vietējo iedzīvotāju germanizāciju, aicināja izveidot ciešus un pastāvīgus sakarus ar Vāciju. Jaunā Stendera rakstos šādu prasību neatrōdam, taču konstatējam ko citu: tendenci orientēties uz Vācijas paraugu. Aicinādams latviešus uz pārvācošanos, Jaunais Stenders paraugu saskata Vācijas apstākļos, pie tam viņš noklusē faktus, kas runā par sliktu vācu feodāliem. Piemēram, Jaunais Stenders aicina latviešu zemniekus mācīties vācu valodu tā, kā to esot darījuši senie prāši, kas pārvācodamies piesavinājušies "vācu gudrības".⁷⁴ Kas tās par "vācu gudrībām", Jaunais Stenders tuvāk nepaskaidro. Tāpat ne vārda viņš nesaka par to, kas bija labi zināms viņa laikabiedriem, tani skaitā vācu filozofam un rakstniekam J.G. Herderam, proti, ka lielāko daļu prāšu iekārotāji iznīcināja. J.G. Herders savā 1791. gadā izdotajā darbā "Cilvēces vēstures filozofijas idejas" raksta: "Cilvēci pārņem šausmas to asiņu priekšā, kas šeit izlietas ilgos, mežonīgos karos".⁷⁵

Jaunais Stenders ienīst latviešu tautu un dievina visu, kas saistās ar tālaika Vāciju. Tas spilgti izjūtams viņa lokalizētajā vācu rakstnieka Zalcmāra didaktiskā stāstā "Pilnīga izstāstīšana, kādā vizē Auzan Ernests no zemnieka par brīvkungu cēlies" un latviešu pārvācošanas nolū-

⁷² A. Birkerts. Latviešu intelligence savās ciņās un gaitās, II sēj. Rīga, 1927., 54. lpp.

⁷³ Turpat, 55. lpp.

⁷⁴ Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 130. lpp.

⁷⁵ J.G. Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, IV daļa, Rīga-Leipcīgā, 1791., 21. lpp.

kā sarakstītajā vācu valodas mācību grāmatā. Jaunais Stenders ir pārliecināts, ka "latviešu tautai savāda kūtība kā iedzimta liekā", turpretī Vācijā visi darbi "šaklāki un ar vairāk spēku top padarīti"⁷⁶. "Vācu zemnieki vairāk un jo sīrnīgāk strādā un caur visādām darbošanām naudu pelnās"⁷⁷ - apgalvo Jaunais Stenders.

Tā kā : lauku skolās vācu valodu nemācīja, Jaunais Stenders dod padomu zemniekiem mācīties pašiem, ieklausoties, kā savā starpā-sarunājās vācieši pilsētās, muižās, baznīcās un krogos.⁷⁸

Jaunā Stendera pārvācošanas propaganda oīta neveiksmi. Viens no iemesliem bija tas, ka pret šo propagandu nostājās tie muižnieki un mācītāji, kuri baidījās atteikties no līdzšinējās norobežošanas politikas. Viņi pārmeta Jaunajam Stenderam, ka tas latviešiem devis padomu, lai "tie nicina un aizmirst savu vienkāršo, spēka pilno... valodu un piegriežas vāciešiem"⁷⁹. Tomēr pret Jauno Stenderu viņi uzstājās ne jau tāpēc, lai veicinātu latviešu tautības pāraugšanu buržuāziskā nācijā. Gluži otrādi - viņi par katru cenu gribēja latviešu tautību iežpaugt zemnieku kārtas Prokrusta gultā. Galvenais iemesls, kāpēc tie uzstājās pret Jauno Stenderu un viņa pārvācošanas propagandu, bija bailes, ka pārvācotie zemnieki var pamest savu zemnieku kārtu. Jaunajam Stenderam viņi pārmeta latviešu samaitāšanu un vēlēšanos atraut darba spēku no "Kurzemei tik nodevīgās zemkopības"⁸⁰. Pārmetums tomēr nav pelnīts. Jaunais

76 Vācu valodas un vārdu grāmata par pirmu iesākšanu tādiem latviešiem domāta, kas vācu valodu grib izmācīties. Jelgava, 1820., 95.lpp.

77 Pilnīga izstāstīšana kādā vizē Auzan Ernests no zemnieka par brīvkungu cēlies, Jelgava, 1807., 331.lpp.

78 Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas etc., 130.lpp.

79 Neue wöchentliche Unterhaltungen grösstenteils über Gegenstände der Literatur und Kunst, 1808, Nr.30.

80 Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Russland. Jelgava, 1806., Nr.2.

Stenders nebūt negribēja zemniecību likvidēt, bet tieši otrādi - saglabāt kā paklausīgu darba spēku. Uz to pamatotī norāda D.Zemzare, atsaukdamās uz Jaunā Stendera vācu valodas mācības grāmatā ievietoto padomu latviešu zemniekiem līdzīgi vācu zemniekiem pārcelties dzīvot sādžās. Jaunais Stenders acimredzot cerēja, ka mācītājs kā tikumu uzraugs sādžas vidū joprojām varēs vadīt zemniekus feodāļiem vēlamā garā.⁸¹

Jaunais Stenders tāpat kā viņa pretinieki acimredzot tiecās uz vienu mērķi - zemnieku pakļaušanu muižniekiem. Jautājums bija tikai par dažādību metodēs. Mums jau pazīstamais K.Lejnieks citā savā darbā - monogrāfijā par Vecā Stendera dzīvi un darbiem - aizrāda, ka Vecā Stendera dzīves pēdējos gados izveidojušās zināmas pretrunas starp tēvu un dēlu jautājumā par alkīmiju, kurai ar sirdi un dvēseli nodevies tēvs. Vecais Stenders labprāt mēdzis runāt par alkīmijas lietām un viņam patīcis, ja klausītājs viņam ticēja un piekrita. Tikai tas viņam nepatīcis, ka viņa vienīgais dēls, ko viņš citādi bija ļoti iemīlojis, izturējās noraidoši pret visu, kas ar šo "mākslu" stāvēja sakarā. Vēl nedaudz dienu pirms nāves viņš itin sarūgtināts pārmeta dēlam neticību šai lietai.⁸² Taču pretrunas starp tēvu un dēlu meklējamas vēl daudz dziļāk - jautājumā par metodēm, ar kurām latviešu zemnieki jāpakļauj muižniekiem. Vecais Stenders bija par to, ka latviešu zemnieki ideoloģiski jāietekmē viņu pašu valodā līdzīgi Jaunā Stendera anonīmajam recenzentam, kas aizrādīja, ka par-Mōzu un praviešiem zemnieki var izlasīt arī savā valodā.⁸³

Galvenais pārvācošanās propagandas neveiksmes cēlonis tomēr jāmeklē latviešu zemnieku nostājā. Šķiru cipa, kas reizēm itkā pieklusa, pēc zināma laika uzliesmoja ar jaunu spēku. Tā saucamā zemnieku brīvlaišana norisinājās saasi-

⁸¹ D.Zemzare.Latviešu vārdnīcas, 198.lpp. -

⁸² Vecais Stenders.Dzīve un darbi.Rīga,1938.,53.lpp.

⁸³ Wbchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Russland. Jelgava, 1806., Nr.2.

nātas šķiru cīņās apstākļos. Jau 1819.gadā sākās plaši nemieri visā Kurzemē. Dažās vietās, piemēram, Lielezerē, zemnieku bija vairāki tūkstoši.⁸⁴ Vidzemes guberņā zemnieku nemieri uzliesmoja 1822.- 1823.gadā. 1822.gadā 4000 zemnieku paziņoja, ka turpmāk viņi nekādas saistības ar muižniekiem neuzņemas, bet nedomā atstāt arī savas mājas. 1831.gadā par zemnieku nemieru centru kļuva Cesvaines muiža. Zemnieki vienprātīgi paziņoja, ka, sākot ar 1832.gada Jurgiem, viņi vairs nepildīs klausas.⁸⁵

Tikai nepārtrauktā un sasprindzinātā šķiru cīņā latviešu zemniecība, latviešu tauta koloniālās apspiestības apstākļos nosargāja savas tiesības pastāvēt. Kaut gan baltvācu muižniecībai un buržuāzijai tuvāk stāvošie turīgākie latvieši dažkārt pārvācojās, latviešu zemniecības vairums, izturēdamies naidīgi pret valdošo šķiru, noraidīja pārvācošanas propagandu. Jau G.Merķelis aizrādīja, ka vienīgās spēcīgākās jūtas, kas mājā latviešu zemniekos, ir ar rūgtu riebumu savienots naidis. Tūkstoš dažādos veidos latvieši to izrāda pret saviem apspiedējiem. "Vācisks" viņu sarunā pašu starpā apzīmē visu, kas ir augstprātīgs, skops, ļauns, vārdu sakot, visu, kas nīstams. "Ak tu vācietel - tā kāda sieva, zemē gulēdama, lamājusi, - kā liecina G.Merķelis - „badīgu govī, kas viņu bija nogāzusi.“⁸⁶ Arī Jaunais Stenders liecina par tiem cēloņiem, kas atturēja latviešu zemniekus no pārvācošanās. Tā vācu valodas mācību grāmatā Jaunais Stenders dod raksturīgu dialogu starp vācieti un latvieti, kur skarts jautājums par to, kāpēc latviešu zemnieki nemācās vācu valodu. Dialogā noskaidrots, ka cēlonis ir "veca naidība pret vāciešiem, kas tos apakš kājas spieduši".⁸⁷

84 Latvijas PSR vēsture. Saīsināts kurss. Rīga, 1967., - 110.lpp.

85 Turpat, 111.lpp.

86 G.Merķel. Die Letten, 33.-34.lpp.

87 Vācu valodas un vārdu grāmata, 80.lpp.

ПРОПАГАНДА ГЕРМАНИЗАЦИИ В РАБОТАХ МОЛОДОГО СТЕНДЕРА

В введении характеризуется реакционная роль немецких лютеранских священников в истории латышского народа.

Своими проповедями и писаниями пасторы стремились привить крестьянам послушание и укрепить их религиозное мировоззрение.

В конце XVIII и в начале XIX в. в Латвии усилился процесс разложения феодальных отношений.

Прибалтийские немецкие помещики, используя поддержку лютеранских пасторов, боролись против антифеодального движения крестьян.

Пастор Александер-Иоганн Стендер /Молодой Стендер/ в начале своей деятельности придерживался взглядов своего отца Готхарда-Фридриха Стендера. Он полагал, что латышских крестьян можно удержать в повиновении, воздействуя на их сознание при помощи светской литературы, которая проповедовала церковное учение и феодальную идеологию.

Для реализации своих взглядов Молодой Стендер в 1790 году в Елгаве издает первую пьесу на латышском языке "Веселье крестьянина, в помещика превращенного" /"Lustesprāle no zemnieka, kas par muižnieku tika pārvērstis"/.

Эта пьеса под названием "Žārc Bertulīa" /"Пьянчуга Бертуль"/ в 1868 г. впервые была поставлена на латышской сцене. При анализе этой пьесы установлено, что Молодой Стендер взял за основу не комедию датского писателя Людвига Холберга "Горный Цеппе", как это обычно отмечают историки литературы, а локализовал немецкую локализацию, изданную

в 1752 г. в сборнике "Датская сцена". При локализации было вычеркнуто все, что хоть в малейшей степени было связано с антиклерикализмом.

В начале XIX века Молодой Стендер меняет свои взгляды. Он приходит к выводу, что нельзя оказать идеологическое воздействие на латышских крестьян с помощью светских изданий. Он теперь возлагает надежды на удержание крестьян в повиновении. Понимая, что насильственным путем этого не добиться, он считает, что латыши сами германизируются, если на них соответствующим образом воздействовать. Одним из способов такого воздействия, учитывая стремление латышских крестьян к образованию, было использование изданных на немецком языке книг.

К германизации латышских крестьян Молодой Стендер призывал во имя сохранения крепостного права.

Проводимая Молодым Стендером пропаганда германизации потерпела неудачу. Большинство крестьян отвергало онемечивание, относилось враждебно к правящему классу и продолжало борьбу с крепостничеством.

НОВОЕ В ПОЛИТИКЕ ПРИБАЛТИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА
ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

Период между поражением первой русской революции и началом первой мировой войны характеризуется в Прибалтике существенными изменениями в политике правящих кругов прибалтийского немецчества. В основе этих изменений лежало стремление расширить политическую и социальную базу своего господства путем перехода от так называемой "политики сословности" / Standespolitik / к политике чисто националистической / Volkstumspolitik /. Наиболее ярким выражением этих изменений было создание так называемых немецких обществ / Vereine / и попытка осуществить немецкую крестьянскую колонизацию / Siedlung / прибалтийских губерний, в особенности Курляндской.

Для лучшего понимания причин этих изменений следует остановиться на вопросе о том, какое значение революционные события 1905-1907 гг. имели для немецкого дворянства и буржуазии в Прибалтике.

Революция для них была в первую очередь большой неожиданностью, вызвавшей настоящий психологический шок. Все немецкие авторы, писавшие о революции в Прибалтике, отдали дань размышлениям о том, каким образом дворянство не заметило назревание революционной грозы.

"Классик" прибалтийско-немецкой дворянской историографии Астаф фон Транзе-Розенек, который даже среди немецких дворян выделялся своей реакционностью, в 1908г. объяснял это "в первую очередь расистским высокомерием по отношению к латышам и эстонцам. Это характерное для немецких господ высокомерие было результатом 700-летнего правления Немецкому господину "ненемцы"¹ каза -

¹ "Ненемцы" / Undeutsche / - обычное в свое время в Прибалтике немецкое обозначение латышей и эстонцев.

лись настолько неполноценными, что не хотелось верить в существование серьезной опасности с их стороны"¹.

Известный рижский немецкий публицист Мензенкампф в своих воспоминаниях, написанных в буржуазной Латвии, отмечал, что немецкие правящие круги в общем упустили из виду развитие латышской буржуазии, появление интеллигенции и распространение марксизма в Прибалтике. "Обо всех этих стремлениях мы знали очень мало. В лучшем случае об этом иногда, мимоходом, поверхностно поговаривали. Казалось, что не было ни малейшего повода к волнению". Мензенкампф объясняет такое неведение тем, что "очень трудно взглянуть в сердце народа, созданного по-иному, увидеть то, что скрыто в его голове"².

Мощный размах революционного движения трудящихся города и деревни показал прибалтийскому дворянству всю шаткость его позиций. Немецкие реакционные газеты и журналы, выходившие в Германии и Прибалтике, а также брошюры и книги, написанные противниками революционного движения, дают - через призму зоологической ненависти - яркое представление о мощном размахе народного движения в Прибалтике. Описывая октябрьские дни 1905 г. в Риге, грандиозные митинги на Гризинькалнсе, собрания в помещении нынешнего латышского Художественного театра, события в Лиепаве, многолюдные народные сходки в волостях и другие события "этого страшного времени", Транзе-Розенек следующим образом характеризует переживания людей его сословия: "Особенно мучительным было чувство бес- сильного гнева и унижения, когда суверенная толпа демон- стрировала на улице со своими красными флагами, распе- вая рабочую "Марсельезу" или другие революционные пес -

¹ Die Lettische Revolution, II, Berlin, 1908, s. 26.

² E. Mensenkampf. Menschen und Schicksale aus dem alten Livland. Tilsit-Leipzig-Riga, 1943, s. 142.

ни"¹. Целый раздел книги Транзе-Розенека "Латышская революция" назван весьма характерно - "Катастрофа". Отношение к революции 1905 г. как к катастрофе для прибалтийской "баронократии" характерно для консервативной немецкой литературы вопроса вплоть до наших дней. "Впервые после продолжительного мирного периода под угрозой были поставлены сами основы господства прибалтийского дворянства", - пишет прибалтийский историк В. Ленц, проживающий ныне в ФРГ².

Помимо фактора политического, на изменение политики немецкого прибалтийского дворянства оказывали влияние и экономические факторы. К началу первой мировой войны немецкая буржуазия все еще безраздельно господствовала в промышленности края: ей принадлежали 46,4% всех капиталов акционерных предприятий и 80% - индивидуальных. Однако в отдельные отрасли промышленности, в домостроительство и кредитную систему проникала и латышская буржуазия. В латвийской деревне ускорился процесс консолидации латышской сельской буржуазии. По многим хозяйственным показателям /сфера торговой деятельности, урожайность, продуктивность молочного животноводства и др./ кооперативы латышской буржуазии и дворохозяева в целом опережали помещичьи хозяйства³. Для немецкого дворянства края это были тревожные симптомы. К тому же латышская буржуазия рвалась к местному самоуправлению. В ряде городских дум малых городов Латвии в ходе выборов представители латышской буржуазии одержали верх.

¹ Die Lettische Revolution, II, S. 280.

² В. Ленц. Die Revolution des Jahres 1905 in Liv-, Est- und Kurland. - Jahrbuch des baltischen Deutschland. Hamburg, 1955, S. 66.

³ К. М. Петесин. Об иностранном капитале в обрабатывающей промышленности Латышского края. - Известия АН Латв. ССР, 1964, № 1, стр. 14.

⁴ Очерки экономической истории Латвии: Рига, 1968, стр. 165, 171, 189.

Все эти факторы, вместе взятые, явились причиной того, что после начала революции проблема прошлого, настоящего и будущего прибалтийского немецчества стала одной из самых популярных тем немецкой печати в Германии¹ и Прибалтике.

Выходившие в Германии газеты и журналы периода революции содержат интересные признания и размышления по этому поводу. Кенигсбергская "Ostpreussische Zeitung" писала весной 1905 г., что "все слабости и преимущества прибалтийских немцев коренятся в их аристократическом положении - они все же офицеры без солдат"². Один из руководителей архиреакционного пангерманского союза Гейзер также отмечал, что "немцы составляют, к сожалению, тонкую верхушечную прослойку", так как в Прибалтике "не хватает немецкого крестьянина". Отсутствие немецких крестьян "было и остается одним из самых уязвимых мест прибалтийского немецчества", ибо только "с помощью немецкого крестьянина была бы возможна биологическая германизация края". Гейзер считал германизацию латышей и эстонцев нежелательной "с расово-политической точки зрения"³. Тут видны зачатки будущей фашистской трактовки этого вопроса.

Жалобы на то, что отсутствие крестьянской колонизации не позволило онемечить Прибалтику так, как были онемечены полабские и прусские земли, стали лейтмотивом многих статей реакционных газет и журналов. Другие авторы, сожалея об отсутствии крестьянской колонизации в средние века, считали, что были упущены также "большие возможности германизации в XIX веке". То, что "в это время в народных школах сохранен латышский и эстонский

¹ H. Comberg. Die Lettische Revolution von 1905/06 im Spiegel der reichsdeutschen Presse und Publizistik. Berlin, 1940.

² Ostpreussische Zeitung, 16 IX. 1905.

H. Comberg,

S. 41.

³ Akademische Blätter, I, III 1906, N 23; 16 III 1906, N 24
H. Comberg, S. 49.

языки обучения, было политической ошибкой"¹. Переходя к настоящему, правая печать призывала всеми силами бороться против уравнивания политических прав латышей, эстонцев и немцев, Соглашение с "ненемцами" на демократических основах "означало бы крах немецчества"².

Крайне правые идеологи и публицисты не видели вообще в "латышском лагере" таких сил, с которыми можно было найти общий язык. Известно, что в апреле 1905 г. состоялось тайное совещание представителей немецкого дворянства Латвии /Серафим, Тобин, Штрандман, Ставенхаген и др./ и латышской буржуазии /Чакоте, Красткаля, Берг, Залите, Ирбе/. Совещание окончилось безрезультатно, так как прибалтийские дворяне не желали уступить ни вершка своей власти и привилегий, даже в таких вопросах, как патронат и местное самоуправление. Транзе-Ровенек подробно разбирает различные латышские политические течения и позиции отдельных общественных деятелей. Характерно, что он отвергает возможность установления взаимопонимания даже с такими людьми, как Фридрих Вейнберг /"Черный Фриц"/, который впоследствии деятельно поддерживал немецких оккупантов в 1918 г., как Андриев Ниедра, который был оставленником немецкой реакции в 1919 г., и Арвид Берг - будущий реакционный министр внутренних дел в буржуазной Латвии. Транзе критикует прибалтийско-немец-

¹ Das Deutschtum im Auslande, VIII, 1906; цит. по Н. Самберг, указ. соч., с. 49.

² Kreuzzeitung, 21, IV 1906.- цит. по Н. Самберг, указ. соч., с. 65.

³ Die Lettische Revolution, II, с. 324.

⁴ Там же, с. 327.

⁵ Там же, с. 327.

ких либералов за попытки установить единый фронт с названными латышскими контрреволюционными деятелями. Такова была позиция этого "дикого помещика".

Должны были пройти почти два десятилетия для того, чтобы такой крупный консервативный историк, как А. Тобин¹, причислил Ниедре, Вейнберга и Берга к упущенным в 1905 г. "естественным союзникам". Разница между позициями Транзе и Тобина в значительной мере объясняется историческим опытом последнего — 1917—1920 гг. и последующий период восхитили Тобина и его класс в контрреволюционности латышской буржуазии, в возможности найти с ней общий язык в борьбе против революции.

Пока что же, в 1905 г. и в последующие годы, правая немецкая печать твердила о том, что "эстонцев и латышей надо видеть такими, какие они есть, — врагами, в борьбе с которыми надо сплотить свои ряды"². Речь шла, конечно, о сплочении рядов правящей верхушки дворянства и крупной немецкой буржуазии. Однако, хорошо понимая, что это лишь капля в море и что сплочение одних верхов не решает вопроса, реакционная печать пытается представить дело так, будто опасность угрожает всему без исключения немецкому населению Прибалтики. Орган правых студентов вопил о том, что всем "прибалтийским немцам грозит смертельная опасность", ненемецкое население ненавидит всех немцев Прибалтики "только потому, что они немцы и не скрывают этого", "национальная вражда против немцев доведена до дикой, зверской жадности убийства"³. Реакционная германская печать поддерживала наиболее черносотенные группировки в России, предавая анафеме даже деятелей октябристского

¹ A. v. Tobien. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältniss zum Zarismus und russischer Nationalismus, II. Berlin, 1930, S. 174—180.

² Kreuzzeitung, 21 VI 1906. / Цит. по Н. Comberg, указ. соч., S. 65.

³ Akademische Blätter 1 III 1906. Цит. по указ. соч., Н. Comberg, S. 63.

и кадетского направления.

Либеральная немецкая печать приветствовала возможное преобразование России в конституционную монархию и поддерживала позицию кадетов. Однако в одном взгляды реакционных и либеральных публицистов были близкими и даже /если отвлечься от нюансов/ совпадали - это проблема революционного движения в Прибалтике. Даже такой реакционный автор, как Комберг, поддерживает мысль о том, что в вопросе так называемой "латышской революции" германские либералы "оказались в нетях".

Против развернувшейся на страницах правой и либерально-буржуазной прессы контрреволюционной кампании выступила социал-демократическая печать Германии. "Vorwärts", "Neue Zeit", "Leipziger Volkszeitung" и другие социал-демократические газеты и журналы помещали статьи латышских и эстонских социалистов, показывали истинное лицо реакционного прибалтийского дворянства, разоблачали зверства карательных экспедиций. Социал-демократическая партия Германии провела кампанию по сбору средств на русскую революцию. По соглашению с представителями различных российских социал-демократических организаций немецкие товарищи передали почти одну шестую часть собранных денег латышским социал-демократам¹.

Вопросы выбора тактики и отношение к различным политическим силам горячо обсуждались также на страницах местной, прибалтийской немецкой печати. Следует сказать, что в силу классовой структуры прибалтийского немецчества в его печати заметно превалировало реакционное направление. Характерным для этого направления были статьи отпрыска известной династии реакционных балтийских журналистов Э.Серафима, который откровенно писал, что бессмысленны любые попытки найти общий язык с представителями

¹ В. Kraschmann, Die russischen Sozialdemokraten in Berlin 1895-1914. Berlin, 1962, s. 55.

местных наций - латышами и эстонцами, что не компромисс, а беспощадная борьба против них должна стать лозунгом немцев¹. На страницах этих газет можно было также найти утверждение, что господство немцев в Прибалтике - явление столь же законное, как и их высокомерное отношение к другим национальностям, поскольку на их стороне - богатство и культура, в то время, как их противники из числа латышей - малообразованные выскочки². Латышская буржуазная газета "Latvijs", процитировав это заявление, предложила привлечь редактора "Rigasche Zeitung" к суду "за грубость"³.

Правящие круги прибалтийского немецчества, пытаясь подчинить своему влиянию трудящихся немцев Прибалтики, также утверждали, что революция угрожает всем немцам без разбора, независимо от их классовой принадлежности. Эта печать не только апеллировала к шовинистическим инстинктам немецкой мелкой буржуазии, но и вспоминала о так называемых "малонемцах" / Kleindeutsche /. Этим типично "остзейским" выражением назывались немецкие трудящиеся, которые испытывали в полной мере социальный гнет и словесное высокомерие немецких баронов и крупной буржуазии и тяготели к своим латышским и эстонским собратьям по классу. Мензенкампф жалует на то, что "сословная изоляция" верхушки прибалтийского дворянства от неимущих слоев немецчества приводила к сближению последних с "социально однородной инонациональной средой и вызывало растущую ассимиляцию"⁴ "малонемцев"⁵. Реакционная печать

¹ Rigascher Tageblatt 19 XI/2 XII 1911, N 234.

² Rigasche Zeitung, 1910, N 233.

³ "Latvijs" 1910. g. II/24/oktobris, N 234.

⁴ Мензенкампф употребляет выражение "Entdeutschung"

⁵ /буквально - "разнемецивание"/.

S. Menzenkampff. указ. соч., S. 139.

стремилась теперь к "возвращению "малонемцев" в лоно немечества", другими словами - стремилось натравить их на их латышских и эстонских собратьев по классу.

Нельзя все же пройти мимо отдельных проявлений либеральных взглядов в кругах прибалтийско-немецкой буржуазной интеллигенции. В течение первых четырех послереволюционных лет в Риге выходила либеральная немецкая газета "Rigasche Neueste Nachrichten". Либеральные высказывания можно найти также на страницах "Rigasche Rundschau". Немецкие либералы в Прибалтике пытались убедить дворян и предпринимателей в необходимости отказа хотя бы от некоторых привилегий. Целью либералов было преодоление розни между имущими классами различных национальностей Прибалтики, установление общего фронта против революционного движения масс, совместный отпор русификаторской политике царизма. С либеральных или полулиберальных позиций выступали публицисты О. Гросберг и П. Шиман. В таком духе в Государственной думе выступал барон А. Мейендорф¹. Однако либерализм не пустил корней и не приобрел заметного влияния в правящих кругах прибалтийского немечества, и его более или менее серьезные проявления встречали яростный отпор со стороны правых. Характерным примером этого является нашумевшая в свое время дискуссия Агте - Тобиана.

Молодой балтийский ученый Адольф Агте напечатал в Германии статью "Происхождение и положение сельских рабочих в Лифляндии"², в которой "осмелился" подвергнуть критике столь прославляемые балтийской баронократией "идеальные аграрные отношения" в Прибалтике. Работа Агте несомненно являлась подтверждением тяжелого положения

¹ Россия. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. СПб. 1910, сессия IV, ч. I, столбец 474.

² A. Agthe. Uebertragung und Lage der Landerarbeiter in Livland. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, XXIX. Ergänzungsheft, Tübingen, 1909.

безземельных в Лифляндии, другими словами, подкрепляла позиции тех отдельных латышских и русских правых деятелей, которые считали, что для ослабления революционного движения в Прибалтике необходимы не одни лишь репрессии, но также известные уступки со стороны немецкого дворянства. На Агте обрушился ряд местных изданий. "Научный" ответ ему был напечатан в том же журнале известным деятелем и историкографом прибалтийского дворянства А. фон Тобином¹. Тобин вновь утверждал, что "аграрные отношения и положение крестьян не оставляют желать ничего лучшего", что никаких изменений и реформ не требуется. Агте аргументированно ответил Тобину², и, в общем, не оставил камня на камне от его возражений². Закрывая дискуссию по этому вопросу, редактор журнала, известный германский ученый К. Бюхер в "Последнем слове к аграрному вопросу в Лифляндии" резко осудил нечестные и нетерпимые приемы дискуссии, характерные, по его словам, для правящей немецкой верхушки прибалтийского края. За этой дискуссией внимательно следила вся многонациональная общественность Прибалтики, она подробно обсуждалась еще спустя полтора десятилетия³. Неудивительно, что в условиях сплоченного натиска консервативных сил и в результате собственной нерешительности либеральные круги понемногу сложили оружие. Прекращая издание "Rigische Neueste Nachrichten" ее редактор отмечал, что в условиях Прибалтики нет почвы для немецкого либерализма⁴.

В период после поражения первой русской революции

¹ A. v. Tobien. Ursprung und Zage der Landarbeiter in Livland Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 66, Jahrgang, 1910, N. 1.

² A. Agthe. Zur Kritik des Herrn Tobien über "Ursprung und Zage der Landarbeiter in Livland". - Ibidem, N. 2.

³ M. Walter. Baltengedanken und Baltenpolitik. Paris, 1926, S. 219-220.

⁴ Rigische Neueste Nachrichten, 12/25 I 1912, N. 9.

и до начала первой мировой войны "политическая мудрость" прибалтийского немецкого дворянства и буржуазии, как уже выше было сказано, выражалась в проектах колонизации и стремлении сплотить все слои немецчества под знаменем национализма.

х х

х

Мероприятия остзейских баронов по "замене латышско-эстонского сословия, этого влосчастливого основания нашего прибалтийского здания, немецкими колонистами"^I ши-роко освещены в весьма значительном количестве публикаций, вышедших в последующие десятилетия. Их большое число отнюдь не объясняется лишь обычным интересом к историческому прошлому. Эти воспоминания имели обычно весьма актуальный характер. Дело в том, что колонизационные планы мантейфелей, бредрихов и штакельбергов после первой русской революции были далеко не последними. Новые попытки в различное время предпринимались кайзеровскими оккупантами, интервентами под руководством фон дер Гольца и гитлеровскими захватчиками. Каждая такая попытка соответствующим образом "обосновывалась" не только экономическими и демографическими выкладками, но и историческими "изысканиями", в которых вновь и вновь рассматривались проблемы первой попытки. За последние два десятилетия эти вопросы неоднократно затрагивались в ряде работ, вышедших в Западной Германии.

Для публикации реакционных и консервативных авторов характерно сожаление по поводу того, что, во-первых, прибалтийское дворянство слишком поздно взялось за дело немецкой крестьянской колонизации и, во-вторых, что пер-

^I K. Manteuffel, -Katzdangen, Meine Siedlungsarbeit in Kurland. Leipzig, 1941, 3. 13.

разрешить "латышский вопрос", добиваясь германизации латышской¹. Спустя много лет он подчеркивает, что эта тактика была ошибочной, и пишет, что понял это сразу же после первых раскатов грома революции 1905 года, когда большинство казвангских крестьян приняло участие в революционном движении. Мантейфель признает, что в 1906 году губернский предводитель дворянства советовал баронам не принимать участие в карательных экспедициях, подчеркивая, "что нам придется еще в течение столетий жить вместе с латышами", что "мы не должны расширять пропасть между нами и ими, принимая участие в карательных мероприятиях". Мантейфель считает правильным, что не внял этим предупреждениям и совместно с другими помещиками принял участие в "восстановлении порядка", вызвавшем такое усиление социальных и национальных противоречий, что "примирение и сотрудничество, по крайней мере для нашего поколения, стали невозможными... Каждого латыша мы отныне должны были рассматривать как врага"². В этих условиях некоторая "малодушная" часть дворян эмигрировала в Германию. Остальные, однако, "остались на посту", продолжали борьбу, "осознав единственную в своем роде богом поставленную балтийскому немечеству задачу" - не только выстоять и "продолжая борьбу наших отцов на порученной нам богом прибалтийской позиции", но также "укреплять и расширять" эту позицию.

Решение этой задачи облегчалось тем обстоятельством, что после революции царское правительство изменило к лучшему свое отношение к "верному престолу" остзейскому немечеству. Была смягчена политика русификации, вновь разрешалось создавать немецкие школы. После манифеста 17 октября 1905 года стала возможна организация немецких обществ. Мантейфель одновременно подчеркивает, что наряду со всем этим было ясно, что "малейшая либерали-

¹ Die Lottische Revolution, II, S. 3.

² Там же, 3. II.

защитя государственного строя России та.т в себе большую опасность - из рук сурового, однако, исторически нам во всяком случае знакомого и поддавшегося личному влиянию деспотизма мы могли попасть во власть нашего смертельного врага - беспощадного латышского национализма, от которого нас не смогли бы спасти ни цари, ни их министры"¹

В изложении истории немецких обществ Мантейфель ограничивается высокпарными общими фразами. /Ряд других авторов приводит более конкретные данные о создании и развитии немецких ферейнов /обществ/² Мантейфель пытается главным образом убедить читателя 30-х годов в том, что ферейны были выражением перехода от "политики сословности к политике народной" /вернее - националистической.- П.К./ . Такой переход обосновывался тем, что "оборона требовала напряжения всех сил и все более заставляла дворянство, не ограничиваясь защитой своих интересов, защищать общенемецкое дело"³. Особой заслугой ферейнов Мантейфель считает "преодоление противоречия между условиями дворян и так наз. "литераторов" /буржуазной интеллигенций/. Он считает, что в ферейнах это противоречие было "полностью ликвидировано", что они "охватывали все классы общества". Мантейфель умалчивает о постепенном сокращении членов ферейнов.

Консервативный прибалтийско-немецкий историк Р.Виттрам приводит в своей вышедшей в 1954 году в ФРГ "Истории Прибалтики" иные сведения⁴. Он считает, что именно "со -

¹ Die Lettische Revolution, S.14.

² A.Paucker. Der Verein der Deutschen in Kurland. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums. Riga, 1931; E.F.Lommer. Einigungsbestrebungen der Deutschen im Vorkriegsrußland. Leipzig, 1940.

³ K.Manteuffel-Katadangen, указ.соч., S.16.

⁴ R.Wittram. Baltische Geschichte. München, 1954, S.86.

словные противоречия дворян и "литераторов" мешали делу социальной обороны" /так Виттрам называет деятельность ферейнов/. Те же сословия руководили ферейнами. Широкие круги немецкого населения вначале дали себя увлечь лозунгами ферейнов, но впоследствии стали от них отходить. По данным Виттрама, в 1908 году "Немецкий ферейн в Лифляндии" объединял 24 тысячи членов /из них более половины в Риге/, "Немецкий ферейн в Эстляндии" - 5270 и "Ферейн немцев в Курляндии" - 7787 членов, всего около 37 200 членов, что составляло примерно 23% немецких жителей края. К 1914 году количество членов ферейнов сократилось до 28 тыс., что Виттрам объясняет "характерными для того времени материалистическими и индивидуалистическими мотивами", Виттрам считает, что переориентация на "национально активную политику" удалась только частично, так как во всей структуре и системе прибалтийского немецчества продолжало доминировать дворянство.

В свое время о сущности деятельности ферейнов писали и латышские революционные социал-демократы. П. Стучка, рассматривая национальные отношения в крае после первой революции, обращал внимание передового читателя на классовый состав немецких ферейнов. В 1906 году в составе Рижского отделения ферейна помещиков было 3,8%, литераторов-журналистов - 23,5%, торговцев - 39,6%, ремесленников - 30,9% и рабочих - только 2%. "Гильдейские купцы, цеховые мастера во главе со своими литераторами и немецким феодальным дворянством - вот состав нового немецкого национализма", - заключал П. Стучка¹.

Та часть работы Мантейфеля, которая посвящена проблемам колонизации, дает довольно полное представление о характере этого мероприятия и о том, как оно через четверть века трактовалось автором, к тому времени уже гитлеровцем. Мантейфель начинает с того, что, несмотря на

¹ Atvaseņ, I. Peterburga, 1907, 55. lpp.

известные успехи, достигнутые немецкими ферейнами, "мы в целом все же оставались офицерами без солдат". "Я в качестве председателя немецкого ферейна чувствовал себя как комендант осажденной крепости, который из-за малочисленности гарнизона теряет одно укрепление за другим"¹. В этих условиях колонизация должна была спасти положение и "продолжить незавершенное орденское дело" крестьянской колонизации.

Мантейфель всячески расхваливает "безгорыстие" и "идеализм" дворян, ставших поборниками колонизации. Дело в том, что привлеченные в Прибалтику немецкие переселенцы с Волыни были весьма отсталыми. Мантейфель описывает свою поездку на Волынь, "потрясающее впечатление", которое на него произвело "полуразвалившееся, плохо отапливаемое здание немецкой школы", "неотесанный учитель, который вряд ли знал что-либо больше чтения и письма", "бедно одетые, голодные ученики", "убогие и зачастую болезненные мужчины и женщины", обравшиеся выслушать его предложение переселиться в Курляндию². Он описывает далее прибытие в апреле 1906 года первой партии колонистов: "бледные, слабые мужчины, болезненные женщины, бедно одетые дети", из которых многие болели трахомой. Первые поселенцы "ни в малейшей мере не соответствовали требованиям, предъявляемым к среднему работнику", и часто "казалось безнадежным сделать из них настоящих батраков". Даже старшие немецкие чиновники имений Мантейфеля "умоляли его прекратить этот безнадежный эксперимент"³.

Мантейфель гордится тем, что, несмотря на такое удручающее начало, он не опустил рук, не предался отчаянию и, твердо уверовав в то, что "высшая немецкая раса еще проявит себя", настойчиво продолжал дело колонизации. 0

¹ K. Mantouffel-Katzdangen, указ. соч. с. 18.

² Там же, с. 22.

³ Там же, с. 26.

помощью немецких пасторов, приветствовавших увеличение немецкой общины, апеллируя к националистическим чувствам колонистов, всячески подчеркивая в обращении с ними, что они "вправе себя причислять к прослойке немецких господ", Мантейфель /с известным успехом/ постепенно превращал их в "соратников по борьбе"¹.

В ближайшие годы первые колонисты были выдвинуты на различные должности и руководящие посты в имениях Мантейфеля. С Волни продолжали прибывать новые переселенцы. Мантейфель последовательно старался распространить колонизацию на всю губернию. В 1914 году в Курляндии проживало около 16 000 колонистов. Правда, другие источники дают иные сведения о количестве немецких колонистов. Реакционная газета "Новое время", пугая читателей "германским нашествием", писала о 18 тысячах колонистов в двух уездах Курляндской губернии. Тогдашний губернатор Курляндии князь, оспаривая данные "Нового времени", сообщал о прибытии 949 семей, указывая на общую численность переселенцев - 4 756 человек². Барон Фелькерзам о трибуны Государственной думы заверял, что на 1 января 1914 года в Курляндской губернии было немногим более 6 тысяч немецких колонистов³. Как Фелькерзам, так и Князьев были в то время заинтересованы в преуменьшении размеров немецкой колонизации. Данные Мантейфеля, очевидно, являются наиболее точными.

Замена латышских слугащих, арендаторов и батраков требовала определенных "моральных жертв". Мантейфель объясняет, что для "создания законченного... поселения необходимо было уволить всех латышей, в том числе старых ла-

¹ К. Mansteuffel-Katzdangen, указ. соч., з. 28.

² Партархив ЦК КПЛ, ф. 35, оп. 10, д. 26, л. 8.

³ Г. Г. Фелькерзам, Политическая исповедь балтийского немца. Венден, 1914, стр. 4-5.

тышских чиновников всех колонизируемых земель... так как каждый остававшийся латыш вольно или невольно должен был действовать как противник, как разлагающий элемент"¹. Он подчеркивает, что многие латышские служащие были практически незаменимыми, имели большой стаж работы; были преданными, хорошими работниками. Несмотря на это, "частное приносилось в жертву целому", — эти люди увольнялись, так как, по словам автора, "хороший садовник должен обладать острым ножом и неумолимым сердцем". Мантейфель иронизирует над теми помещиками, которые, одобряя колонизацию, все же не решались бесповоротно расстаться со старыми латышскими работниками². Он формулировал свой подход четко: "сознательно порвать отношения с латышским народом в целом и с каждым латышом в отдельности"³. Сам Мантейфель сумел за несколько лет заменить во всех своих 12 имениях все коренное население немцами, разделив при этом некоторые имения и продавая отдельные хозяйства колонистам. К 1914 году в его имениях проживало 4 тысячи колонистов. Мантейфель пишет, что "проехав из замка Кавданга в любом направлении три-четыре мили, всюду можно было слышать немецкую речь"⁴. Особое удовлетворение вызывало у него то обстоятельство, что в результате "недостаточного образования" волынские учителя после переезда в Курляндию не перенимали "разлагающее умонастроение латышских учителей"⁵ что "колонисты не проявляли в отношениях с помещиком такой сплоченности, как латыши"⁶.

Оценивая через четверть века после начала первой мировой войны, положившей конец деятельности Мантейфеля,

¹ K. Mantschfel-Katzdangen, указ. соч. S. 59.

² Там же.

³ Там же, S. 59.

⁴ Там же, S. 42.

⁵ Там же, S. 47.

⁶ Там же, S. 22.

Зиверса, Штакельберга, Бредриха, Гана, Шредера и других поборников колонизации, ее результаты, Мантейфель отмечает, что колонизация была "немецкой контратакой, ответом на латышское восстание 1905 года"¹. Колонистов в целом удалось воспитать в том шовинистическом духе, который отличал, по словам Мантейфеля, "окраинного немца" / Grenzlanddeutschen / от многих жителей Германии². Мантейфель считает, что контингент курляндских поселенцев обусловил успехи ландесвера в 1919 году. С другой стороны, Мантейфель намекает на недостаточную поддержку дворянства, на успех антиколонизационной кампании латышской и русской печати, на тщетные надежды на поддержку русского самодержавия. Главный вывод Мантейфеля: "по-видимому, было уже слишком поздно или вообще невозможно лишь одними собственными силами изменить национальный состав населения, создать ранее отсутствовавшее немецкое крестьянское сословие, подкрепить весьма серьезно пошатнувшуюся прибалтийско-немецкую башню". Остзейская проблема, — пишет гитлеровец Мантейфель накануне фашистского нападения на Советский Союз, — могла быть разрешена только извне. Она является одной из важнейших восточных проблем, является целью немецких восточных устремлений" /deutscher Ostwillen/³

В годы первой мировой войны и оккупации Курляндии кайзеровскими войсками активным пропагандистом колонизации выступал единомышленник Мантейфеля Бредрих. Новая попытка колонизации в 1919 году снова связывается с именем Мантейфеля — руководителя солдатского колонизационного отдела бермондтской армии.

¹ К. Mantouffel-Katzdangen, указ. соч., с. 59.

² Там же, с. 56.

³ Там же, с. 61.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, официальные правительственные круги России взирали на поворот в политике прибалтийского дворянства недоброжелательно. Печатный орган русских шовинистов "Окраины России", правда, отнюдь не собирался приравнять прибалтийское немецество к "прочим инородцам" и прямо отмечал, что "...немцы Прибалтийского края, из среды которых Россия получила столько доблестных слуг престола... могут иметь некоторые преимущественные права"¹. Тем не менее в циркулярах официальный шовинизм усмотрел "цели пангерманистские", задачи "усиления лютаранизма и немецества во всей Российской империи"², о чем он никак не хотел мириться.

Правительственные чиновники с тревогой сообщали в своих донесениях департаменту полиции о ходе немецкой колонизации: "Благодаря попустительству властей прибрежная часть Курляндии от Либавы до Виндавы значительно заселена немецкими колонистами. Главными агентами заселения губернии немцами являются предводитель дворянства барон Мантейфель и бывший начальник Гольдингенского уезда Бредрих"³. В другом документе подчеркивалось, что вся местная администрация находится в руках немцев и поэтому столь успешно протекает колонизация губернии немцами, в то время как переселение православных крестьян получает сопротивление"⁴. Царские чиновники усматривали в немецкой колонизации Прибалтики потенциальную опасность в случае войны с Германией. Судьба латышских крестьян их при этом не интересовала.

Какой была реакция различных классов местного общества на усиление прибалтийско-немецкого национализма?

Реакционное местное русское чиновничество оценило

¹ Окраины России, 7 июня 1908 г. № 23.

² Окраины России, 11 октября 1908 г. № 41.

³ ЦГИАМ, ф. ПОО, ед. хр. 20 ч. 37 п. А, 1913.

⁴ Цартажив ЦК КПС, ф. 35, оп. 10, д. 26, л. 22.

ферейны и немецкую колонизацию края так же, как официальные правительственные круги, Шовинистическое общество "Русская беседа" в 1910 году даже приняло специальную резолюцию о признании вредной деятельности немецкого ферейна в Прибалтийском крае с точки зрения русских национальных и государственных интересов¹.

Латышская буржуазия не без основания увидела в ферейнах и немецкой колонизации большую опасность для себя, и ее ответом было усиление антинемецкой агитации. Особенно рьяно в этом направлении выступала мелкобуржуазная газета "Jaunā Dienavāra", печатавшая крайне тенденциозные статьи. Неоднократно на страницах этой газеты повторялась мысль, что с немцами у латышей ни при каких условиях не может быть никаких соглашений². "Jaunā Dienavāra" обвиняла прибалтийско-немецких дворян в сепаратизме и приверженности к гевтонскому "дранг нах остен"³. Боясь быть вытесненной со своих позиций, латышская буржуазия призывала активно бороться против ферейнов⁴.

Немецкая колонизация в Курляндской губернии более всего взволновала газету "Latvija", которая в те годы в большей степени, нежели другие латышские буржуазные органы печати, отражала интересы латышской сельской буржуазии. Для позиции газеты "Latvija" и стоявших за ней кругов латышской буржуазии характерны два момента. Во-первых, "Latvija" призывала латышских крестьян противостать колонизации, не сдавать своих позиций в сельском хозяйстве, укреплять экономическую роль латышской буржуазии и т.п.⁵ Во-вторых, латышская буржуазия рас-

¹ Рижский Вестник, 25 I 1911, № 19.

² Jaunā Dienavāra, 17/30, I 1909 г. № 13, 12/25, I 1911 г. № 13.

³ Там же, 17/30, I 1909 г. № 13, 16/29, III 1909 г. № 61.

⁴ Там же, 29, II/13, III/1912 г. № 49.

⁵ "Latvija", 1911 г. 26, V/8, VI, № 118.; 1913 г. 10 /23/, V, № 106.

считывала на помощь царского правительства. "Latvija" прямо обращалась к верхам о призывом ограничить отремления немецких помещиков окружать себя соотечественниками, намекая на опасность в случае войны с Германией¹.

Таким образом, латышская буржуазия отвечала на усиление немецкого национализма усилением латышского буржуазного национализма, что способствовало обострению национальной вражды. Чрезвычайно ярко это проявилось в ходе заседаний IV Государственной думы в мае 1914 года. Между депутатом Риги кадетом князем Мансыревым /его активно поддержали депутаты латышской буржуазии Я.Голдманио и Я.Залитис/ и бароном Фелькерзамом разгорелась ожесточенная полемика о прибалтийских делах, в частности о немецкой колонизации. Столкнулись два национализма. Шовинистический характер всех выступлений Мансырева как нельзя больше пришелся по вкусу латышской буржуазии.

Весьма характерно отношение, которое как к развернувшейся в Думе полемике, так и к проблеме в целом проявила Социал-демократия Латышского края. Легальная рабочая газета оценила выступления обеих сторон с классовых пролетарских позиций. Орган пролетариата Латвии дал отпор прибалтийско-немецкому шовинизму барона Фелькерзама. Последний решительно утверждал, что 1905 год в Латвии носил характер борьбы латышей против немцев, что "латышская волна грозила "смыть все немцев в Прибалтийском крае..."². Рабочая газета отмечала по этому поводу, что во всех случаях, где в речи барона Фелькерзама фигурирует слово "немец", следует проставлять слово "помещик". Революция в Латвии ни в малейшей степени не была направлена против немцев, как национальности, против немецкой культуры, а только против власти и привилегий немец-

¹ "Latvija", 1912, г. 23, в /5. VI/, стр. 116.

² Г.Г.Фелькерзам, указ. соч., стр. 13.

ких дворян¹. Попутно рабочая печать отметала и попытку О. Нонакса в "Latvija" проглотить в связи с выступлением Фелькерзама в Думе националистический тезис о том, что 1905 год в Латвии и впрямь был проявлением внутренних национальных столкновений и в нем не было ничего антигосударственного².

Легальная рабочая газета признавала, что в выступлениях князя Мансырева содержится немало правильных объективных данных о положении дел в Прибалтике, но отмечала при этом, что кадет Мансырев сам не опособен сделать из них правильного вывода. В его речах упор делался на то, что немецкая колонизация в Прибалтике — проявление пресловутого сепаратизма. Рабочая печать, умело используя материалы речей Фелькерзама и Мансырева, показывала, что существенная цель немецкой колонизации — ликвидация корней революции в Латвии³. Г. Фелькерзам и сам заявил с трибуны Государственной думы, что в результате "тяжелых поучительных событий прошлого" немецкие помещики пожелали окружить себя лояльным, "надежным в политическом отношении элементом"⁴.

Вместе с тем рабочая газета не только не согласилась с антинемецким характером выступлений Мансырева, но в специальной статье "Либеральный национализм" резко его осудила. "Jaunā Balss" отмечала, что в речах Мансырева тенденциозно стлушаются краски вокруг ферейнов и колонизации, в них много демагогических выпадов и инсинуаций против немцев, как национальной группы. Рабочая газета считала подобный шовинизм недопустимым в идеологической борьбе. "Jaunā Balss" писала: "...нам ненавис-

¹ Jaunā Balss, 1914. g. 3. VI, Nr. 41.

² Jaunā Balss, 1914. g. 6. VI, Nr. 44.

³ Jaunā Balss, 1914. g. 3. VI, Nr. 41.

⁴ Г. Г. Фелькерзам, указ. соч., стр. 7, 9.

теи всякий... национализм... Мы защищаем право каждой нации на самоопределение", - и разъясняла далее, что речь идет как о праве нации определить свою политическую судьбу, так и о праве создавать общества, культурные объединения и т.п.¹.

Чрезвычайно интересна постановка вопроса о немецкой колонизации в Прибалтике в статье Ф.Розиня, напечатанной в легальной рабочей газете в феврале 1913 года. Идеологи и политики буржуазии различных лагерей и оттенков судили и рядили о немецкой колонизации в Прибалтике, не выходя из сферы весьма поверхностно и своекорыстно понимаемых ими национальных отношений. Латышский марксист прежде всего обратился к экономической стороне процесса колонизации, который заключался в наделении сельскохозяйственных рабочих участком земли ради закрепления их за именем. В этом смысле в идее колонизации не было ничего нового, она использовалась и ранее в Англии, Франции, Дании. Новое заключалось в том, что рабочие не были местными, а со специальной целью импортировались издалека, что, впрочем, как отмечал Ф.Розинь, проделывали и сами латышские дворохозяева с литовскими и латгальскими батраками. Пролетарии всех стран отрицательно относятся к идее искусственного насаждения мелкой собственности, потому не одобряют и ее конкретного воплощения в Латвии.

Обнажая экономическую, классовую сущность процесса немецкой колонизации, Ф.Розинь несколько не уходит от щекотливого вопроса - как же относиться латышским крестьянам и батракам к немецким колонистам, привезенным в Латвию в основном с целью наказать сельскохозяйственный пролетариат Латвии за его активную революционную борьбу в 1905 году, запугать и сделать уступчивее? Ответ, данный Ф.Розинем, а всего лице - всей Социал-демократией Латвийского края, был прямым и четким. Опыт всей истории

¹ Jautā Balva, 1914.g. 4. VI, Nr. 42.

рабочего движения учит, какое зло приносит предвзятое, нетоварищеское отношение коренных рабочих к приезжим. Напоминая об этом, Ф. Розинь показал, какой тактики следует придерживаться латышским сельскохозяйственным рабочим в отношении немецких колонистов. Никакая вражда к ним не должна иметь места. Она пошла бы на пользу баронам, которые желали бы превратить колонистов в своих надежных телохранителей и защиту от революции. Чем враждебнее относятся латышские рабочие и крестьяне к немецким, тем вернее будут последние служить баронам. Так развеим же надежды баронов, — призывал Ф. Розинь, — наладим дружеские отношения с немецкими колонистами, поведем среди них социал-демократическую пропаганду, будем с ними солидарны. Если нам это удастся, острие колонизации окажется повернутым против тех, кто ее затеял¹.

Отношение латышских крестьян и батраков к немецким колонистам не могло существенно повлиять на ход колонизации. Как указывалось выше, немецким помещикам Мантейфелю, Бредриху и другим в данной конкретной ситуации удалось окружить себя "своими" людьми, воспитанными в духе немецкого шовинизма. Однако постановка данного вопроса социал-демократией Латышского края имела громадное значение в деле интернационального воспитания трудового народа Латвии.

В 1907-1914 гг. в латвийской деревне сложилась весьма сложная обстановка: помимо немецкой колонизации происходила русская колонизация /продажа казенных имений русским крестьянам/, осуществлявшаяся царскими властями, латышские дворохозяева вербовали себе батраков в Латгалии и Литве. И если в эти годы со стороны пролетариата Латвии, в частности сельского пролетариата, не было недоброжелательного отношения к немецким, русским, латгальским крестьянам, которые объективно ухудшали положение

¹ Dzīvības balsis, 1913. g. 23. II, Nr. 7.

латышских батраков и крестьян, то это - результат много - летней воспитательной работы СДЛК.

Так закладывались основы интернационального союза трудовых масс населения Латвии, в полной мере проявившего себя в период революционных потрясений 1917-1919 гг.

х х

х

В дооктябрьский период латышские трудящиеся испытывали двойной национальный гнет русского самодержавия и немецких привилегированных сословий. Характерной чертой рассматриваемого периода является усиление великорусского и немецкого шовинизма, усиление национального гнета. В этих условиях перед революционерами Латвии встала важная задача: предотвратить возникновение ответного националистического движения латышских трудящихся, не дать латышской буржуазии с помощью псевдонациональных лозунгов отвлечь трудящихся от классовой борьбы.

В целом это удалось. Латышские социал-демократы, учась у Ленина, осуществляли классовый подход к явлениям национальной жизни и учитывали свое положение как представителей малой нации, считали первоочередной задачей борьбу с любыми проявлениями национальной розни. Особо остро эта проблема встала в первые дни и недели первой мировой войны. Немецкие буржуазные историки много писали о проявлениях антинемецкого шовинизма в России, в том числе в Латвии, летом и осенью 1914 года. Однако эти историки замалчивают последовательную и активную борьбу ленинцев, русских и латышских революционеров против обронческих, шовинистических настроений. Умалчивают они также о том, что появление антинемецких настроений, возникших в Латвии несмотря на противодействие революционеров, в значительной мере объясняется националистической политикой немецких правящих кругов после 1905 г.

Латышские социал-демократы и в условиях войны бо-

ролись за расширение интернациональных связей с немецкими братьями по классу. Латвийские стрелки вместе с другими революционными солдатами XII армии, протестуя против несправедливой империалистической войны, братались с немецкими солдатами в окопах Рижского фронта в 1917 году. Латвийские социал-демократы на XIII конференции СДЛК в апреле 1917 года и латвийские стрелки на своем II съезде в мае 1917 года, признавая своим идейным вождем партию большевиков во главе с В.И. Лениным, обратились с пламенным приветствием к Карлу Либкнехту, который являлся для них образцом мужественной интернационалистической борьбы против войны¹.

В чрезвычайно тяжелых условиях немецкой оккупации в 1918 году социал-демократы Латвии налаживали контакты с солдатами оккупационной армии для совместной борьбы против германского империализма. Именно для того, чтобы подчеркнуть свою солидарность с группой левых социал-демократов Германии - спартаковцев, подпольная организация Риги приняла название группы "Спартак". Она развернула широкую агитационную работу среди немецких солдат, а при ЦК СД Латвии успешно действовала немецкая солдатская секция².

В конце 1918 года состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Германии. В речи "Наша программа и политическая ситуация" Роза Люксембург гневно осудила политику Шейдемана и Виннига в Прибалтике³. Съезд принял резолюцию протеста против интервенции немецких милитаристов против Советской Латвии⁴. Весной 1919 года в составе

¹ Очерки истории КП Латвии, ч. I, Рига, 1962, стр. 336, 335.

² Там же, стр. 434-435.

³ R. Luxemburg. Politische Schriften. Berlin, 1968, S. 404-408.

⁴ Von Brest bis Rapallo, Bd. I, Berlin 1967, S. 836.

в армии Советской Латвии был создан немецкий легион имени К. Либкнехта, который участвовал в боях против войск фон дер Гольца. Летом и осенью 1919 года немецкие революционеры развернули активную кампанию против бермондтовской авантюры германских империалистов.

х

х

х

После поражения революции 1905-1907 гг. прибалтийское немецкое дворянство стремится к подчинению своему влиянию всех немцев Прибалтики и добивается этого под шовинистическими лозунгами. Одновременно делаются большие усилия для увеличения численности немецкого населения, главным образом крестьянского. Конечной целью колонизации было вытеснение латышского крестьянства немецким. С весьма противоречивых позиций этой политике противодействовали различные силы - русская царская администрация, латышская буржуазия и социал-демократия всех национальностей, населявших Прибалтику. Несмотря на это, бароны за несколько лет добились известных, хотя и ограниченных успехов. Дальнейшим попыткам колонизации в 1914 году положила конец первая мировая война.

Из трех сил, противодействовавших немецкой колонизации, две не выдержали проверки временем. Первым сошел со сцены царизм. Больших успехов /кульминационным этапом которых была земельная реформа/ добилась латышская буржуазия. Однако ее борьба против немецкого дворянства сочеталась с совместной борьбой рука об руку с этим же дворянством и его военной силой /ландесвер/ против трудового народа Латвии в 1918-1920 гг. Занятие аналогичной позиции в условиях второй мировой войны привело к полному политическому банкротству латышской буржуазии.

Проверку времени выдержало революционное движение, пролетарский интернационализм, в частности боевое содружество трудящихся России, Латвии и Германии.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАШИСТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ОРГАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ/1941-1945гг./

Германские фашисты, представлявшие интересы наиболее реакционных и агрессивных настроенных кругов немецкой крупной буржуазии, основной своей целью считали территориальные приобретения. Эта цель была сформулирована уже в программных документах национал-социализма¹ и многократно повторно провозглашалась в статьях и речах главней германского фашизма.

Центральное место в агрессивных планах гитлеровцев было отведено проектам завоевания обширных территорий Советского Союза и размещения на них немецких колонистов. Детальный план нападения на СССР генеральный штаб фашистской Германии начал разрабатывать к концу лета 1940 г. и в основных чертах завершил его разработку в начале ноября². 18 декабря 1940 г. Гитлер отдал распоряжение завершить все мероприятия, связанные с подготовкой нападения на Советский Союз к 15 мая 1941 г.³

Инструкция о разделе оккупированных территорий Советского Союза на оккупационные зоны, или рейхскомиссарии, была утверждена 8 мая 1941 г. Рейхскомиссариат, в который предусматривалось включить прибалтийские ре-

¹ Das Programm der NSDAP und seine weltanschaulicher Grundgedanken von G. Feder. 25.-40. Auflage. Verlag F. Eher Nachf. G.m.b.H., Munchen, 1930, s. 19.

² "Совершенно секретно! Только для командования!" Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. "Наука", М., 1967, стр. 141-147.

³ Там же, стр. 149-153.

публики и Белоруссию в ней был назван "Остланд"⁴.

Структура и полномочия гражданских служб оккупационного режима были уточнены распоряжениями Гитлера от 29 июня и 17 июля 1941 г. Они предусматривали передачу всех административных функций на оккупированных территориях после прекращения военных действий гражданскому аппарату управления, высшей инстанцией которого было министерство оккупированных восточных областей с местопребыванием в Берлине. Министром был назначен А. Розенберг.

Территория Латвии на левом берегу Даугавы была передана гражданскому управлению 30 июля 1941 г., а остальная территория республики - 1 сентября. В состав рейхскомиссариата "Остланд" с центром в Риге входили генеральные округа во главе с генеральными комиссарами в Каунасе, Риге, Таллине /Ревеле/ и Минске, т.е. в основном территории Литовской, Латвийской, Эстонской и Белорусской ССР. Полномочия некоторых ведомств рейхскомиссариата "Остланде", в частности полицейских учреждений, распространялись и на значительные территории РСФСР - в Ленинградской, Псковской и Смоленской областях. Однако административная власть там оставалась в основном в руках военных комендантов. Генеральные комиссариаты, в свою очередь, были разделены на гебитскомиссариаты. Территория Латвии входила в 6 гебитскомиссариатов: Рижский городской, Рижский сельский, Валмиерский, Лиепайский и Даугавпилсский⁵.

⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в трех томах, т. I, М., 1965, стр. 209; ЦГИА Латв. ССР, ф. Р-70, оп. 3, д. 1, л. 41-42.

⁵ Amtsblatt des Generalkommissars in Riga.-Deutsche Zeitung im Ostland, 2. September 1941; Jahrgang 4, 1941, Nr. 5: 17 мы обвиняем. Документы и материалы о влodeяниях гитлеровских оккупантов и латышских буржуазных националистов в Латвийской Советской Социалистической Республике. 1941-1945. "Лиезма", Рига, 1967, стр. 32-33.

Избегая упоминания названий "Литва", "Латвия" и "Эстония", оккупанты ввели в оборот словосочетания "Остланд", "Прибалтийские земли", "Край прибалтийских народов" и т.д. Генеральных комиссаров также называли по административным центрам - главным городам генеральных округов.

Аппарат рейхскомиссариата, генеральных комиссариатов и гебитскомиссариатов был укомплектован исключительно немцами германского подданства. В январе 1943 г. в гражданских оккупационных учреждениях "Остланда" было занято 2504 германских подданных, из них в аппаратах рейхскомиссариата - 555, Рижского генерального комиссара - 237, Таллинского - 198, Минского - 365, Каунасского - 360, остальные - в аппаратах гебитскомиссариатов⁶.

На захваченных территориях СССР руководители гражданских оккупационных учреждений - рейхскомиссары, генеральные комиссары и гебитскомиссары выполняли одновременно функции представителей партий⁷. Железные дороги и почта в соответствии с распоряжением Гитлера от 17 июня 1941 г. вошли в подчинение соответствующих министерств Германии, а полицейские учреждения - руководства СС⁸.

Наряду с административными управлениями оккупанты на всей территории Латвии создали сеть учреждений суда и прокуратуры. 6 сентября 1941 г. распоряжением рейхскомиссара Г. Лозе в "Остланде" были учреждены немецкие суды и прокуратуры. Только немецкий суд имел право рассмотреть дела, в которых один из участников был германским подданным или немцем по национальности, однако они могли по указанию рейхскомиссара рассматривать любое другое дело. Судопроизводство проводилось по германским законам, но рас-

⁶ ЦИА Латв. ССР, ф. Р-70, оп. 3, д. 50, л. 20.

⁷ Aufgaben der NSDAP im Ostland, Deutsche Zeitung im Ostland 21. August 1941.

⁸ ЦИА Латв. ССР, ф. Р-70, оп. 3, д. 1, л. 18.

поряжение предусматривало возможность отступления от них, "если это способствует быстрому и деловому урегулированию"⁹. Позднее были образованы немецкие особые суды, которые главным образом рассматривали дела участников антифашистской борьбы. Начиная с 30 января по распоряжению А. Розенберга от 12 января 1942 г. на территории рейхско-миссарята "Остланд" стали действовать чрезвычайные суды, состоявшие из одного офицера полиции или СС в качестве председателя и двух специально подобранных лиц. Чрезвычайные суды могли вынести смертный приговор, конфисковать имущество, передать обвиняемого полиции безопасности, передать дело особому суду или оправдать. Приговоры чрезвычайных судов не подлежали обжалованию. Чрезвычайные суды учреждали генеральные комиссары. Немцы и подданные Германии юрисдикции этих судов не подлежали¹⁰.

В период оккупации возобновили свою деятельность местные буржуазные суды, но их права были сильно ограничены. Генеральный комиссар имел право, даже после вынесения приговора изъять любое дело из компетенции латышского суда и передать его на рассмотрение в немецкий суд¹¹.

Полицейский аппарат на оккупированных территориях СССР, согласно приказу Гитлера от 17 июля 1941 г., находился в двойном подчинении. Высшая полицейская власть находилась в руках рейхсфюрера СС и начальника полиции безопасности Г. Гиммлера, однако офицеры СС и полиции на местах были подчинены соответствующим рейхскомиссарам, генеральным комиссарам и гебитскомиссарам¹². Фактически полицейские власти больше считались с распоряжениями высшего руководства СС в "Остланде", чем немецкого гражданского управления. Из-за этого неоднократно возникали раз-

⁹ Amtsblatt des Generalkommissars in Riga. Jahrgang 1, 1941, Nr. 33. 40.-43.

¹⁰ Мы обвиняем, стр. 56-58.

¹¹ ЦИА Латв. ССР, ф. 1018, оп. 1, д. 1, л. 32.

¹² Там же, ф. Р-70, оп. 3, д. 1, л. 18.

ногласия между различными ведомствами оккупантов. Конфликты имели место и между начальниками различных полицейских служб, главным образом, по вопросам границ полномочий каждого из них¹³. Полицейский произвол в отношении местного населения был неограниченным.

Более детально правовое /а фактически - бесправное/ положение населения оккупированных территорий определило распоряжение А. Розенберга от 17 февраля 1942 г. В нем предусматривалась смертная казнь или тюрьма не только за противодействие оккупационным властям или отдельным их представителям, но и за действия, направленные против "достоинства германского государства или немецкого народа", за порчу имущества немца или подданного Германии, недонесение и т.д. Смертная казнь угрожала и несовершеннолетним¹⁴.

Гебитскомиссары имели право без суда, в административном порядке подвергать денежному штрафу в размере до 1000 марок и аресту сроком до 6 недель¹⁵. На деле каждый солдат и полицейский мог безнаказанно посягнуть на жизнь и свободу населения оккупированных территорий.

По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, на территории Латвийской ССР в период оккупации в разное время существовали 46 тюрем, 23 концентрационных лагеря и 18 гетто - всего 87 мест заключения¹⁶. Комиссия установила, что фашистские оккупан-

¹³ Мы обвиняем, стр. 231-238.

¹⁴ Мы обвиняем, стр. 58-60.

¹⁵ Amtsblatt des Generalkommissars in Riga. Jahrgang 1., 1941, N 1, ss. 43-44.

¹⁶ Я. К. Дзинтарс. Развитие подпольной антифашистской борьбы на территории Латвийской ССР в период немецко-фашистской оккупации /1941-1943/. - В кн.: "В дни войны". Издательство Академии наук Латв. ССР, Рига, 1964, стр. 21.

ты и их подручные на территории Латвии убили 315 000 мирных жителей, в том числе примерно 100 000 граждан Латвийской ССР. В числе убитых граждан Латвийской ССР было около 85 000 евреев. Кроме того, на территории республики было замучено более 330 000 советских военнопленных¹⁷. За антифашистскую деятельность в период оккупации было арестовано около 20 000 жителей Латвии¹⁸.

Только боязнь открытого взрыва ненависти народных масс заставляла иногда немецких фашистов воздерживаться от осуществления некоторых своих намерений. Так, например, не была выполнена угроза гитлеровцев расстрелять за каждого убитого немца в Лиепая 100 латышей¹⁹. Нет также сведений о том, что в Латвии приводился в исполнение циркуляр комиссара путей сообщения в Риге от 20 февраля 1942 г. о применении телесного наказания к местным железнодорожникам за нарушение трудовой дисциплины²⁰.

Проводя политику "разделяй и властвуй", оккупанты разделили население Латвии на группы с неодинаковым правовым положением, в основном по национальному признаку. Наиболее угнетаемой и преследуемой национальной группой в период оккупации были евреи. Уже в течение первых месяцев оккупации в Латвии без суда и следствия было уничтожено около 30 000 евреев. В гетто Риги, Даугавпилса и Лиепая осенью 1941 г. было заключено более 40 000 евреев²¹, большая часть которых была уничтожена в декабре 1941 года²². На территории Латвии гитлеровцы осуществля-

17 Там же, стр. 91; СС в действии. Документы о преступлениях СС. "Прогресс", М., 1968, стр. 239.

18 Я. К. Даинтаре, указ. соч., стр. 96.

19 Kurzemes vārds, 1941. g. 8. jūlijs.

20 Мы обвиняем, стр. 228-229.

21 Там же, стр. 77-79.

22 Там же, стр. 78, 185-187.

ли массовое уничтожение евреев, депортированных из других стран Европы -- Чехословакии, Австрии, Венгрии, Франции и т.д.²³ Оккупационные власти до мелочных подробностей разработали различного рода ограничения и запреты для евреев, а также инструкции о том, как представители властей должны себя вести по отношению к ним. Так, например, евреи должны были носить на груди и на спине нашивку на верхнюю одежду желтую шестиконечную звезду, им было запрещено менять место жительства, ходить по тротуарам, пользоваться средствами транспорта, находиться в парках и на спортивных площадках, посещать кино, театры, библиотеки и музеи, учебные заведения всех видов. Евреи не имели права быть владельцами средств транспорта, радио и т.д.²⁴ Все движимое и недвижимое имущество евреев, согласно распоряжению рейхскомиссара Лозе от 13 октября 1941 г., было конфисковано. Была оставлена лишь "часть домашней утвари, служащей скудным жизненным потребностям" и деньги в размере до 100 марок²⁵. Особыми предписаниями ограничивалась жизнь евреев, согнанных в гетто. Узникам гетто запрещалось пользоваться телефоном и почтой для сообщения между собой или с внешним миром. Весь домашний скот, принадлежавший узникам гетто, был изъят²⁶.

Подобную политику, хотя и менее последовательно, оккупанты проводили на территории Латвийской ССР в отношении цыган. Рейхскомиссар Лозе в своем письме от 4 декабря 1941 г. начальнику СС и полиции в Риге рекомендовал поступать с цыганами так же, как с евреями²⁷. В соответствии с такой установкой в разных местах Латвийской ССР

²³ Мы обвиняем, стр. 188-193.

²⁴ Tēviņa, 1941. g. 1. septembrī.

²⁵ Мы обвиняем, стр. 72-73.

²⁶ ЦИА Латв. ССР, ф. Р-69, оп. 1а, д. 6, л. 73.

²⁷ Там же, л. 296.

были расстреляны сотни цыган²⁸. Однако в последующие годы положение несколько изменилось. Начиная с 1943 года в правовом отношении к евреям приравнивали лишь кочующих цыган, а оседлых приравнивали к остальным жителям²⁹. В первые годы оккупации оккупационные власти придирчиво оледили, чтобы в Латвию самовольно не въезжали граждане других советских республик³⁰, а въехавшие в 1940/41 годах были арестованы.

В оккупированной Латвии привилегиями пользовались немцы, прежде всего германские подданные. В высшие учреждения оккупационного аппарата допускались исключительно они. Из местного населения немцами считали тех, кого таковыми признал соответствующий гебитскомиссар³¹. Всем учреждениям оккупантов и войсковым частям регулярно предписывалось вести себя благожелательно и дружелюбно по отношению к лицам немецкой национальности на оккупированной территории Советского Союза. Рекомендовалось оказывать им всемерную помощь, в частности для поддержания контактов с Германией³².

Подданные Германии и все лица немецкой национальности были подчинены лишь немецкой администрации и немецким судам. Они имели не только юридические, но и экономические привилегии, например, при организации торговых предприятий³³. Во время работы и на отдыхе, в поездах и гостиницах немцы были отделены от населения других национальностей и имели дополнительные удобства³⁴.

²⁸ Мы обвиняем, стр. 195-198.

²⁹ ЦИА Латв. ССР, ф. Р-69, оп. 1, а, д. 2, л. 299. Там же, д. 6, л. 249

³⁰ Там же, д. 7, л. 14.

³¹ Там же, оп. 3, д. 1, л. 21.

³² Циркуляр А. Розенберга 14 апреля 1942. - ЦИА Латв. ССР, ф. Р-70, оп. 3, д. 5, л. 191-194.

³³ Amtsblatt des Generalkommissars in Riga. Jahrgang 2, 1942, Nr. 26-28.

³⁴ Мы обвиняем, стр. 80. В. Pickor. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942. Athene Verlag, Bonn, 1951, S. 110.

Однако реальное положение вещей в Латвии заставило гитлеровцев внести определенные исправления в свои планы или, по меньшей мере в сроки их осуществления. В условиях, когда армия гитлеровцев вместо ожидаемых легких побед несла тяжелые потери, оккупанты были вынуждены воздержаться от немедленного осуществления проектов колонизации, которая вызвала бы недовольство даже латышской буржуазии. Все же эти коррективы в свои предварительные планы вносили непоследовательно и неохотно. Большинство изменений в первоначальных проектах оккупантов было вызвано их намерениями использовать местных реакционных деятелей в своих целях.

Отношение оккупационных властей к хозяйственной и политической деятельности латышской буржуазии было двояким. С одной стороны, они стремились использовать антисоветские настроения латышской буржуазии в борьбе против антифашистского движения сопротивления, а также с тем чтобы в максимальной мере использовать экономические и человеческие ресурсы Латвии в своих целях при минимальных затратах собственных сил. С другой стороны, оккупанты, имея в виду планы колонизации Латвии, позволяли латышской буржуазии проявлять активность лишь в ограниченных сферах деятельности, главным образом на низшем административном уровне, в мелкой торговле и на полицейском поприще. Оккупанты не допускали политической деятельности латышской буржуазии, не разрешали восстановить прежние буржуазные партии, тщательно следили за их бывшими активистами³⁵, однако лишь изредка считали необходимым принимать против них какие-либо санкции³⁶.

Уже в первые дни оккупации в городах и волостях Латвии вновь начал функционировать административный аппарат буржуазной власти³⁷. Во многих случаях во главе

³⁵ ЦИА Латв. ССР, ф. Р-69, оп. 1а, д. 2, л. 392.

³⁶ Там же, оп. 2, д. 150, л. 6-7.

³⁷ Я. К. Дзинтарс, указ. соч., стр. 89.

управлений волостей, уездов и городов стали чиновники и полицейские, которые занимали соответствующие посты в период буржуазной Латвии. Однако теперь они находились в подчинении военных комендантов гитлеровской армии, а позднее - гражданских учреждений оккупантов. Все персональные изменения в администрации уездов и сравнительно крупных городов производились в соответствии с распоряжениями немецких учреждений.

Местные фашисты при поддержке оккупантов жестоко расправлялись с советскими активистами, физически уничтожив многих из них. Консолидации латышской буржуазии в масштабе всей Латвии оккупанты не допускали и не признавали комитетов, которые латышские буржуазные политики сформировали в первые недели оккупации. Оккупанты были вынуждены мириться с фактом, что в средних и низших звеньях администрации - в управлениях уездов, волостей и городов, а также в аппарате многих экономических ведомств действуют уроженцы Прибалтики. Неоднократно рассматривался вопрос о введении немецкого управления во всех звеньях, однако реализация таких проектов всегда откладывалась из-за отсутствия реальных возможностей. Чиновник министерства по делам оккупированных восточных областей П. Клейст в своем меморандуме, составленном 24 октября 1941 г., констатировал, что введение немецкого управления во всех звеньях рейхокомиссариата "Остланд" потребовало бы большого количества немецких чиновников высшего, среднего и низшего ранга и на начальном этапе, кроме того, примерно 120 000 немецких полицейских. При этом неизбежное ухудшение условий жизни населения в таком случае вызвало бы недовольство немецкой администрацией³⁸.

Руководство фашистской Германии не меняло структуру административного устройства Прибалтики, надеясь в

³⁸ ЦПА Латв. ССР, ф. Р-70, оп. 3, д. 2, л. 19-20.

ближайшее время развернуть ее колонизацию. Рига должна была стать немецким городом, но и в других городах латыши могли находиться лишь в качестве рабочей силы³⁹.

После разгрома фашистских войск под Москвой гитлеровцы отказались от намерения в ближайшем будущем колонизовать Прибалтику; они вынуждены были заботиться о том, как полнее использовать местные материальные и людские ресурсы, им приходилось также считаться с возрастающим сопротивлением народа.

В этих условиях оккупанты частично передали местным коллаборационистам управление хозяйством, а также регулирование ряда административных вопросов, сохраняя в своих руках высшее руководство и контроль. Распоряжение А. Розенберга о создании "самоуправлений" Прибалтики было опубликовано 19 марта 1942 г.⁴⁰

Руководители ведомств латвийского самоуправления назывались генеральными директорами⁴¹. Руководящих деятелей самоуправления назначал и отзывал немецкий генеральный комиссар, которые решал также все наиболее важные вопросы⁴². Основным критерием в оценке деятелей самоуправления было доверие соответствующего генерального комиссара, таким образом, любые разногласия были немыслимы⁴³.

Каждый генеральный директор ведал определенной отраслью управления и нес ответственность непосредственно перед немецким генеральным комиссаром. Генеральный директор внутренних дел считался среди них первым и представ-

³⁹ ЦИА Латв. ССР, ф. Р-69, оп. Iа, д. 3, л. 150-167.

⁴⁰ Die Volker des Ostlandes erhalten die Selbstverwaltung.-Deutsche Zeitung im Ostland, 19. März 1942.

⁴¹ Deutsche Zeitung im Ostland, 19. März 1942. n. a.

⁴² Kurt Papenrot. Sechswalter ihres Volkes.- Deutsche Zeitung im Ostland, 10. Mai 1942.

⁴³ Ministerialdirektor Dr. Ruwite. Landeseigene Ostlandverwaltung.-Deutsche Zeitung im Ostland, 19. März 1942.

для все самоуправление. По согласованию с генеральным комиссаром он распределял функции остальных генеральных директоров, однако не считался их начальником, не мог их сменять и, подобно им, был только уполномоченным генерального комиссара. Самоуправление не имело права принимать коллегиальные решения.

В систему самоуправления вошли управления городов /кроме Риги/, уездов и волостей. Общее руководство местными административными учреждениями осуществлял генеральный комиссар внутренних дел. Местные учреждения получали распоряжения также от соответствующего гебитскомиссара, который, разумеется, не был подчинен самоуправлению. Ригой управляли администраторы и чиновники, непосредственно назначенные генеральным комиссаром. Городское управление Риги было единственным учреждением управления в Латвии, в котором работали как немецкие, так и латышские чиновники⁴⁴.

В конце 1942 и в первые месяцы 1943 года, в связи с поражением фашистской армии под Сталинградом в рейхскомиссариате "Остланд" и в министерстве по делам оккупированных областей стали обсуждаться проекты дальнейших административных реформ. Некоторые из них предусматривали дать более широкую автономию местным коллаборационистам, превратить Латвию в вассальное государство, подобное Словакии⁴⁵ и объявить латышей близкими немцам в расовом отношении⁴⁶. Эти мероприятия по замыслу их инициаторов, позволили бы высвободить большое число немецких чиновников и облегчили бы мобилизацию материальных и людских ресурсов Латвии для нужд немецкой военной машины. Однако, поскольку планы колонизации Латвии все еще оставались в силе, руководство гитлеровского "рейха" не допустило рас-

⁴⁴ ЦИА Латв. ССР, ф. Р-1018, оп. I, д. 2, л. 190.

⁴⁵ Там же, л. 176.

⁴⁶ Там же, ф. Р-70, оп. 3, д. 2, л. 157-159.

ширения полномочий местных учреждений. Кроме того, оккупанты не доверяли полностью латышским буржуазным чиновникам⁴⁷. Руководитель политического отдела рейхскомиссариата "Ост-ланда" в своей записке о проекте административных реформ предупреждал против дальнейшего расширения компетенций местного самоуправления⁴⁸.

В марте 1943 г. оккупанты организовали распространение слухов, которые отвергали возможность изменения статуса оккупированных территорий до окончания войны ввиду того, что это запрещено международным правом⁴⁹. Одновременно были обсуждены и проекты, предусматривавшие децентрализацию управления, укрепление аппарата гебитскомиссариатов с целью образовать в Латвии три отдельных областных управления, а Ригу полностью выделить из этой системы управления⁵⁰. Целесообразность таких изменений авторы проектов, в частности земгальский гебитскомиссар Медем, обосновывали необходимостью изолировать сельские районы и провинциальные города от духовного влияния рижской латышской интеллигенции, которое мешает успешному проведению мероприятий оккупационных властей. Но и этот проект остался на бумаге, ибо оккупанты опасались, что подобные мероприятия могут дезорганизовать экономическую жизнь и вызвать перебои в снабжении фронта.

Неосуществленным остался также проект образования смешанных немецко-латышских учреждений, в которых руководителями были бы немцы, а техническую работу выполняли латыши, как это имело место в управлении города Риги⁵¹. Для осуществления этого плана у оккупантов не хватило квалифицированных работников.

⁴⁷ ЦИА Латв.ССР, ф.Р-1018, оп.1, д.2, л.184.

⁴⁸ Там же, л.249.

⁴⁹ Там же, ф.Р-70, оп.3, д.51, л.186.

⁵⁰ Там же, ф.Р-1018, оп.1, д.2, л.179, 250.

⁵¹ Там же, л.190.

Первоначальная форма административного управления существовала до лета 1944 г., когда началось изгнание германских фашистов из Латвии. 26 сентября Г. Лозе был отозван с поста рейхскомиссара "Остланда". Назначенный на его место палач украинского народа Кох не явился на место службы, и постепенно вся административная власть в оккупированной части Латвии перешла в руки военных комендантов.

Оккупанты неоднократно изменяли детали своих первоначальных экономических планов в соответствии с нуждами военного хозяйства. С первых дней оккупации, но особенно широко и систематически с августа 1941 г. стала проводиться реквизиция сельскохозяйственной продукции, в частности живого скота, для нужд германской армии и гражданского населения Германии⁵². В дальнейшем сельскохозяйственная продукция изымалась в "плановом" порядке. 1 декабря 1942 г. Г. Геринг направил особое распоряжение министру по делам оккупированных восточных областей, в котором, между прочим, требовал сдавать как можно больше продуктов сельского хозяйства немецкой армии, а потребление местного населения поддерживать на возможно более низком уровне⁵³.

Осенью 1941 года народное хозяйство Латвии было включено в систему хозяйства гитлеровской Германии. Управление хозяйством уже с самого начала носило характер разграбления. В особенности это относилось к запасам наиболее важного сырья. Такую политику официально санкционировала директива Геринга рейхскомиссару "Остланда" от 27 июля 1941 г.⁵⁴. В дальнейшем разграбление экономических ресурсов Латвии осуществлялось как с помощью монополистических компаний, основанных специально для

⁵² Мы обвиняем, стр. 296-297.

⁵³ Там же, стр. 294-295.

⁵⁴ Там же, стр. 285-287.

"Остланд", так и при посредничестве филиалов крупных монополистических объединений Германии⁵⁵. В 1944 г. в связи с приближением фронта на первое место снова выдвинулись прямые реквизиции. Вся собственность государства и общественных организаций, в соответствии с распоряжением Г. Лозе, 18 августа 1941 г. переняли учреждения гражданской власти или войска⁵⁶.

Земельную реформу, проведенную советской властью в 1940 году, оккупанты объявили недействительной. Земельные участки, переданные по этой реформе новым хозяевам, были возвращены прежним владельцам, а сами новохозяева в принудительном порядке были превращены в сельскохозяйственных рабочих в этих крупных хозяйствах⁵⁷.

В то же время национализированные Советской властью промышленные предприятия и крупные домовладения в городах, за редким исключением, не были отданы прежним владельцам.

16 декабря 1941 г. на территории Латвии была объявлена всеобщая трудовая повинность. Каждый трудоспособный житель Латвии, в соответствии с этим распоряжением, был обязан поступить на работу. Уйти с нее можно было только с согласия управления труда соответствующего гебитско-миссариата. Нарушители этого распоряжения подвергались денежному штрафу или заключению в тюрьму⁵⁸.

10 февраля 1942 г. рижский генеральный комиссариат издал распоряжение о том, что в мелких хозяйствах, с ве-

55 Мы обвиняем, стр. 287-288, 291-292.

56 *Verkundungsblatt des Reichkommissars für das Ostland*, 1941, N 1, S. 3; Мы обвиняем, стр. 41-42.

57 Мы обвиняем, стр. 64-65.

58 *Amtsblatt des Generalkommissars in Riga*. Jahrgang I, 1941, N. I, S. 238-239.

мельной площадью до 3 га, может считаться занятым лишь один человек в возрасте от 15 до 60 лет, в хозяйствах с площадью обрабатываемой земли 3-6 га - два, 8-10 га - три и т.д. Работоспособные люди сверх этой нормы должны были наниматься на работу в крупные хозяйства, где ощущался недостаток рабочей силы⁵⁹. Даже школьники во время школьных каникул должны были работать в сельском хозяйстве⁶⁰.

Непоследовательностью с точки зрения идеологии германского фашизма было вовлечение молодежи оккупированных территорий, в том числе Латвии, в гитлеровскую армию. Согласно концепциям национал-социализма дать оружие в руки представителей "нижних рас" было тяжким преступлением. В первый период Великой Отечественной войны, когда германские фашисты надеялись добиться быстрой и легкой победы, они запретили всем представителям других народов носить оружие. Лишь для осуществления функций полицейских и палачей они допускали существование сравнительно небольших и слабо вооруженных полицейских отрядов из представителей местного населения. Однако ход событий вынудил гитлеровцев переступить через идеологические доктрины ради продления собственного существования. После крупных неудач гитлеровской армии на фронтах, в особенности с осени 1942 г., фашистская Германия стала остро ощущать недостаток людских резервов. В это время оккупационные власти поставили вопрос об использовании в войне солдат из народов Прибалтики. Рижский генеральный комиссар Дрекслер в своем письме рейхскомиссару 3 декабря 1942 г. утверждал, что было бы целесообразно пополнить германскую армию 100 000 латышских солдат, ибо в таком случае можно было бы отложить мобилизацию 100 000 немцев. Это улучшило бы баланс рабочей силы в Германии, а

⁵⁹ Amtsblatt des Generalkommissars in Riga. Jahrgang 1, 1941, №1, ss. 108-109.

⁶⁰ 115 500 Lernende arbeiten auf dem Lande.- Deutsche Zeitung im Ostland 17 Juni 1943.

также позволило бы сберечь "ценную немецкую кровь"⁶¹.

В соответствии с нормами международного права, оккупирующая держава не имеет права мобилизовать в армию жителей оккупированных территорий. Поэтому фашистские власти и их продажные писаки старались изображать воинские соединения, укомплектованные из населения оккупированных территорий, не как регулярные части, а как "легионы добровольцев". Фактически же вовлечение в фашистскую армию носило характер принудительной мобилизации. За уклонение от мобилизации грозила смертная казнь⁶². Проведение незаконной мобилизации оккупанты возложили на местное самоуправление, хотя оно не имело государственных функций и поэтому не могло на законном основании осуществлять мобилизацию.

В период оккупации была прекращена деятельность общественных организаций, а разрешенные оккупантами организации и общества в той или иной форме служили порабощению населения или его одурманиванию. Оккупанты запретили Коммунистическую партию и другие организации трудящихся⁶³. Соответствующее распоряжение, опубликованное 20 сентября 1941 г. носило в основном декларативный характер, ибо почти все коммунисты и активисты организаций трудящихся, не успевшие эвакуироваться или перейти на нелегальное положение, к этому времени были уже убиты или арестованы. Однако на основании этого распоряжения полицейские власти терроризировали прогрессивно настроенных людей, ибо любого из них можно было объявить коммунистом.

Немногие разрешенные организации выполняли роль придатков оккупационного аппарата. Их руководящие деятели назначались и служили агентурой карательных органов оккупантов. Они группировали вокруг себя актив главным

61 ЦИА Латв. ССР, ф. Р-70, оп. 3, д. 51, л. 131.

62 Мы обвиняем, стр. 277-282.

63 Там же, стр. 48.

образом из буржуазных кругов. Очень деятельно в период оккупации действовала "Таутас Палидзиба" /"Народная помощь"/, устав которой 30 октября 1941 г. утвердил рижский генеральный комиссар. Пресса оккупантов изображала эту организацию как филантропическое общество. Правда, некоторые функции учреждений социального обеспечения она выполняла. При этом филантропия была для оккупантов наиболее приемлемой формой общественной активности местного населения. Однако гораздо более энергично, чем проблемами социального обеспечения, "Таутас Палидзиба" занималась антисоветской пропагандой и сбором обязательных "пожертвований" для нужд гитлеровской армии. Так, например, в течение зимы 1941/42 г. активисты общества только в Земгале взяли у населения и передали немецкой армии 86 000 штук разной теплой одежды⁶⁴. В течение той же зимы "Таутас Палидзиба" в Риге под видом пожертвования конфисковала у населения 50 000 кг цветных металлов и передала их военной промышленности Германии⁶⁵. В 1944 г., когда фашисты отступали, "Таутас Палидзиба" организовала угон населения в тыл немецкой армии и в Германию.

Начиная с 1943 года, в оккупированной Латвии свою деятельность возобновила организация "айзсарги". Айссарги /"защитники"/, соединения которых в 1940 г. были расформированы Советской властью, уже с первых дней Отечественной войны развернули вооруженную борьбу и диверсии в тылу Советской Армии. Многие айссарги в первые дни оккупации участвовали в акциях террора против советских активистов. Несмотря на это, немецкие военные власти 9 июля 1941 г. запретили организацию айссаргов и разоружили их, ибо не хотели, чтобы на оккупированной территории существовала какая-либо военная сила, помимо немецкой. Однако в 1943 г., когда фашистская армия стала терпеть крупные

⁶⁴ Tēviņa, 1942. g. 6. janvārī.

⁶⁵ Deutsche Zeitung im Ostland, 28 März 1942.

⁶⁶ Мн обвиняем, стр. 270.

неудачи на фронтах и в Латвии активизировалось движение сопротивления, гитлеровцы сочли целесообразным возобновить деятельность айзсаргов. В период оккупации организация айзсаргов как по составу, так и по характеру деятельности значительно отличалась от прежней, хотя и переняла многие прежние формы организации и методы действия. Айзсарги уже не являлись самостоятельной политической силой, как это было в буржуазной Латвии, а только одной из составных частей полиции оккупантов.

В 1942 г. оккупационные власти и латышские коллаборационисты неоднократно обсуждали вопрос об учреждении латышской молодежной организации по образцу "гитлерюгенд". Такая организация по распоряжению рижского генерального комиссара Дрекслера от 1 августа 1942 г. была создана⁶⁶, однако число ее членов было ничтожным. Зная настроения латышской молодежи, оккупационные власти опасались, что организация может выйти из-под их контроля, и поэтому не способствовали ее росту. В свою очередь, широкие круги латышской молодежи бойкотировали это мероприятие оккупантов.

В конце 1943 г. оккупанты пытались образовать фашистскую организацию латышской буржуазии "Лидумниекс", которая по их замыслу, должна была объединить всех коллаборационистов Латвии и проповедывать идею сотрудничества с германскими фашистами⁶⁷. Однако и это общество не получило поддержки в сколько-нибудь широких кругах и вскоре прекратило свое существование.

В период оккупации активно действовали христианские религиозные организации и секты. Оккупанты разрешали их деятельность, считая религиозную идеологию средством борьбы против влияния марксизма⁶⁸. Многие священники активно сотрудничали с оккупантами. Так, например, глава

⁶⁶ Мы обвиняем, стр. 270.

⁶⁷ ЦИА Латв. ССР, ф. Р-69, оп. 1а, д. 2, л. 555.

⁶⁸ Там же, д. 19, л. 19.

лютеранской церкви Латвии епископ Гринберг 3 июля 1941 г. служил благодарственный молебен в честь взятия Риги войсками фашистской Германии⁶⁹. Пастор В. Сандерс стал руководителем отдела просвещения и культуры в самоуправлении. Многие овященники сотрудничали с учреждениями полиции оккупантов, а некоторые лично участвовали в убийствах советских граждан⁷⁰.

Единственным ограничением для религиозных организаций в период оккупации был запрет проводить религиозные процессии вне помещений, ибо оккупанты боялись, что такие процессии могут развернуться в антифашистские политические демонстрации⁷¹.

Оккупационные власти стремились держать под мелочной опекой деятельность спортивных обществ, подвергая дискриминации местных спортсменов. При этом всячески поощрялось занятие спортом подданных Германии и всех немцев⁷². Спортивные общества, образованные в период Советской власти, были ликвидированы, а прежним, буржуазным спортивным обществам было разрешено возобновить работу. Однако, согласно инструкции, которую политический отдел рейхскомиссариата "Остланд" 26 мая 1942 г. направил генеральным комиссарам, немемецкие спортсмены не имели права заниматься видами спорта, которые имеют военное значение, - стрельбой, туризмом, парусным спортом и т.д.⁷³.

Оккупационные власти старались не допускать никаких неконтролируемых ими контактов между представителями народов различных оккупированных территорий и поэтому препятствовали проведению спортивных соревнований. Хотя летом 1942 г. были проведены футбольные матчи между ла-

69 Tāvija, 1941. g. 4. jūlijā

70 Z. Valevics. Baznīca un valsts buržuāgiskajā Latvijā 1920.-1940. LVJ, Rīgā, 1964, 144. lpp.

71 ЦИА Латв. ССР, ф. Р-69, оп. 1а, д. 2, л. 292-293.

72 Там же, д. 19, л. 375.

73 Там же, л. 376.

тышскими и эстонскими командами⁷⁴, оккупационные власти не допускали соревнований по другим видам спорта, ссылаясь на трудности с транспортом. Однако, когда эстонские баскетболисты в августе 1942 г. выразили желание поехать в Ригу на велосипедах, последовал формальный запрет и рекомендация использовать лишнюю энергию на сельскохозяйственных или лесозаготовительных работах⁷⁵.

Оккупанты в Латвии всячески дискриминировали и унижали местных жителей, их не допускали в лучшие гостиницы и магазины. В пассажирских поездах местному населению было отведено только несколько вагонов⁷⁶. В Лиепе зимой 1942/43 г. закрытые трамвайные вагоны были резервированы для немецких солдат, а матери с маленькими детьми должны были ехать на открытых платформах⁷⁷. Оккупанты дискриминировали латышский язык и культуру. Руководящие учреждения, согласно распоряжению Г. Лозе от 18 августа 1941 г., работали только на немецком языке⁷⁸.

Циркуляр министерства по делам оккупированных восточных областей от 4 июня 1942 г. указывал, что работники немецких оккупационных учреждений не должны учиться языкам народов Прибалтики, ибо вскоре все население этих территорий будет говорить по-немецки⁷⁹. Циркуляр этого же министерства уже в марте 1942 г. указывал, что переписка между немецкими и латышскими учреждениями может вестись только на немецком языке. Только в контактах между латышскими учреждениями языком общения мог быть как немецкий, так и латышский⁸⁰. В оккупированной Латвии, как метко указал писатель Я. Ниедре, "родному языку латышей

⁷⁴ Tēviņa, 1942. g. 21. augusta.

⁷⁵ ЦГА Латв. ССР, ф. Р-69, оп. I, д. 19, л. 134, 143.

⁷⁶ Мы обвиняем, стр. 80. Henry Picker, указ. соч., IIО.

⁷⁷ ЦГА Латв. ССР, ф. Р-83, оп. I, д. 24, л. 57.

⁷⁸ Там же, ф. Р-1018, оп. I, д. I, л. 34.

⁷⁹ Там же, ф. Р-70, оп. 3, д. 5, л. 150.

⁸⁰ Там же, ф. 1018, оп. I, д. I, л. 34.

отведено место под кровать" ⁸¹.

Оккупанты переименовали улицы городов Латвии, назвав их именами разных фашистских деятелей или немецких шовинистов - Гитлера, Геринга, Розенберга, фон дер Гольца, барона Мантейфеля. В азарте переименования улиц командир 291-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Герцог предложил рейхскомиссариату "Остланд" назвать главные улицы в Лиепаве и в Нарве улицами генерала Герцога ⁸², и только раздоры между разными ведомствами оккупантов помешали осуществлению планов честолюбивого завоевателя.

Министерство по делам оккупированных восточных областей 21 августа 1942 г. отдало распоряжение рейхскомиссару "Остланд" Г. Лозе прекратить подготовку для научной работы литовских, латышских и эстонских студентов и запретить вести научно-исследовательскую работу преподавателям гуманитарных факультетов в прибалтийских вузах ⁸³.

Латышский народ никогда не смирялся с господством фашистских оккупантов. В первые дни Великой Отечественной войны десятки тысяч граждан Советской Латвии оставили родные края, чтобы не попасть под иго фашистской оккупации. Хотя в начале войны в прибалтийских республиках всеобщая мобилизация не проводилась, многие советские патриоты с оружием в руках противостояли захватчикам в составе батальонов рабочей гвардии, в частях Латвийского территориального корпуса, в рядах курсантов рижского пехотного военного училища и т.д. Рабочие Лиепавы вместе с подразделениями регулярных войск несколько дней держали крупные силы захватчиков на подступах к своему городу.

Из эвакуированных граждан Советской Латвии в советском тылу была сформирована 201-я Латвийская стрелко-

⁸¹ J. Niedre. Hitlerieši izdeldē latviešu tautu. - Сīņa, 1942. g. 8. maijā.

⁸² ЦИА Латв. ССР, ф. Р-70, оп. 3, д. 63, л. 6.

⁸³ Мы обвиняем, стр. 85.

вая дивизия, которая за боевые заслуги осенью 1942 г. была преобразована в 43-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Эта дивизия, а начиная с лета 1944 г. — 130-й латышский стрелковый корпус внесли свой вклад в дело разгрома гитлеровской армии и освобождения Латвии.

Многие жители Латвии, которые не успели или не смогли эвакуироваться, вопреки кровавому террору, самоотверженно боролись против оккупантов и местных коллаборационистов. Во всех частях Латвии действовали партизаны, активизировавшие свою борьбу в последние годы войны. В больших городах, а кое-где и в сельской местности образовались антифашистские подпольные группы. Еще более широким было пассивное сопротивление, проявлявшееся на каждом шагу в форме невыполнения распоряжений оккупантов, неуплаты податей и повинностей и т.д. Уклонение от мобилизации в фашистскую армию, скрывание дезертиров, поддержка бежавших военнопленных и узников гетто переплетались с активными формами сопротивления.

Руководящей силой в антифашистской борьбе народа была Коммунистическая партия Латвии.

С о д е р ж а н и е

2	Л.Янkelович.	Жизнь и деятельность великого немецкого гуманиста и демократа И.Г.Гердера в Риге	3
2	А.Свелпис.	Пропаганда германизации в работах Молодого Стендера	49
3	И.Апине. П.Крупников.	Новое в политике прибалтийского дворянства после революции 1905-1907 г г.	75
2	В.Заринъш.	Террористическая деятельность фашистских оккупационных органов на территории Латвии /1941-1945гг./	103

Ученые записки, том 159
ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА
(на русском и латышском языках)

Редактор К.Почс
Технический редактор О.Скудра
Корректор К.Даукштс

Редакционно-издательский отдел ЛПУ им. Петра Стучки
Рига 1972

Подписано к печати 23/XII 1971. ЯТ 00695. Зак. № 52.
Ф/б 60x84/16. Писчая №1. Физ.п.л. 8,0. Уч.-изд.л. 6,0
Тираж 500 экз. Цена 38 коп.

Отпечатано на ротапринтере, Рига-50, ул.Вейденбаума,5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

Handwritten notes:
+ m. sp.

Цена 38 руб.

44-1346
1

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0508044373

Учен. зап. (ЛГУ им. П.Стучки), 1972, т.159, 1-1